Стивен Кинг

Позже

Позже

Стивен Кинг

Аннотация
Стивен Кинг. Позже

Аннотация

Джейми Конклин, живущий с матерью в Нью-Йорке, хочет быть всего лишь обычным подростком… но у него есть весьма необычный дар. Дар, который его мама настоятельно просит скрывать от других.

Джейми умеет разговаривать с теми, кого уже нет на этом свете, а значит, ему доступны секреты, ушедшие с покойным в могилу.

Однако обладание этим даром может стоить Джейми слишком дорого. В чем он скоро и убеждается, когда мамина подруга, детектив Лиз Даттон, просит его помочь разгадать последнее послание серийного подрывника. А на кону – десятки, сотни невинных жизней…

Стивен Кинг
Позже

Крису Лотту

Завтрашних дней не так много.
Майкл Лэндон

Серия «Темная башня»
Stephen King
LATER

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*
Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, 2021
© Перевод. Т. Покидаева, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Я не люблю начинать с извинений — возможно, даже есть правило, запрещающее подобный прием, вроде правила, что предложение не должно оканчиваться предлогом, — но, перечитав первые тридцать страниц, я подумал, что извиниться все-таки надо. Извиниться за частое употребление слова из пяти букв, начинающегося на «п». Нет, это не то, о чем вы подумали. Хотя *то* слово, как и много других нехороших слов, перенятых у мамы, я тоже знал с юных лет (в чем вам еще предстоит убедиться). Я имею в виду слово «позже» в таких сочетаниях, как «позже я выяснил» или «только позже я понял». Да, оно повторяется слишком часто, но я не знаю, как построить рассказ по-другому, потому что моя история начинается в те времена, когда я еще верил в Санта-Клауса и зубную фею (хотя даже в шесть лет у меня уже были сомнения). Сейчас мне двадцать два, и «позже» вроде как наступило, да? Наверное, когда мне исполнится сорок — при условии, что я доживу до такого возраста, — я вспомню все, что, как мне представлялось, понимал в двадцать два года, и приду к выводу, что очень многого не понимал. Всегда есть какое-то «позже», теперь я это знаю. По крайней мере, пока мы не умрем. А потом, видимо, наступает

все, что было раньше.

Меня зовут Джейми Конклин, и когда-то давным-давно я нарисовал индейку ко Дню благодарения. Мне казалось, что она офигенная. Позже — причем ненамного позже — выяснилось, что она откровенно фиговая. Иногда правда бывает паршивой.

Мне кажется, это будет история в жанре ужасов. Смотрите сами.

1

Я возвращался домой из школы вместе с мамой. Она держала меня за руку. В другой руке я сжимал свой рисунок — индейку, которую мы рисовали в первом классе за неделю до Дня благодарения. Я чертовски гордился своей индейкой. Делалась она так: ты клал руку на кусок картона и обводил мелком. Получались туловище и хвост. А голову ты дорисовывал сам.

Я показал маме индейку, и мама сказала «ага-ага» и «да-да-да, очень круто», но вряд ли она ее видела по-настоящему. Наверняка думала о чем-то другом. Может быть, о какой-то из книг, которые пыталась продать. «Продвинуть продукт», как она это называла. Мама, чтобы вы понимали, была литературным агентом. Изначально

агентство принадлежало ее брату, моему дяде Гарри, но перешло к маме за год до описываемых событий. Это долгая и совсем невеселая история.

— Я ее сделал зеленой, потому что это мой любимый цвет, — пояснил я. — Ты же знаешь, да?

Мы уже подходили к дому. Всего в трех кварталах от школы.

Мама сказала «ага-ага». И добавила:

— Когда придем домой, займись чем-нибудь, поиграй или посмотри «Барни» или «Волшебный школьный автобус». Мне надо сделать миллион звонков.

Теперь уже *я* сказал «ага-ага», и мама ткнула меня пальцем в бок и улыбнулась. Я любил, когда она улыбалась — когда у меня получалось заставить ее улыбнуться, — потому что даже в шесть лет понимал, что мама слишком серьезно относится к жизни. Позже я выяснил, что отчасти из-за меня. Она боялась, что я ненормальный. В тот день, о котором идет рассказ, она окончательно убедилась, что я все-таки не сумасшедший. С одной стороны, это было большим облегчением, но с другой — может, и нет.

— Ни с кем об этом не говори, Джейми, — сказала она позже в тот день. — Только со мной. А может, и со мной не говори. Хорошо?

Я сказал, хорошо. Когда ты еще маленький, во всем соглашаешься с мамой. Если только она не велит идти спать. Или доесть брокколи.

Мы вошли в наш подъезд, и лифт все еще не работал. Можно сказать, что все было бы по-другому, если бы лифт уже починили, но мне так не кажется. Мне кажется, люди, утверждающие, что все в жизни зависит от нашего выбора, просто гонят пургу. Потому что, смотрите, в лифте или по лестнице, мы все равно поднялись бы на третий этаж. Когда в тебя тычет перст судьбы, все дороги ведут в одно место. Таково мое мнение. Может быть, с возрастом я его изменю, но скорее всего нет.

— Гребаный лифт, — сказала мама и быстро добавила: — Ты ничего не слышал, малыш.

— Чего не слышал? — спросил я, и мама опять улыбнулась. В последний раз за тот день. Я предложил взять у нее сумку с рукописью, довольно объемной, страниц на пятьсот (пока мама ждала меня после уроков, она обычно читала на лавочке во дворе, если погода была хорошая). Мама сказала:

— Спасибо за предложение, но что я тебе всегда говорю?

— В жизни каждый несет свою ношу.

— Вот именно.

— Это Риджис Томас? — спросил я.

— Да, старый добрый Риджис, наш кормилец.

— Что-то про Роанок?

— Надо ли спрашивать, Джейми?

Я тихонько хихикнул. Старый добрый Риджис писал *только* про Роанок. Это была его ноша по жизни.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж, где было всего три квартиры. Наша, в конце коридора, была самой лучшей. Мистер и миссис Беркетты стояли у двери в квартиру 3А, и я сразу понял, что что-то случилось, поскольку мистер Беркетт курил сигарету. Я впервые увидел его курящим. К тому же у нас в доме было категорически запрещено курение. Глаза у мистера Беркетта покраснели, седые волосы стояли торчком. Я всегда называл его мистером, хотя на самом деле он был профессором и преподавал что-то умное в Нью-Йоркском университете. Английскую и европейскую литературу, как я выяснил позже. Миссис Беркетт была босиком и в одной ночной рубашке. Очень тонкой ночной рубашке. Мне были видны почти все ее женские прелести.

— Марти, что случилось? — спросила мама.

Прежде чем он успел ответить, я показал ему

свою индейку. Потому что он был очень грустным и мне хотелось его развеселить, но еще и потому, что я гордился своим рисунком.

— Мистер Беркетт, смотрите! Я нарисовал индейку! Смотрите, миссис Беркетт! — Я поднял лист, держа его прямо перед лицом, чтобы миссис Беркетт не подумала, что я разглядываю ее прелести.

Мистер Беркетт не обратил на меня внимания. Я вообще не уверен, что он меня слышал.

— Тия, это такое горе… Мона скончалась сегодня утром.

Мама уронила к ногам сумку с рукописью и прижала ладонь ко рту.

— Нет! Скажите, что это неправда!

Мистер Беркетт заплакал.

— Она встала ночью, сказала, что хочет пить. Я потом сразу уснул, а утром смотрю: она лежит на диване, натянув одеяло до подбородка. Я на цыпочках прошел в кухню и поставил вариться кофе. Подумал, приятный запах ее ра-ра-разбу… разбудит…

Тут он разрыдался уже всерьез. Мама крепко его обняла, как обнимала меня, когда мне было больно, хотя мистеру Беркетту было, наверное, сто лет (семьдесят четыре, как я выяснил позже).

Вот тогда-то со мной и заговорила миссис Беркетт. Слышно ее было плохо, но не так плохо, как некоторых других, потому что она была еще «свеженькой».

— Не бывает зеленых индеек, Джеймс, — сказала она.

— У меня бывает, — ответил я.

Мама по-прежнему обнимала мистера Беркетта и как бы баюкала его в объятиях. Они не слышали миссис Беркетт, потому что вообще не могли ее слышать, а меня — потому что занимались своими взрослыми делами: мистер Беркетт рыдал, а мама его утешала.

Мистер Беркетт проговорил сквозь слезы:

— Я позвонил доктору Аллену, и он пришел и сказал, что у нее, видимо, случился угар. — По крайней мере, мне показалось, что он так сказал. Он так горько плакал, что я с трудом разбирал слова. — Он сам позвонил в похоронное бюро. Они ее увезли. Не знаю, как я теперь без нее буду жить.

— Если мой муж так и будет размахивать сигаретой, он подпалит волосы твоей маме, — сказала миссис Беркетт.

И конечно же, так и случилось. Я почувствовал запах паленых волос. Такой запах обычно бывает

в парикмахерских. Мама вежливо промолчала, но разжала объятия, отобрала у мистера Беркетта сигарету, бросила ее на пол и затушила ногой. Я подумал, что так нельзя — нельзя мусорить в подъезде, — но ничего не сказал. Я понимал, что сегодня особый случай.

И еще я понимал, что если продолжу беседовать с миссис Беркетт, то наверняка напугаю мистера Беркетта. И маму тоже. Даже ребенок, если он не совсем слабоумный, способен уразуметь элементарные вещи. Не забывай говорить «пожалуйста» и «спасибо», не размахивай пипиской у всех на виду, не жуй с открытым ртом и не разговаривай с мертвыми в присутствии живых, которые только начинают по ним скорбеть. Скажу в свое оправдание, что я не понял, что миссис Беркетт мертва, когда только увидел ее в коридоре. Позже я научился различать мертвецов, но тогда я еще этого не умел. Полупрозрачной была ночная рубашка, но не сама миссис Беркетт. Мертвецы выглядят в точности как живые, но всегда носят одежду, в которой умерли.

Мистер Беркетт тем временем пересказывал маме, как все было. Как он сидел на полу у дивана и держал жену за руку, пока не приехал врач, а потом снова сидел и держал, пока не прибыл гро-

бовщик и не увез ее в похоронное бюро. «Забрал ее», так он выразился, и я понял, о чем речь, только когда мама мне объяснила. И сперва я подумал, что речь идет о парикмахерской, возможно, из-за запаха маминых жженых волос, которые мистер Беркетт подпалил своей сигаретой. Он почти перестал плакать, но теперь вновь разрыдался.

— Ее кольца пропали, — проговорил он сквозь слезы. — И обручальное кольцо, и помолвочное, с большим бриллиантом. Я смотрел на тумбочке у кровати, обычно Мона клала их туда, когда мазала руки этим вонючим кремом от артрита…

— Крем и вправду не благоухает, — согласилась миссис Беркетт. — Ланолин — это, по сути, шерстяной воск, но он действительно помогает.

Я кивнул, чтобы она поняла, что я слушаю, но ничего не сказал.

— …и на раковине в ванной, потому что она иногда оставляет их там… я смотрел *везде*.

— Они найдутся, — успокоила его мама и вновь обняла мистера Беркетта, потому что теперь ее волосам ничто не угрожало. — Они найдутся, Марти, не волнуйтесь.

– Мне так ее не хватает! Мне уже ее не хватает!

Миссис Беркетт помахала рукой у себя перед

лицом.

— Не пройдет и полутора месяцев, как он пригласит на обед Долорес Магован.

Мистер Беркетт рыдал, моя мама его утешала, как утешала меня, когда я поцарапал коленку или пролил кипяток себе на руку, пытаясь налить маме чаю. В общем, шум стоял на весь коридор, и я решился тихонько спросить:

— Где ваши кольца, миссис Беркетт? Вы знаете?

Мертвым положено говорить правду. В шесть лет я этого еще не знал; я был уверен, что *все* взрослые — и живые, и мертвые — всегда говорят только правду. Конечно, в то время я верил, что сказочная Златовласка — реальная девочка. Если хотите, считайте меня дурачком. Но я хотя бы не верил, что три медведя и впрямь говорили человеческим голосом.

— В шкафу в коридоре, на верхней полке, — сказала миссис Беркетт. — У задней стенки, за старыми альбомами.

— Почему там? — спросил я, и мама странно на меня посмотрела. С ее точки зрения, я разговаривал с пустым дверным проемом… хотя она уже знала, что я не такой, как другие дети. После случая в Центральном парке, жутковатого случая

— о нем я еще расскажу, — я случайно подслушал, как в разговоре с редактором по телефону мама назвала меня «фейри». Я тогда страшно перепугался, потому что подумал, что она собирается переименовать меня в Фейри, а это какое-то девчачье имя.

— Не имею ни малейшего представления, — сказала миссис Беркетт. — Наверное, у меня уже случился удар. Все мои мысли утонули в крови.

Мысли утонули в крови. Никогда этого не забуду.

Мама спросила, не хочет ли мистер Беркетт зайти к нам выпить чаю («или чего покрепче»), но он сказал, нет, спасибо, он лучше еще раз поищет пропавшие кольца жены. Мама спросила, не занести ли ему еды из китайского ресторана, которую она собиралась заказать нам на ужин, и мистер Беркетт ответил, что это было бы здорово, спасибо, Тия.

Мама сказала de nada[1] (это словечко она употребляла почти так же часто, как «ага-ага» и «да-да-да») и добавила, что мы занесем ему еду около шести вечера, если только он не захочет поужинать с нами, у нас. Он сказал, нет, спасибо,

---

[1] Примечания: 1

Не за что (*исп.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

он хочет поужинать у себя дома, но будет рад, если мы составим ему компанию. Только, если дословно, он сказал не «у себя», а «у нас», как будто миссис Беркетт была еще жива. Но она была мертвой, хотя и стояла с нами в коридоре.

— Наверняка к тому времени кольца найдутся, — сказала мама и взяла меня за руку. — Пойдем, Джейми. Мы зайдем к мистеру Беркетту позже, а сейчас ему надо побыть одному.

Миссис Беркетт сказала:

— Не бывает зеленых индеек, Джейми, а у тебя даже и не индейка, а просто клякса, из которой торчат пальцы. Ты уж точно не Рембрандт.

Мертвым положено говорить правду, и это нормально, когда тебе надо о чем-то спросить и услышать ответ, но, как я уже говорил, иногда правда бывает паршивой. Я разозлился на миссис Беркетт, но она вдруг расплакалась, и мне расхотелось на нее злиться. Она повернулась к мистеру Беркетту и сказала:

— Кто теперь проследит, чтобы ты не пропускал петельку сзади на штанах, когда вдеваешь ремень? Долорес Магован? Ага, ждите. — Она поцеловала его в щеку… или воздух рядом с его щекой, я толком не разглядел. — Я любила тебя, Марти. И люблю до сих пор.

Мистер Беркетт поднял руку и потер то место, которого она коснулась губами, словно у него зачесалась щека. Наверное, именно так он и подумал.

2

Так что да, я вижу мертвых. Сколько я себя помню, столько и вижу. Но не так, как в том фильме с Брюсом Уиллисом. Это может быть интересно, может быть страшно (как с тем дяденькой в Центральном парке), иногда это бесит, но обычно все происходит вполне буднично. Просто таким я родился. Вроде того, как люди рождаются левшами, или уже в три года проявляют способности к исполнению классической музыки, или страдают болезнью Альцгеймера с ранним началом, как это случилось с моим дядей Гарри, когда ему было всего сорок два года. В шесть лет мне казалось, что сорок два — уже старость, но даже тогда я понимал, что это все-таки рановато, чтобы забыть, кто ты такой. Или забыть, как называются все окружающие предметы — почему-то именно это пугало меня сильнее всего, когда мы ездили навещать дядю Гарри. Его мысли не утонули в крови от кровоизлияния в мозг, но они все равно утонули.

Мы подошли к нашей квартире, 3С, и мама открыла дверь. Ей пришлось повозиться с ключами, потому что дверь запиралась на три замка. Мама однажды сказала, что такова цена красивой жизни. У нас была большая шестикомнатная квартира с видом на Парк-авеню. Мама называла ее нашим «Парковым дворцом». Дважды в неделю к нам приходила уборщица. Мамин «ренджровер» стоял в гараже на Второй авеню, и иногда мы на нем ездили в Спеонк к дяде Гарри. Благодаря Риджису Томасу и некоторым другим авторам (но в основном все-таки старому доброму Риджису) мы жили, что называется, на широкую ногу. Так продолжалось недолго, вскоре все изменилось — и не в лучшую сторону, — о чем я еще расскажу. Теперь, глядя в прошлое, я иногда думаю, что жил как бы в романе Диккенса, только с нецензурной бранью.

Мама бросила на диван сумку с рукописью и уселась сама. Диван издал звук, как будто кто-то перднул. Обычно он нас смешил, но в тот день нам было не до смеха.

— Пипец, — сказала мама и тут же шлепнула себя по губам. — Ты…

— Я ничего не слышал, — быстро проговорил я.

— Хорошо. Надо бы завести себе ошейник с

электрошокером, чтобы меня било током каждый раз, когда я матерюсь при ребенке. Чтобы была мне наука. — Она выпятила нижнюю губу и сдула с глаз челку. — Мне надо прочесть еще двести страниц новой книги Риджиса…

— Как она называется? — спросил я, уже зная, что в названии обязательно будет присутствовать слово «Роанок». Оно было в названиях всех его книг.

— «Дева-призрак Роанока». Кстати, вполне неплохая книга. Одна из лучших у Риджиса. Куча се… поцелуйчиков и обнимашек.

Я сморщил нос.

— Прости, малыш, но взрослым тетенькам нравятся все эти трепещущие сердца и горячие бедра. — Она посмотрела на сумку, в которой лежала рукопись «Девы-призрака Роанока», стянутая, как обычно, несколькими канцелярскими резинками. Эти резинки постоянно рвались, в связи с чем мама всегда выдавала изрядную порцию своих лучших ругательств. Многие из которых я использую до сих пор. — Мне сейчас совершенно не хочется ничего делать, разве что выпить бокал вина. Или даже целую бутылку. Мона Беркетт была та еще язва, и, возможно, ему без нее будет лучше, но сейчас он убит горем.

Надеюсь, у него есть какие-то родственники, а то меня как-то совсем не прельщает выступить в роли главной утешительницы.

— Она тоже его любила, — сказал я.

Мама странно на меня посмотрела.

— Да? Ты так думаешь?

— Я точно знаю. Она обругала мою индейку, но потом заплакала и поцеловала его в щеку.

— Тебе померещилось, Джеймс, — сказала мама, но как-то не слишком уверенно. Тогда она уже знала, не сомневаюсь, что знала, но взрослым трудно поверить в то, что им кажется невозможным, и я объясню почему. Когда еще в детстве они узнают, что Санта-Клауса не существует, Златовласка — не настоящая девочка, а пасхальный заяц — сплошная выдумка (это лишь три примера, я могу привести больше), у них образуется комплекс, и они перестают верить в то, чего не видят своими глазами.

— Не померещилось. Она сказала, что я никакой не Рембрандт. А кто это?

— Художник, — ответила мама и опять сдула с глаз челку. Не знаю, почему она не подстриглась короче или не изменила прическу. Ей пошла бы любая прическа. Мама всегда была очень красивой.

— Когда мы пойдем к мистеру Беркетту, даже не заикайся о том, что, как тебе кажется, ты увидел.

— Хорошо, — сказал я, — но миссис Беркетт была права. У меня получилась паршивая индейка.

Честно сказать, я расстроился.

Видимо, это отразилось у меня на лице, потому что мама раскинула руки.

— Иди ко мне, малыш.

Я подошел и обнял маму.

— У тебя очень красивая индейка. Я в жизни не видела таких красивых индеек. Я повешу ее на холодильник, и она останется там навсегда.

Я еще крепче сжал маму в объятиях, уткнулся лицом ей в ключицу и вдохнул запах ее духов.

— Я люблю тебя, мам.

— Я тоже тебя люблю, Джейми, очень-очень люблю. А теперь иди поиграй или посмотри телевизор. Мне надо сделать кучу звонков по работе, а потом мы закажем китайской еды и пойдем к мистеру Беркетту.

— Хорошо. — Я пошел в свою комнату, но остановился в дверях. — Она положила кольца в шкаф в коридоре, на верхнюю полку, за старыми альбомами.

Мама уставилась на меня, открыв рот.

— Зачем ей так делать?

— Я спросил, и она мне ответила, что не знает. Сказала, что ее мысли уже утонули в крови.

— О боже, — прошептала мама и схватилась рукой за шею.

— Подумай, как лучше сказать ему, где лежат кольца. Чтобы он не волновался. Можно мне курицу в сладком соусе?

— Можно, — кивнула мама. — Но с коричневым рисом, не с белым.

— Да-да-да, — сказал я и пошел играть с «Лего». Я строил робота.

3

Квартира Беркеттов была меньше нашей, но тоже хорошей. После ужина, когда мы разламывали печенья с предсказаниями (мне досталось «Синица в руках лучше, чем журавль в небе», совершенно бессмысленная ерунда), мама спросила:

— Марти, вы смотрели в шкафах? Может, она положила свои кольца в шкаф?

— Зачем бы ей класть кольца в шкаф?

Резонный вопрос.

— Ну, у нее был удар. Может, она мало что соображала.

Мы ужинали за маленьким круглым столом в

углу кухни. Миссис Беркетт, сидевшая на табурете у разделочного стола, горячо закивала, когда мама заговорила о кольцах.

— Я потом посмотрю, — устало проговорил мистер Беркетт. — Сейчас у меня просто нет сил.

— Когда соберетесь смотреть, проверьте шкаф в спальне, — сказала мама. — А я прямо сейчас посмотрю в коридоре. Мне надо немного размяться после плотного ужина.

Миссис Беркетт спросила:

— Она сама додумалась? Я и не знала, что она такая смышленая.

Мне уже было трудно расслышать, что она говорит. Скоро я вообще перестану слышать ее слова, но какое-то время еще буду видеть, как она беззвучно шевелит губами, словно нас разделяет панель из толстого стекла. А потом миссис Беркетт исчезнет окончательно.

— У меня очень умная мама, — сказал я.

— Никогда в этом не сомневался, — отозвался мистер Беркетт, — но если она найдет кольца Моны в шкафу в коридоре, я съем свою шляпу.

И тут раздался мамин возглас:

— Есть!

Мама вернулась в кухню, держа на раскрытой ладони два кольца. Обручальное кольцо было

самым обыкновенным, зато на помолвочном сверкал бриллиант размером с глазное яблоко.

— О боже! — воскликнул мистер Беркетт. — Но как, скажите на милость…

— Я помолилась святому Антонию. — Мама улыбнулась, украдкой взглянув на меня. — «Тони, Тони, приходи, что потеряно, найди». И, как видите, помогло.

Мне хотелось спросить у мистера Беркетта, как он будет есть свою шляпу, с солью и перцем или просто так, но я промолчал. Это было не самое подходящее время для шуток. К тому же, как всегда говорит моя мама, умников никто не любит.

4

Похороны состоялись через три дня. Я впервые попал на такое мероприятие, и там было даже интересно, хотя, понятно, невесело. Маме все-таки не пришлось выступать в роли главной утешительницы. Как оказалось, у мистера Беркетта были брат и сестра, которые этим занялись. Они были старыми, но все-таки не такими старыми, как сам мистер Беркетт. Он проплакал всю панихиду, и сестра только и делала, что передавала ему бумажные платки. Кажется, у нее в сумке были целые залежи бумажных платков. Удиви-

тельно, как там нашлось место для чего-то еще.

В тот вечер мама заказала на ужин пиццу из «Доминос». Мама пила вино, а мне сделала «Кулэйд» в награду за то, что я хорошо себя вел на похоронах. Когда мы уже доедали пиццу, мама спросила, видел ли я миссис Беркетт в церкви.

— Да. Она сидела на ступеньках у этой штуки, за которой стоял священник.

— Это кафедра. А миссис Беркетт… — Мама взяла из коробки последний кусочек пиццы, задумчиво на него посмотрела, положила обратно и обернулась ко мне. — Она была полупрозрачной?

— Как призраки в фильмах?

— Да, как призраки в фильмах.

— Нет. Она была плотной, как живой человек, хотя по-прежнему в ночной рубашке. Я удивился, что ее еще видно, ведь она умерла уже три дня назад. Обычно они так долго не держатся.

— Они исчезают? Просто исчезают? — Мама хмурилась, словно пытаясь уложить все в голове. Было видно, что ей неприятен этот разговор, но я был рад, что она все-таки заговорила. Мне стало легче.

— Да.

— Что она делала, Джейми?

— Просто сидела. Пару раз взглянула на свой гроб, но почти все время смотрела только на него.

— На мистера Беркетта. Марти.

— Да. Один раз она что-то сказала, но я не услышал. Когда они умирают, совсем скоро их голоса затихают, как бывает, когда приглушаешь радио в машине. Их еще видно, но уже не слышно.

— А потом они исчезают.

— Да. — У меня в горле встал ком, и я быстро допил свой «Кул-эйд», чтобы избавиться от него. — Исчезают.

— Помоги мне убрать со стола, — сказала мама. — А потом, если хочешь, посмотрим серию «Торчвуда».

— Давай! Будет круто!

На самом деле мне не особенно нравился «Торчвуд», но лечь спать на час позже обычного времени — вот это действительно было круто.

— Договорились. Но только сегодня, в виде исключения. И сначала мне надо сказать тебе одну вещь. Это очень серьезно, поэтому слушай внимательно. *Очень-очень* внимательно.

— Хорошо.

Мама опустилась на одно колено, так, что наши лица оказались примерно вровень, и взяла меня

за плечи. Ласково, но твердо.

— Никогда никому не рассказывай, что видишь мертвых, Джеймс. *Никогда*.

— Все равно мне никто не поверит. Ты сама тоже не верила.

– *Чему-то* я верила. После того случая в Центральном парке. Ты помнишь? — Она сдула с глаз челку. — Конечно, помнишь. Как такое забудешь?

— Я помню.

Хотя лучше бы мне такого не помнить.

Мама по-прежнему стояла на одном колене, глядя мне прямо в глаза.

— Так вот, это хорошо, что никто не поверит. Но может так получиться, что когда-нибудь кто-то поверит. Пойдут нехорошие разговоры, и это может быть очень опасно.

— Почему?

— Есть старая пословица, что мертвецы молчат, Джейми. Но они разговаривают с тобой, да? Мертвые разговаривают с тобой. Ты говорил, что, когда задаешь им вопросы, они всегда отвечают правду. Как будто смерть — это доза пентотала натрия.

Я не знал, что такое пентотал натрия, и, наверное, это было понятно по моему лицу, потому что

мама сказала, что это не важно, главное помнить, что миссис Беркетт честно ответила мне, когда я спросил, где ее кольца.

— Ну, да. И чего? — недоумевал я.

Мне нравилось, что мамины руки лежали у меня на плечах, но не нравился ее пристальный взгляд.

— Это ценные кольца, особенно помолвочное с бриллиантом. Когда люди умирают, они уносят в могилу свои секреты, и всегда есть кто-то, кто желает знать эти секреты, Джейми. Мне не хочется тебя пугать, но иногда страх — единственный способ усвоить урок.

Как тот дяденька в Центральном парке был уроком, что надо всегда быть внимательным на дороге и не садиться на велосипед без шлема, подумал я… но не произнес вслух.

— Я никому ничего не скажу.

— Только мне. Если тебе будет нужно кому-то сказать.

— Хорошо.

— Значит, договорились.

Мама поднялась на ноги, и мы пошли в гостиную смотреть телевизор. Потом я почистил зубы, пописал на ночь и вымыл руки. Когда я лег в постель, мама поцеловала меня и сказала, как

говорила всегда:

— Добрых снов, спокойной ночи, пусть приснится, что захочешь.

Обычно после этого прощания мы с ней больше не виделись до утра. Я услышал тихий звон стекла. Это мама налила себе второй (или третий) бокал вина, потом тихонько включила джаз и уселась читать рукопись. Но, наверное, у всех мам есть какое-то шестое чувство, потому что в ту ночь она снова пришла ко мне в комнату и присела на краешек кровати. Или, может быть, она услышала, как я реву, хотя я старался плакать потише. Потому что, как, опять же, всегда говорила мама, лучше быть тем, кто решает проблемы, а не тем, кто их создает.

— Что с тобой, Джейми? — спросила она и погладила меня по голове. — Ты огорчился из-за похорон? Или из-за того, что там была миссис Беркетт?

— Что со мной будет, если ты умрешь, мам? Меня отправят в сиротский приют? Потому что я точно не буду жить с дядей Гарри.

— Конечно, нет, — сказала мама, продолжая гладить меня по голове. — И мы даже не будем говорить о таких глупостях, Джейми, потому что я не умру еще очень и очень долго. Мне тридцать

пять лет, и у меня впереди еще целых полжизни.

— А если ты заболеешь, как дядя Гарри, и тебе тоже придется жить в том санатории? — Слезы текли у меня по щекам в три ручья. От того, что мама сидела рядом и гладила меня по голове, мне стало легче, но я почему-то расплакался еще сильнее. — Там так жутко пахнет. Там пахнет *мочой*!

— Шансы, что это произойдет, настолько ничтожны, что если поставить их рядом с самым крошечным муравьем, муравей будет казаться Годзиллой, — сказала она. Меня рассмешили ее слова, и я даже смог улыбнуться. Теперь я старше и понимаю, что мама либо врала, либо сама ничего толком не знала, но, слава богу, ген, вызывающий раннее начало Альцгеймера — как это произошло с дядей Гарри, — не проявился у мамы.

— Я не умру, *ты* не умрешь, и вполне может статься, что твоя необычная способность исчезнет с возрастом. Ну, что… у нас все хорошо?

— Да, у нас все хорошо.

— И никаких больше слез, Джейми. А сейчас добрых снов…

— Спокойной ночи, пусть приснится, что захочешь, — закончил я.

— Да-да-да. — Мама поцеловала меня в лоб и

ушла. Оставив дверь в мою комнату приоткрытой, как оставляла всегда.

Я не хотел говорить маме, что плачу не из-за похорон и не из-за миссис Беркетт, потому что она была вовсе не страшной. Большинство мертвых совсем не страшные. Хотя тот дяденька с велосипедом в Центральном парке напугал меня до чертиков. Он был *кошмарным*.

5

Мы ехали по Восемьдесят шестой улице, мама везла меня в Уэйв-Хилл в Бронксе, на день рождения к девочке из моей детсадовской группы. Намечался грандиозный праздник в парке. («К вопросу об избалованных детях», — сказала мама.) Я держал на коленях подарок для Лили. Свернув за угол, мы увидели чуть дальше по улице, прямо на проезжей части, небольшую толпу. Наверное, там случилась авария. Наполовину на дороге, наполовину на тротуаре лежал человек, а рядом валялся искореженный велосипед. Кто-то накрыл лежащего курткой, но накрыл только сверху, с головы до пояса, а ниже были видны черные велосипедные шорты с красными полосками по бокам, наколенники и кроссовки, залитые кровью. Кровь была и на носках, и на ногах. Мы

услышали рев приближающихся сирен.

Рядом с лежащим человеком стоял тот же самый человек, в тех же велосипедных шортах и наколенниках. Его седые волосы слиплись от крови. На разбитом лице была вмятина точно посередине — видимо, след от удара о край тротуара. Его нос и рот как бы разломились на две половинки.

Машины, ехавшие впереди, начали притормаживать, и мама сказала:

— Закрой глаза.

Мама, понятно, смотрела на человека, лежащего на земле.

— Он умер! — крикнул я и расплакался. — Этот дяденька умер!

Мы остановились. Нам пришлось остановиться. Потому что остановились все остальные машины, ехавшие перед нами.

— Нет, он не умер, — сказала мама. — Он просто спит. Иногда так бывает, если сильно ударишься. С ним все будет в порядке. Закрой глаза, Джейми.

Я не стал закрывать глаза. Человек с разбитым лицом помахал мне рукой. Они знают, что я их вижу. Они всегда знают.

— У него лицо разломилось *на две половинки*!

Мама глянула еще раз и убедилась, что лежавший на земле человек был накрыт с головой.

— Не пугай себя, Джейми. Просто закрой гла…

— Он *здесь*! — Я указал пальцем. Мой палец дрожал. У меня *все* дрожало. — Прямо *здесь*, стоит рядом с собой!

Это ее напугало. Причем очень сильно, если судить по тому, как она стиснула зубы. Она со всей силы нажала на клаксон, а другой рукой вдавила кнопку, открывавшую водительское окно. Когда стекло опустилось, мама крикнула, махая рукой стоявшим впереди машинам:

– Поезжайте уже! Бога ради, не стойте! Что вы пялитесь? Это не гребаное кино!

Машины поехали. Все, кроме одной — прямо перед нами. Высунувшись в окно, водитель фотографировал происходящее на телефон. Мама подъехала ближе и слегка подтолкнула его в задний бампер. Он обернулся и показал ей средний палец. Мама сдала чуть назад и вырулила на встречную полосу, чтобы его объехать. Мне хотелось показать ему палец в ответ, но я побоялся.

Лишь чудом избежав столкновения с полицейской машиной, мчавшейся нам навстречу, мама вернулась на свою полосу и поехала к дальнему концу парка на предельно допустимой скорости.

Я расстегнул свой ремень, и мама крикнула, чтобы я немедленно пристегнулся обратно, но я не послушался. Я нажал кнопку, чтобы открыть окно, встал на колени на сиденье, высунулся наружу, и меня стошнило, причем так сильно, что я заляпал всю боковую сторону машины. Я не смог удержаться. Когда мы доехали до западной стороны Центрального парка, мама припарковалась у тротуара и вытерла мне лицо рукавом своей блузки. Она, наверное, потом еще надевала ту блузку, но если да, то я не помню.

— Господи, Джейми. Ты весь белый как мел.

— Я не смог удержаться. Я никогда в жизни такого не видел. У него не было носа, а вместо носа торчали *кости*... — Меня снова стошнило, но на этот раз я сумел вывалить все на дорогу, а не на нашу машину. Да и вываливать уже было практически нечего.

Мама погладила меня по затылку, не обращая внимания на водителя (может быть, это был тот же самый водитель, показавший нам средний палец), который громко нам посигналил и объехал нашу машину.

— Солнышко, это просто твои фантазии. Он был накрыт с головой.

— Накрыт был тот, кто лежал на земле. А не тот,

кто стоял рядом с ним. Он мне *помахал*.

Мама долго смотрела на меня и, кажется, собиралась что-то сказать, но потом передумала и просто застегнула мой ремень.

— Может, пропустим сегодняшний праздник? Как тебе такой вариант?

— Да, давай, — сказал я. — Все равно мне не нравится Лили. Она меня щипет, когда нам читают сказки.

Мы вернулись домой. Мама спросила, смогу ли я удержать в себе чашку какао, и я сказал, что смогу. Мы пили какао в гостиной. Подарок для Лили так и остался невручeнным. Это была кукла в матросском костюме. На следующей неделе я отдал ее Лили, и Лили не стала щипаться, а поцеловала меня прямо в губы. Меня потом долго дразнили из-за этого поцелуя, но я был совершенно не против.

Когда мы пили какао (в свое какао мама, наверное, добавила что-то еще), она сказала:

— Еще когда я ходила беременной, я дала себе слово никогда не врать своему ребенку. Так что вот. Тот человек в парке… Он, наверное, и вправду был мертв. — Она секунду помедлила. — Нет, он *точно* был мертв. Мне кажется, его не спас бы даже шлем, а я не видела шлема.

Да, у него не было шлема. Потому что, если бы он ехал в велосипедном шлеме, когда его сбила машина (потом мы узнали, что это было такси), он стоял бы над собственным телом в шлеме. Мертвые всегда носят одежду, в которой умерли.

— Но ты никак не мог видеть его лицо, Джейми. Кто-то накрыл его курткой. Кто-то очень добрый.

— Он был в футболке с маяком, — сказал я, а потом вспомнил еще кое-что. Да, это слабое утешение, но после таких потрясений даже слабое утешение лучше, чем вообще никакого. — По крайней мере, он был уже старый.

— Почему ты так думаешь? — Мама смотрела на меня странно. Уже теперь, задним числом, я понимаю, что тогда-то она и поверила. Или хотя бы *начала* верить.

— Он был седой. Если не обращать внимания на кровь в волосах.

Я снова расплакался. Мама обняла меня и стала баюкать, и я уснул у нее в объятиях. Вот что я вам скажу: когда тебе страшно до колик, нет ничего лучше ласковых маминых рук.

Мама выписывала «Таймс». Газету нам приносили с утра пораньше, и мама обычно читала ее за завтраком, но на следующий день после случая в Центральном парке она читала какую-то

рукопись. После завтрака мама велела мне одеваться и предложила сходить погулять, может быть, прокатиться на катере, а значит, это была суббота. Помню, я еще подумал, что это первые выходные, которые человек из Центрального парка уже не застал. От этой мысли мне опять сделалось жутко.

Мама отправилась в душ, а я пошел одеваться, но сперва заглянул в мамину спальню. На кровати лежала газета, открытая на странице, где печатают некрологи о людях, достаточно знаменитых, чтобы о них написали в «Таймс». Там была фотография человека из Центрального парка. Его звали Роберт Харрисон. В четыре года я уже читал на уровне третьего класса, чем моя мама ужасно гордилась, а в заголовке статьи не было никаких сложных слов: «ДИРЕКТОР ФОНДА «МАЯК» ПОГИБ В ДТП».

Я и потом видел мертвых — вы даже не представляете, насколько верна пословица, что в смерти люди такие же, как и в жизни, — иногда я рассказывал маме, но чаще все-таки нет, потому что я видел, что эти рассказы ее огорчают. В следующий раз мы с ней по-настоящему поговорили о моей странной способности уже после смерти миссис Беркетт, когда мама нашла ее кольца в

шкафу.

В ту ночь, когда мама уложила меня и сама пошла спать, я думал, что не засну до утра, а если все же засну, мне приснится тот дяденька из Центрального парка с его расколотым надвое лицом и костями, торчащими вместо носа, — или мама, лежащая в гробу и одновременно сидящая на ступеньках у кафедры, где ее вижу лишь я один. Но насколько я помню, мне не снилось вообще ничего. На следующий день я проснулся в неплохом настроении, и мама тоже была в неплохом настроении, мы с ней шутили за завтраком, и она прикрепила к дверце холодильника мою индейку и послала ей звонкий воздушный поцелуй, и я рассмеялся, и мама отвела меня в школу, и миссис Тейт рассказала нам о динозаврах, и еще целых два года все было прекрасно и замечательно, как всегда. А потом все развалилось на части.

6

Когда мама наконец осознала, насколько все плохо, я случайно подслушал, как она говорила по телефону со своей давней подругой, редактором по имени Энн Стэйли. Они беседовали о дяде Гарри, и мама сказала:

— Он лишился ума еще прежде, чем лишился

ума. Теперь-то я знаю.

В шесть лет я бы вообще ничего не понял. Но мне было восемь, уже почти девять, и я понял если не все, то многое. Она говорила о том геморрое, в который ввязался ее брат — и втянул маму — еще до того, как болезнь Альцгеймера с ранним началом внезапно подкралась и шарахнула его по мозгам.

Конечно, я с ней согласился; все-таки это была моя мама, и мы с ней были вдвоем против мира. Я ненавидел дядю Гарри за то, что он подложил нам такую свинью. И только потом, уже позже, когда мне было двенадцать или даже четырнадцать, я понял, что мама отчасти была виновата сама. Она могла бы остановиться, пока еще можно было остановиться, но ее понесло. Как и сам дядя Гарри, основавший литературное агентство «Конклин», она много знала о книгах, но совсем мало — о деньгах.

А ведь ее предупреждали, причем неоднократно. Предупреждала Лиз Даттон, ее подруга. Лиз служила детективом в нью-йоркской полиции и была ярой поклонницей «роанокской» серии Риджиса Томаса. Они с мамой познакомились на презентации одной из его книг и прониклись друг к другу с первого взгляда. Их тесная дружба

потом вышла нам боком, о чем я еще расскажу, а пока добавлю только, что Лиз не раз говорила маме, что Фонд Маккензи как-то уж слишком хорош. Даже не верится, что такое бывает. Я не помню, когда это было. Примерно в то время, когда умерла миссис Беркетт. Но точно до осени 2008 года, когда рухнула вся экономика. И мы вместе с ней.

Дядя Гарри играл в ракетбол в каком-то пафосном клубе у пирса номер 90, где собирались большие люди. Среди его ракетбольных партнеров был известный бродвейский продюсер, который и рассказал дяде Гарри о Фонде Маккензи. Продюсер назвал его полной лицензией на мгновенное обогащение, и дядя Гарри прислушался к его словам. Да и с чего бы ему не прислушаться к человеку, который спродюсировал миллион мюзиклов, миллион лет идущих на Бродвее и по всей стране, так что роялти стекались со всех сторон? (Да, я знал, что такое роялти; я был сыном литературного агента.)

Дядя Гарри навел справки, поговорил с кем-то из крупных шишек, работавших в фонде (но не с самим Джеймсом Маккензи, потому что в масштабах вселенной больших финансов дядя Гарри был мелкой сошкой), и вложил в фонд

немалую сумму. Доход был настолько высок, что дядя Гарри вложил еще больше денег. А потом еще больше. Когда у него обнаружили болезнь Альцгеймера — которая развивалась стремительно, — все его банковские счета перешли к маме, и мама не только не забрала дядины деньги из Фонда Маккензи, но и вложила свои.

Монти Гришэм, юрист по авторскому и договорному праву, который в то время сотрудничал с литературным агентством «Конклин», предупреждал маму, что лучше выйти из фонда, пока есть хорошая прибыль. Это было вскоре после того, как мама возглавила литагентство. Гришэм сказал, что, когда все идет так прекрасно, что тебе даже не верится своему счастью, значит, где-то наверняка есть подвох.

Я рассказываю обо всем, что узнал в детстве из обрывков подслушанных разговоров. Вы, я уверен, уже догадались, что Фонд Маккензи был обычной крупной финансовой пирамидой. Маккензи и его шайка ворья прикарманивали исчислявшиеся миллионами деньги вкладчиков и выплачивали высокие дивиденды по вкладам за счет привлечения новых инвесторов, каждому из которых вливалось в уши, что он или она — совершенно особенный человек, потому что

лишь избранные единицы получают возможность вступить в фонд. Как потом выяснилось, таких избранных единиц было несколько тысяч: от бродвейских продюсеров до богатых вдов, обедневших практически в одночасье.

Такие схемы работают за счет постоянного притока средств, как новых инвесторов, так и старых: если инвестор доволен доходностью вложенных денег, он не только оставляет в фонде первоначальные капиталовложения, но и вкладывает еще больше. Поначалу все шло прекрасно, но в 2008-м экономика рухнула, и почти все вкладчики фонда разом ринулись забирать свои деньги, а денег-то не оказалось. Маккензи был мелкой рыбешкой по сравнению с Мейдоффом, королем финансовых пирамид, но по размаху не уступил старине Берни: присвоил себе более двадцати миллиардов долларов, в то время как на счету фонда остались жалкие пятнадцать миллионов. Он угодил в тюрьму, что, конечно, не может не радовать, но, как иногда говорила мама: «Крупа — не еда, а месть не оплатит счета».

— У нас все хорошо, — сказала мне мама, когда о деле Маккензи затрубили на всех новостных телеканалах и на первых страницах «Таймс». — Не волнуйся, Джейми.

Но круги у нее под глазами явно давали понять, что *она* волновалась, и у нее были на то причины.

Вот что я выяснил позже: у мамы осталось всего двести тысяч на доступных счетах, включая наши страховки. Что касалось ее обязательств, то вам лучше об этом не знать. Просто держите в голове, что наша квартира располагалась на Парк-авеню, офис маминого агентства — на Мэдисон-авеню, а санаторий для пациентов, нуждающихся в постоянном уходе, где жил дядя Гарри («Если это можно назвать жизнью», — звучит у меня в голове мамин голос), располагался в Паунд-Ридже и был, как вы понимаете, удовольствием не из дешевых.

Мама закрыла офис на Мэдисон-авеню, это был первый шаг. Какое-то время она работала прямо из дома, из нашего «Паркового дворца». Она оплатила аренду квартиры вперед, обналичив наши страховые полисы, включая и дядин тоже, но этих денег хватило месяцев на восемь-десять. Она перевела дядю Гарри в Спеонк. Она продала свой «ренджровер» («В городе нам все равно не нужна машина, Джейми», — сказала она) и несколько редких коллекционных первых изданий, в том числе «Взгляни на дом свой, ангел» с автографом

Томаса Вулфа. Мама расплакалась из-за этого «Ангела» и сказала, что не получила и половины его истинной стоимости, но букинистический рынок тоже рухнул в сортир из-за наплыва продавцов, так же отчаянно нуждавшихся в деньгах, как и она сама. Нашу картину Эндрю Уайета тоже пришлось продать. Каждый день мама посылала проклятия на голову Джеймса Маккензи, ворюги и жадного кретина, феерического придурка и ходячего гнойного геморроя. Иногда она проклинала и дядю Гарри и говорила, что еще до конца этого года он будет жить на помойке — и поделом. Справедливости ради надо сказать, что она проклинала и себя тоже. За то, что не слушала Лиз и Монти.

Однажды она сказала мне:

— Я себя чувствую как тот кузнечик, который вместо того, чтобы работать, все лето играл на скрипке.

Наверное, это было в январе или феврале 2009 года. К тому времени Лиз иногда ночевала у нас, но в тот вечер мы с мамой были одни. Кажется, именно тогда я впервые заметил седину в маминых волосах, рыжих и очень красивых. Или, может быть, я запомнил тот вечер, потому что мама расплакалась и мне пришлось ее утешать,

хотя я был еще маленьким и не умел утешать взрослых.

Летом мы перебрались из «Паркового дворца» в небольшую квартиру на Десятой авеню.

— Не такой уж и сарай, и цена подходящая, — сказала мама, а потом добавила: — Черта с два я уеду из города. Я не собираюсь сдаваться. И не собираюсь терять клиентов.

Агентство, ясное дело, переехало вместе с нами. Мама устроила офис в комнате, которая, как я понимаю, могла бы стать моей спальней, если бы все пошло не так хреново. Меня поселили в крошечной комнатушке, смежной с кухней. Летом там было жарко, зимой — холодно, но там хотя бы хорошо пахло. Видимо, раньше это была кладовая.

Дядю Гарри перевели в санаторий в Бейонне. Поверьте мне на слово, лучше вообще ничего не рассказывать об этом «сказочном» заведении. Единственным плюсом во всей затее было то, что бедный дядюшка Гарри все равно мало что соображал и не понимал, где находится; какая разница, где мочиться в штаны, хоть в Бейонне, хоть в «Беверли-Хилтон».

Что еще я запомнил из 2009 и 2010 годов: мама перестала ходить в парикмахерскую. Перестала

обедать с друзьями и обедала только с клиентами агентства и только когда это было действительно необходимо (потому что расплачиваться в ресторане всегда приходилось ей). Она почти не покупала новую одежду, а если что-то и покупала, то в магазинах уцененных товаров. И она стала пить больше вина. Гораздо больше. Бывали вечера, когда они с Лиз — ее подругой, детективом нью-йоркской полиции и поклонницей творчества Риджиса Томаса; о ней я уже говорил — напивались на пару, причем напивались изрядно. На следующий день мама просыпалась с красными глазами, злая и раздраженная, и слонялась по офису прямо в пижаме. Иногда она напевала: «Снова настали паршивые дни, и чертово небо хмурится снова». В такие дни я чуть ли не с радостью убегал в школу. Разумеется, в *обычную районную* школу; мое обучение в частной школе благополучно накрылось благодаря Джеймсу Маккензи.

Но в этом темном, унылом царстве было и несколько лучиков света. Хотя букинистический рынок рухнул в сортир, люди все-таки читали книги: и романы, чтобы отвлечься от мрачной действительности, и руководства из серии «помоги себе сам», потому что, давайте начистоту,

в 2009–2010 годах многие люди нуждались в помощи, но им приходилось справляться своими силами. Мама всегда любила читать детективы и с тех пор, как взяла на себя управление агентством «Конклин», собрала неплохую жанровую «конюшню». С ней постоянно сотрудничали десять или, может быть, даже двенадцать авторов детективов. Это были писатели далеко не первой величины, но пятнадцати процентов маминых агентских комиссионных хватало, чтобы оплачивать аренду нашей новой квартиры и все коммунальные счета.

Плюс была еще Джейн Рейнольдс, библиотекарь из Северной Каролины. Ее детективный роман «Рыжий и мертвый» пришел в агентство по почте, даже без предварительного уведомления, и мама была от него в восторге. Она устроила аукцион для издателей. Интерес проявили все крупные издательства, и в итоге права на публикацию книги были проданы за два миллиона долларов. Триста тысяч из этих двух миллионов поступили на счет агентства, и мама опять начала улыбаться.

— Мы еще очень не скоро вернемся на Парк-авеню, — сказала она. — Нам предстоит еще долго выбираться из ямы, которую нам вырыл твой

дядя Гарри, но, похоже, мы все-таки выберемся.

— Я все равно не хочу возвращаться на Парк-авеню, — ответил я. — Мне здесь нравится.

Она улыбнулась и крепко меня обняла.

— Ты мой малыш и моя радость. — Она чуть отстранилась и внимательно на меня посмотрела. — Хотя уже не такой и малыш. Знаешь, о чем я мечтаю, Джейми?

Я покачал головой.

— Чтобы Джейн Рейнольдс выдавала по книге в год и чтобы «Рыжего и мертвого» экранизировали. Но даже если этого не случится, у нас все равно остается старина Риджис Томас с его сагой о Роаноке. Жемчужина в нашей короне.

Но «Рыжий и мертвый» оказался последним лучиком солнца перед затяжной бурей. Экранизация не состоялась, а издатели, бившиеся за книгу на аукционе, крепко ошиблись. Такое бывает. Книга провалилась, что не ударило по нашим финансам — деньги уже были выплачены, — но тут одновременно столько всего навалилось, и триста тысяч долларов разлетелись, как пыль на ветру.

Сначала у мамы воспалились зубы мудрости, и пришлось удалять все четыре. Это было нехорошо. Потом дядя Гарри, которому еще не

исполнилось и пятидесяти лет, упал в санатории в Бейонне и проломил себе череп. Это было гораздо хуже.

Мама проконсультировалась с юристом, который помогал ей оформлять авторские договора (и получал немалое вознаграждение от агентства). Он порекомендовал другого юриста, специализирующегося на исках о возмещении вреда в результате небрежности или халатности ответственной стороны. Тот юрист заявил, что у нас стопроцентно выигрышное дело, и, возможно, так оно и было, но прежде чем дело дошло до суда, санаторий в Бейонне объявил о банкротстве. Единственным, кто заработал на этом деньги, был крутой адвокат по делам о халатности, чей банковский счет пополнился почти на сорок тысяч долларов.

— Сучья практика это учетное рабочее время, — сказала мама однажды вечером, когда они с Лиз Даттон допивали вторую бутылку вина. Лиз рассмеялась, потому что это были не ее сорок тысяч долларов. Мама рассмеялась, потому что была пьяна. И только я не смеялся. Что-то мне было совсем не смешно. И не только из-за счетов, выставленных адвокатом. Мы не расплатились с больницей за лечение дяди Гарри.

И что самое гадкое, на маму насело налоговое управление из-за дядиной задолженности по налогам. Дядя Гарри, как выяснилось, не доплачивал дяде Сэму, чтобы вкладывать больше денег в Фонд Маккензи. А значит, нам оставалось надеяться только на Риджиса Томаса.

На жемчужину в нашей короне.

7

Теперь смотрите.

Осень 2009-го. Обама — президент, экономика потихонечку улучшается. Но для нас не особо. Я учусь в третьем классе. Мисс Пирс вызывает меня к доске решать пример с дробями, потому что я круто решаю такие примеры. Я с семи лет умею вычислять проценты — напоминаю, я сын литагента. Мои одноклассники вертятся и шушукаются, потому что, ну правда, какая учеба в тот коротенький промежуток школьных занятий между Днем благодарения и Рождеством? Пример проще пареной репы, и я как раз успеваю записать ответ, когда дверь открывается и в класс заглядывает мистер Эрнандес, наш замдиректора. Они с мисс Пирс о чем-то беседуют вполголоса, а потом мисс Пирс просит меня выйти в коридор.

В коридоре меня дожидается мама, бледная,

как молоко. *Обезжиренное* молоко. Моя первая мысль: умер дядя Гарри. Мой дядя Гарри, которому вставили в череп стальную пластину, защищавшую его бесполезные мозги. В каком-то чудовищном смысле это было бы хорошо, потому что существенно сократило бы наши расходы. Я спрашиваю у мамы, и она отвечает, что с дядей Гарри — к тому времени он переселился в занюханный дом престарелых в Пискатауэе (он продвигался все дальше и дальше на запад, как какой-то безмозглый задроченный пионер) — все хорошо.

Больше я ничего не успеваю спросить. Мама берет меня за руку и ведет к выходу. На желтой разметке на краю тротуара, где родители высаживают детей перед школой и забирают их после уроков, припаркован седан «форд» с синей мигалкой на приборной доске. Рядом с машиной стоит Лиз Даттон в синей куртке с жетоном Департамента полиции Нью-Йорка на груди.

Мама тащит меня к машине, но я упираюсь и заставляю ее остановиться.

— Что случилось? Скажи!

Я не плачу, но слезы уже на подходе. С тех пор как открылась вся правда о Фонде Маккензи, на нас обрушился целый шквал плохих новостей,

и мне кажется, что я больше не выдержу. Но вот она, очередная плохая новость: Риджис Томас скончался.

Жемчужина выпала из короны.

8

Здесь я должен сделать отступление и рассказать о Риджисе Томасе. Мама всегда говорила, что писатели — странные люди, такие же странные, как экскременты, светящиеся в темноте, и мистер Томас — яркий тому пример.

На момент его смерти сага о Роаноке — как он сам называл свою серию — состояла из девяти книг, каждая толщиною с кирпич. «Старина Риджис не мелочится», — однажды сказала мама. Когда мне было восемь, я потихоньку стянул из шкафа первую книгу серии, «Гиблая топь Роанока», и прочел ее всю. Вообще без проблем. Читать я умел, и читал хорошо. И хорошо знал математику, и хорошо видел мертвых (это не хвастовство, это правда). К тому же «Гиблая топь Роанока» — все-таки не «Поминки по Финнегану».

Я не говорю, что она была плохо написана, вовсе нет; старина Риджис умел рассказать увлекательную историю. Там было множество приключений и страшных сцен (особенно сцены

на Гиблой топи), поиски клада и изрядная порция старого доброго С-Е-К-С-А. Из этой книги я узнал истинный смысл числа шестьдесят девять и вообще узнал больше, чем положено знать восьмилетнему мальчику. В частности, о тех разах, когда мамина подруга Лиз оставалась у нас ночевать. Хотя осознанную параллель я провел уже позже.

Я бы сказал, что на каждые полсотни страниц «Гиблой топи» приходилась одна сцена секса, включая сцену на дереве, окруженном голодными аллигаторами. Речь идет о «Пятидесяти оттенках Роанока». В раннем отрочестве я научился дрочить именно по книгам Риджиса Томаса, и если для вас это избыточная информация, то уж извините.

Серия о Роаноке и вправду была настоящей сагой, то есть долгим и непрерывным повествованием с постоянным составом персонажей, переходящих из книги в книгу. Это были сильные мужчины с непременно светлыми волосами и смеющимися глазами, коварные злодеи с бегающим взглядом, благородные индейцы (в поздних книгах они превратились в благородных коренных американцев) и роскошные женщины с пышным, высоким бюстом. И всем до единого

— и положительным героям, и злодеям, и пышногрудым красоткам — постоянно хотелось секса.

Ядром всей серии, подогревавшим читательский интерес (помимо дуэлей, убийств и секса), была страшная тайна. Тайна исчезновения всех жителей роанокской колонии. Не причастен ли к этому главный злодей Джордж Треджил? Куда могли деться все поселенцы? Живы они или нет? Под землей Роанока действительно скрыт древний город, где хранится великая древняя мудрость? Что означают слова: «Время — ключ ко всему», — сказанные Мартином Бетанкортом за секунду до смерти? Какой смысл заключается в загадочном слове «кроатоан», нацарапанном на столбе частокола вокруг брошенного поселения? Миллионы читателей изнывали от любопытства и с нетерпением ждали продолжения серии. Если кому-то из вас, людей будущего, трудно в это поверить, то попытайтесь найти что-нибудь авторства Джудит Кранц или Гарольда Роббинса. Их тоже читали миллионы.

Персонажи Риджиса Томаса — это классические проекции. Или, может быть, воплощения его собственных нереализованных желаний. Он сам был этаким мелким сморчком, чьи фотографии на обложках всегда приходилось нещадно

ретушировать, чтобы его лицо не так сильно напоминало помятую дамскую сумочку. Он не ездил в Нью-Йорк, потому что вообще никуда не ездил. Человек, который писал книги о бесстрашных героях, прорубающих себе путь через непроходимые заросли на смертоносных болотах, дерущихся на дуэлях и занимающихся атлетическим сексом под звездным небом, был тишайшим холостяком-агорафобом и жил один в своем доме. Также он был законченным параноиком (по словам моей мамы) по части своих сочинений. Никто не видел черновиков его книг. Он всегда отсылал в издательство уже завершенное произведение, а после первых двух томов, имевших невероятный успех и месяцами державшихся на первых строчках всех списков бестселлеров, перестал высылать даже рукопись на редактуру. Он настаивал, чтобы его книги печатались в авторской редакции и чтобы никто не смел вычеркнуть ни единого слова.

Он был не из тех авторов, что выдает в год по книге (истинное Эльдорадо для литературных агентов), но он работал стабильно; новая книга с «Роаноком» в названии выходила каждые два-три года. Первые четыре тома были опубликованы, когда агентством руководил дядя Гарри,

следующие пять томов выходили уже при маме. Включая и «Деву-призрака Роанока», предпоследнюю книгу серии, как объявил сам Томас. Он заверил своих верных читателей, что последняя книга ответит на все вопросы и раскроет все тайны, разбередившие любопытство читающей публики еще с первых вылазок на Гиблую топь. Эта книга должна была стать самой длинной из всех частей серии, страниц на семьсот. (Что позволило бы издателю добавить доллар-другой к изначальной закупочной цене.) Когда мама ездила к Томасу в его крошечный городок на севере штата Нью-Йорк, он сказал ей по секрету, что после саги о Роаноке начнет многотомную серию, посвященную «Марии Целесте».

Все было прекрасно, пока Риджис Томас не умер прямо за письменным столом, успев написать только первые тридцать страниц своего magnum opus[2]. Ему уже выплатили офигенный аванс в три миллиона долларов, но если книги не будет, аванс придется вернуть. Включая и нашу агентскую долю. Вот только вся наша доля была либо потрачена, либо отложена на вполне определенные нужды. И вот тут, как вы, наверное, уже

---

[2] Примечания: 2

Шедевр, выдающееся произведение, труд всей жизни (*лат.*).

догадались, должен был состояться мой выход.

Ладно, вернемся к моей истории.

9

Мы подошли к полицейской машине без отличительных знаков (я знал эту машину; не раз видел ее припаркованной у нашего дома с табличкой «СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ» на приборной доске), и Лиз отодвинула в сторону полу куртки, чтобы показать мне пустую кобуру. Это была наша с ней традиционная шутка. Никакого оружия при моем сыне, таково было строгое правило, установленное моей мамой. Лиз всегда мне показывала пустую кобуру, и я не раз видел эту кобуру, брошенную на журнальном столике в нашей гостиной. Или на тумбочке у кровати в маминой спальне. С девяти лет я уже понимал, что это значит. В «Гиблой топи Роанока» очень даже подробно описаны пылкие сцены между Лорой Гудхью и Пьюрити Бетанкорт, вдовой Мартина Бетанкорта (она совершенно не соответствовала своему имени, означающему «непорочность»).

— А *она* что здесь делает? — спросил я у мамы, когда мы подошли к машине. Спросил прямо при Лиз, и это, наверное, было невежливо, а то и грубо, но меня только что выдернули из класса

прямо посреди урока и огорошили сообщением, что наш главный источник дохода иссяк.

— Садись в машину, Чемпион, — сказала Лиз. Она всегда называла меня Чемпионом. — Время не ждет.

— Не хочу. У нас на обед будут рыбные палочки.

— Нет, — отрезала Лиз. — На обед будут воппе-ры с картошкой фри. Я угощаю.

— Садись в машину, — сказала мама. — Пожалуйста, Джейми.

И я сел в машину. На полу у заднего сиденья валялись обертки от буррито из «Тако Белл». В салоне пахло попкорном, приготовленным в микроволновке, и еще чем-то странным. У меня этот запах всегда ассоциировался с визитами в санатории к дяде Гарри. Но, по крайней мере, в машине у Лиз не было решетчатой перегородки между передним и задним сиденьями, как в полицейских телесериалах, которые смотрела мама (она обожала «Прослушку»).

Мама села спереди, и Лиз вырулила на дорогу. У первого же светофора, где горел красный, она включила мигалку. Мигалка, как ей и положено, замигала, и хотя Лиз не включила сирену, остальные машины все равно разъезжались в стороны,

уступая нам дорогу, и уже очень скоро мы выехали из города на скоростную автомагистраль.

Мама обернулась ко мне, просунув голову между спинками передних сидений. Меня напугало ее лицо. Это было лицо человека, доведенного до отчаяния.

— Он может быть дома, Джейми? Тело наверняка увезли в морг, но, может быть, он еще дома?

Ответа на этот вопрос я не знал, но не сказал, что не знаю. Поначалу я вообще ничего не сказал. Потому что был удивлен. И обижен. Может быть, даже зол. Насчет злости я точно не помню, но хорошо помню свое удивление и обиду. Мама всегда говорила, чтобы я никому не рассказывал, что вижу мертвых. И я никому не рассказывал, как она и велела. Но она рассказала *сама*. Рассказала Лиз. Поэтому Лиз и приехала с ней и сейчас мчалась по трассе с включенной мигалкой, чтобы нам уступали дорогу.

Наконец я сказал:

— Давно она знает?

Я увидел, как Лиз подмигнула мне в зеркале заднего вида. Подмигнула со смыслом, мол, *у нас есть секрет*. Это мне не понравилось. Это был наш с мамой секрет, наш и больше ничей.

Протянув руку между сиденьями, мама схва-

тила меня за запястье. Ее рука была очень холодной.

— Это не важно, Джейми. Просто скажи, он сейчас может быть дома?

— Да, наверное. Если он там умер.

Мама отпустила мою руку и попросила Лиз ехать быстрее, но Лиз покачала головой.

— Лучше не надо. Я не хочу объясняться с коллегами из полиции. Если нас засекут, то наверняка спросят, куда мы так мчимся. И что я им скажу? Что нам надо успеть побеседовать с мертвым дядькой, пока он окончательно не исчез? — По ее голосу было ясно, что она в это не верит и просто подшучивает над мамой. Просто дурачится. Меня это устраивало. А маме, кажется, было вообще все равно, что думает Лиз, главное, чтобы она довезла нас до Кротона-на-Гудзоне.

— Тогда *как можно* быстрее.

— Вас понял, Ти-Ти.

Мне не нравилось, когда она так называла маму. Этим словечком некоторые мои одноклассники обозначали поход в туалет. Но мама не возражала. В тот день она бы не возразила, если бы Лиз назвала ее Бонни Большиесиськи. Может быть, даже и не заметила бы.

— Кто-то умеет хранить секреты, а кто-то

нет, — пробурчал я. Не смог удержаться. Так что, наверное, я все-таки разозлился.

— Перестань, Джейми, — сказала мама. — Вот только сердитого тебя мне сейчас и не хватало.

— Я не сердитый, — сердито ответил я.

Я знал, что они с Лиз близки, но мы-то с мамой должны были быть еще ближе. Она могла бы сначала спросить у меня, хочу ли я с кем-то делиться своим самым главным секретом. Но нет, она просто выболтала все Лиз ночью в постели, после того как они, по выражению Риджиса Томаса, «поднялись к вершинам блаженства по лестнице страсти».

— Я вижу, что ты расстроен, и потом можешь злиться на меня сколько угодно, но сейчас ты мне нужен, малыш. — Мама как будто забыла, что Лиз сидит рядом, но в зеркале заднего вида мне были видны глаза Лиз. Она очень внимательно слушала, слушала каждое слово.

— Хорошо. — Я видел, в каком состоянии мама, и меня это немного пугало. — Только ты успокойся, мам.

Она провела рукой по волосам и со всей силы дернула себя за челку.

— Все это жутко несправедливо. Все, что с нами произошло… и продолжает происходить… это

какой-то лютый пиздец. — Мама взъерошила мне волосы. — Ты ничего не слышал.

— Нет, слышал, — ответил я. Потому что все еще злился. Но вообще-то мама была права. Помните, я говорил, что жил как бы в романе Диккенса, только содержащем нецензурную брань? Знаете, почему люди читают такие романы? Потому что их радует, что лютый пиздец происходит не с ними.

— Я два года вертелась, чтобы платить по счетам без просрочек. Изворачивалась, как могла, чтобы совсем уж не влезть в долги. И у нас дома горел свет, и еда всегда была на столе. Да, Джейми?

— Да-да-да, — сказал я, надеясь, что мама улыбнется. Она не улыбнулась.

— Но сейчас… — Она снова дернула себя за челку, уже изрядно взъерошенную. — *Сейчас* столько всего навалилось, и во главе списка — налоговое управление, чтоб ему провалиться. Я тону в море красных чернил. Вся надежда была на Риджиса. Я думала, он меня вытащит. А он, сукин сын, взял и помер! В пятьдесят девять лет! Кто вообще умирает в пятьдесят девять, если не страдает патологическим ожирением и не сидит на наркотиках?

— Больные раком? — подсказал я.

Мама шмыгнула носом и опять дернула себя за многострадальную челку.

— Спокойнее, Ти, — пробормотала Лиз и прикоснулась к маминой шее. Мне показалось, что мама этого не заметила.

— Книга могла нас спасти. Только книга, и ничего, кроме книги. — Она издала диковатый смешок, напугавший меня еще больше. — Я знаю, что он написал всего две-три главы, но больше никто об этом не знает, потому что он никому ничего не рассказывал. Никому, кроме меня. А до меня — только брату, пока Гарри не заболел. Риджис не делал никаких предварительных записей и набросков сюжета, Джейми. Чтобы не сдерживать творческий процесс, как он сам говорил. И еще он говорил, что ему не нужны никакие наброски. Он все держал в голове.

Она снова схватила меня за запястье и сжала так крепко, что остались синяки. Я заметил их позже, уже ближе к вечеру.

— И может быть, *все еще* держит.

10

В Тарритауне мы заехали в автокафе при «Бургер Кинге», и Лиз купила мне обещанный воппер. И шоколадный молочный коктейль. Мама не

хотела нигде останавливаться, но Лиз настояла на своем.

— Молодому растущему организму пора подкрепиться. Ты не ешь, если не хочешь, а мальчику нужно поесть.

Мне понравилось, что она так сказала. Мне вообще многое нравилось в Лиз, но многое и не нравилось. Очень не нравилось. Я об этом еще расскажу, иначе никак, но пока просто скажем, что я испытывал сложные чувства к Элизабет Даттон, детективу второго ранга из Департамента полиции Нью-Йорка.

Она сказала кое-что еще по дороге в Кротон-на-Гудзоне, и я должен об этом упомянуть. Она говорила просто для поддержания беседы, но позже (да, опять это слово) стало понятно, что это важно. Лиз сказала, что Подрывник все-таки убил человека.

В последние годы сообщения о маньяке, называвшем себя Подрывником, периодически появлялись в новостях на местных телеканалах, в частности, на «Первом нью-йоркском», который мама смотрела почти каждый вечер, пока готовила ужин (а иногда и за ужином, если в новостях было что-то действительно интересное). Его «царство террора» — это придумал не я, а

репортеры «Первого нью-йоркского» — началось еще до моего рождения, и Подрывник был уже чем-то вроде городской легенды. Типа Тонкого человека или Крюка, только со взрывчаткой.

— Кого? — спросил я. — Кого он убил?

— Долго нам еще ехать? — спросила мама. Ее совершенно не интересовал Подрывник; у нее хватало своих забот.

— Какого-то парня, который совершил большую ошибку, попытавшись воспользоваться одним из немногих оставшихся в Манхэттене таксофонов, — сказала Лиз, пропустив мимо ушей мамин вопрос. — Ребята из инженерно-саперного отряда считают, что бомба рванула сразу же, как он снял трубку. Две шашки динамита…

— Нам сейчас обязательно об этом говорить? — перебила мама. — И почему на всех чертовых светофорах *всегда* горит красный?

— Две динамитные шашки были прикручены к маленькой полочке под телефоном, куда люди обычно кладут монеты, — невозмутимо продолжила Лиз. — Подрывник, надо отдать ему должное, изобретательный сукин сын. Сейчас набирают еще одну оперативную группу — уже третью с тысяча девятьсот девяноста шестого, — и я буду проситься туда. Думаю, меня должны

взять. Я работала в предыдущей опергруппе, так что опыт есть. А сверхурочные мне сейчас не помешают.

— Зеленый, — сказала мама. — Поехали, Лиз.

И мы поехали.

11

Я еще не доел картофель фри (уже остывший, но это нестрашно), когда мы свернули на узкую улочку под названием Брусчатый тупик. Может, там и вправду когда-то была брусчатка, но теперь она сменилась гладким асфальтом. В конце тупика стоял Брусчатый коттедж, большой каменный дом с резными деревянными ставнями и покрытой мхом крышей. Вы обратили внимание? Мхом! Очуметь, да? Ворота были распахнуты настежь. На воротных столбах, сложенных из такого же серого камня, что и сам дом, висели таблички. На одной было написано: «НЕ ВХОДИТЬ! НАМ УЖЕ НЕГДЕ ПРЯТАТЬ ТЕЛА». На другой: «ОСТОРОЖНО! ЗЛАЯ СОБАКА!» — под изображением оскалившейся овчарки.

Лиз остановилась и посмотрела на маму, приподняв брови.

— Единственным телом, которое Риджис тут похоронил, был его умерший попугайчик Фр-

энсис, — сказала мама. — Названный в честь морехода Фрэнсиса Дрейка. А собаки у Риджиса никогда не было.

— Аллергия, — пояснил я с заднего сиденья.

Лиз подъехала к дому, остановила машину и выключила мигалку на приборной доске.

— Гараж закрыт, и я не вижу машин во дворе. Здесь кто-то есть?

— Никого, — сказала мама. — Его нашла домработница. Миссис Куэйл. Давина. У него больше никто не работал. Только миссис Куэйл и приходящий садовник. Милая женщина. Позвонила мне сразу, как только вызвала «скорую». Я подумала, что раз она вызвала *«скорую»*, значит, не уверена, умер ли он. Но она сказала, что очень даже уверена, потому что раньше работала медсестрой в доме для престарелых и уж мертвого от живого всегда отличит, а «скорую» вызвала потому, что тело надо сначала везти в больницу. Я ей сказала, чтобы она шла домой, когда заберут тело. Она была жутко напугана. Спросила о Фрэнке Уилкоксе. Он управляет делами Риджиса. Я ей сказала, что сама с ним свяжусь. И я с ним свяжусь, но позже. Когда мы общались с Риджисом в последний раз, он говорил, что Фрэнк с женой сейчас в Греции.

— А что с прессой? — спросила Лиз. — Он был известным писателем.

— Господи, я не знаю. — Мама безумно огляделась по сторонам, словно высматривая репортеров, прячущихся в кустах. — Вроде бы никого нет.

— Может быть, они еще не знают, — сказала Лиз. — Если бы они что-то пронюхали, то примчались бы вслед за полицией и «скорой». К тому же тела здесь нет, а значит, нет и репортажа. Выдохни и успокойся, время у нас есть.

— Как я, по-твоему, должна успокоиться? Мне грозит банкротство, а у меня больной брат, за содержание которого мне надо будет платить еще, может, лет тридцать. У меня сын, который однажды окончит школу и соберется в университет. Тебе легко говорить — успокойся. Джейми, ты его видишь? Ты же сможешь его узнать, да? Ты его знаешь в лицо? Скажи, что ты его видишь.

— Я знаю его в лицо, но сейчас не вижу.

Мама застонала и прижала ладонь ко лбу под взъерошенной челкой.

Я потянулся к дверной ручке, и — сюрприз, сюрприз — никакой ручки не было и в помине. Я попросил Лиз открыть дверь, и она открыла. Мы все выбрались из машины.

— Постучи в дверь, — сказала Лиз. — Если никто не ответит, мы обойдем дом, подсадим Джейми, и он заглянет в окна.

Мы могли запросто заглянуть в окна, потому что все ставни — украшенные замысловатыми резными завитушками — были открыты. Мама поднялась на крыльцо, и мы с Лиз на минутку остались вдвоем.

— Ты действительно веришь, что видишь мертвых, как парнишка в том фильме? Да, Чемпион?

Мне было в общем-то по барабану, верит мне Лиз или нет, но что-то в ее голосе — как будто все это просто большая шутка — меня разозлило.

— Мама вам рассказала о кольцах миссис Беркетт?

Лиз пожала плечами.

— Это могла быть удачная догадка. Ты, случайно, не видел каких-нибудь мертвых по дороге сюда?

Я сказал, что не видел, хотя иногда мертвых не отличишь от живых, пока с ними не заговоришь… или пока они сами с тобой не заговорят. Однажды мы с мамой ехали в автобусе, и там была девушка с такими глубокими порезами на запястьях, что они походили на красные браслеты. Я был уверен, что она мертвая, хотя она

вовсе не была страшной. Не такой страшной, как дяденька в Центральном парке. И сегодня, когда мы выезжали из города, я видел старушку в розовом банном халате, стоявшую у перехода на углу Восьмой авеню. Когда на светофоре зажегся зеленый для пешеходов, она осталась стоять на краю тротуара и озиралась по сторонам, как туристка. Ее волосы были накручены на такие специальные цилиндры, чтобы делать кудряшки. Возможно, она была мертвой. Но могла быть и живой: просто бродила в беспамятстве, как, бывало, бродил дядя Гарри, пока маме не пришлось поместить его в санаторий. Сам я такого не помню, но знаю по маминым рассказам. Она говорила, что, когда дядя Гарри начал выходить из дома в пижаме, она поняла, что надеяться на улучшение уже не стоит.

— Гадалки все время угадывают, — сказала Лиз. — И есть пословица, что даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время.

— Вы считаете, что моя мама свихнулась, а я ей помогаю сходить с ума?

Лиз рассмеялась.

— Это называется «потакать» или «потворствовать», Чемпион. Но нет, я не считаю, что твоя мама свихнулась. Просто она оказалась в

отчаянном положении и хватается за соломинку. Знаешь, что это значит?

— Ага. Что мама свихнулась.

Лиз опять покачала головой, на этот раз уже тверже.

— На нее столько всего навалилось. Понятно, что у нее стресс. Но твои выдумки ей не помогут. Надеюсь, *ты это* понимаешь.

К нам подошла мама.

— Никто не открыл. Дверь заперта. Я проверила.

— Ладно, — сказала Лиз. — Заглянем в окна.

Мы обошли дом. Я без труда заглянул в окна столовой, потому что они доходили до самой земли, но окна всех остальных комнат располагались довольно высоко, уж точно не по моему малому росту. Лиз приходилось подсаживать меня, сцепив руки. Я заглянул в большую гостиную с телевизором на полстены. Я заглянул в столовую, где за длинным столом могли бы запросто разместиться все игроки основного состава «Нью-Йорк метс» и, возможно, еще кто-то из запасных. Как-то странно для человека, который всегда жил один и ненавидел большие компании. Я заглянул в комнату, которую мама называла малой гостиной. Я заглянул в кухню в задней части дома. Мистера

Томаса нигде не было и в помине.

— Может быть, он наверху? Я никогда там не бывала, но если он умер в постели… или в ванной… Может, он все еще…

— Вряд ли он умер, сидя на толчке, как Элвис, хотя не исключен и такой вариант.

Я рассмеялся. Меня всегда очень смешило, когда унитаз называли толчком, но мне сразу же расхотелось смеяться, когда я увидел мамино лицо. Все было очень серьезно, и мама теряла надежду. Мы обнаружили заднюю дверь, ведущую в кухню, но она тоже была заперта.

Мама обернулась к Лиз:

— Может быть, можно ее…

— Даже не думай, Ти, — сказала Лиз. — Мы не будем взламывать дверь. Мне хватает проблем на работе и без незаконного проникновения в дом недавно скончавшегося знаменитого писателя. Здесь наверняка установлена сигнализация, и мне как-то не хочется объясняться с ребятами из службы охраны. Или с местной полицией. Кстати о полиции… он умер без свидетелей, да? Тело нашла домработница?

— Да, миссис Куэйл. Она мне позвонила, я тебе говорила…

— У полиции будут вопросы. Может, ее уже

вызвали на допрос, эту миссис Куэйл. Либо в полицию, либо к судмедэксперту. Я не знаю, какой здесь порядок, в округе Уэстчестер.

— Потому что он был знаменитым? Потому что у них могут быть подозрения, что его *убили*?

— Потому что это стандартная процедура. И да, наверное, потому, что он был знаменитым. Суть в том, что мне бы хотелось уехать отсюда до того, как приедут они.

У мамы поникли плечи.

— Так что, Джейми? Его нигде нет?

Я покачал головой.

Мама вздохнула и посмотрела на Лиз.

— Может, проверим гараж?

Лиз пожала плечами, как бы говоря: *твоя затея, тебе и решать*.

— Джейми? Как ты думаешь?

Я совершенно не представлял, зачем бы мистеру Томасу околачиваться у себя в гараже, хотя, с другой стороны, почему бы и нет? Может быть, там стояла его любимая машина.

— Давайте проверим. Раз уж мы все равно здесь.

Мы направились к гаражу, и тут я замер на месте. Сразу за осушенным на зиму бассейном начиналась гравийная дорожка. Вдоль нее росли

деревья, но поскольку была уже поздняя осень и с деревьев опали почти все листья, я без труда разглядел маленький зеленый домик. Я показал на него пальцем:

— Что это?

Мама снова хлопнула себя по лбу. Я уже начал всерьез опасаться, что от всех этих хлопков у нее разовьется опухоль мозга или что-то типа того.

— Господи, *La Petite Maison dans le Bois*[3]! Как же я сразу не сообразила?

— Что это? — повторил я.

— Его кабинет! Где он пишет книги! Если он где-то и есть, то наверняка там! Пойдем!

Она схватила меня за руку и потащила за собой. Мы обогнули бассейн, но когда вышли на дорожку, я резко остановился. Мама продолжала быстро идти вперед, и если бы Лиз не схватила меня за плечо, я бы, наверное, впечатался в гравий лицом.

— Мама? *Мама!*

Она нетерпеливо обернулась ко мне. Только «нетерпеливо» — не совсем верное слово. Взгляд у нее был если и не совершенно безумный, то близко к тому.

---

[3] Примечания: 3
Домик в лесу (*фр.*).

— Пойдем! Точно тебе говорю, если он где-то *здесь*, то наверняка *там*!

— Пожалуйста, Ти, успокойся — сказала Лиз. — Сейчас мы проверим его писательскую хижину, а потом нам пора ехать.

– *Мама!*

Мама как будто меня не слышала. Она вдруг расплакалась, хотя не плакала почти никогда. Даже тогда, когда узнала сумму задолженности по налогам, которые не заплатил дядя Гарри. Тогда она просто ударила кулаком по столу и назвала налоговое управление сворой кровососущих ублюдков. Но сейчас мама плакала.

— Ты езжай, если хочешь, а мы с Джейми останемся, пока он точно не убедится, что все впустую. Тебе-то, может, весело потешаться над сумасшедшей…

— Не надо так говорить!

— …но речь идет о моей *жизни*…

— Я понимаю…

— …и жизни Джейми, и…

– *МАМА!*

Вот чем плохо быть маленьким: взрослые тебя просто не замечают, когда увлекаются своими разборками.

– *МАМА! ЛИЗ! ЗАМОЛЧИТЕ! ВЫ ОБЕ!*

Они замолчали. Они обернулись ко мне. Так мы и стояли, две женщины и мальчик в толстовке с эмблемой «Нью-Йорк метс», рядом с пустым бассейном, в пасмурный ноябрьский день.

Я указал на гравийную дорожку, ведущую к домику, где мистер Томас писал свои книги о Роаноке.

— Он здесь, — сказал я.

12

Он шел прямо к нам, что меня совершенно не удивило. Многих мертвых — не всех, но многих — поначалу тянет к живым, как ночных мотыльков тянет на свет лампы. Я сам понимаю, что это не слишком удачное сравнение, но не знаю, как объяснить лучше. Даже если бы я не *знал*, что он умер, то все равно сразу бы понял, что он уже мертвый. Понял бы только по его наряду. На улице было прохладно, а мистер Томас шел к нам в легкой белой футболке, мешковатых шортах и плетеных сандалиях на босу ногу (мама называет такие сандалии обувкой, как у Иисуса). И на нем было еще кое-что. Нечто странное: желтый матерчатый пояс с приколотой к нему розеткой из синей ленты.

Краем уха я слышал, как Лиз говорит маме, что

здесь никого нет и что я притворяюсь. Но меня совершенно не волновало, что думает Лиз. Я вырвал руку из маминой руки и пошел навстречу мистеру Томасу. Он остановился.

— Добрый день, мистер Томас, — сказал я. — Меня зовут Джейми Конклин. Я сын Тии. Мы с вами не знакомы.

— Ой, да ладно, — сказала Лиз у меня за спиной.

— Помолчи, — шикнула на нее мама, но, видимо, скептицизм Лиз оказался заразным, потому что мама спросила, точно ли я уверен, что вижу мистера Томаса.

Я не стал ей отвечать. Мне было любопытно, что это за пояс у мистера Томаса. В котором он вышел к нам. В котором он умер.

— Я сидел у себя в кабинете, — сказал он. — Этот пояс я надеваю всегда, когда сажусь за работу. Это мой талисман.

— А что это за синяя лента?

— Приз за победу на окружном конкурсе правописания среди шестиклассников. Я был лучшим среди всех участников из двадцати школ. На конкурсе штата я проиграл, но меня наградили за победу на региональном этапе. Мама сшила мне пояс и приколола к нему ленту.

С моей точки зрения, это было как-то странно, до сих пор носить пояс с наградой, полученной в шестом классе, то есть для мистера Томаса — целую вечность назад, но он говорил об этом спокойно, без всякой неловкости или смущения. Иногда мертвые способны любить — помните, я вам рассказывал, как миссис Беркетт поцеловала мистера Беркетта в щеку? — иногда способны ненавидеть (о чем я узнал позже), но большинство других чувств и эмоций, кажется, умирает вместе с человеком. По-моему, даже любовь после смерти тускнеет и теряет силу. Мне неприятно это говорить, но ненависть проявляется ярче и держится дольше. Я думаю, что призраки (в отличие от просто мертвых) — это мертвые, сохранившие в себе ненависть. Живые люди боятся призраков, потому что они *действительно* страшные.

Я обернулся к маме и Лиз.

— Мам, ты знала, что мистер Томас носит пояс, когда пишет книги?

Она широко распахнула глаза.

— Он говорил об этом в интервью для «Салона» лет пять-шесть назад. Он сейчас на нем?

— Ага. Желтый пояс с синей лентой. Это награда…

— За победу на конкурсе правописания! Когда

он давал интервью, еще рассмеялся и назвал это «глупой причудой».

— Может быть, — сказал мистер Томас. — Но у многих писателей есть свои глупые причуды и суеверия. В этом смысле мы точно как бейсболисты, Джимми. Да и кто станет спорить с автором девяти крепких бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс»?

— Я не Джимми, а Джейми, — поправил я.

— Ты рассказывала Чемпиону об этом интервью. Наверняка так и было, Ти, — вмешалась Лиз. — Или он сам прочитал. Он прекрасно читает. Он знал, вот и все. И он…

– *Заткнись*, — сердито оборвала ее мама. Лиз подняла руки, словно сдаваясь.

Мама подошла ко мне и встала рядом, глядя на гравийную дорожку, для нее — абсолютно пустую. Мистер Томас стоял прямо перед ней, запустив руки в карманы своих мешковатых шорт. Шорты держались на честном слове, и я очень надеялся, что мистер Томас не будет слишком уж сильно давить на карманы, потому что, как мне показалось, трусов под шортами не было.

— Скажи ему все, что я просила сказать!

Мама хотела, чтобы я сказал мистеру Томасу, что он должен нам помочь, иначе тонкий финан-

совый лед, по которому мы ходим уже больше года, сломается прямо под нами и мы утонем в море долгов. И что агентство теряет клиентов, потому что некоторые из маминых авторов знают, что все очень плохо, и агентство, возможно, придется закрыть. Крысы, бегущие с тонущего корабля, так назвала их мама однажды вечером, когда мы с ней были вдвоем и она допивала четвертый бокал вина.

Но я не стал заморачиваться со всей этой пустой болтовней. Мертвые должны отвечать на вопросы — по крайней мере, пока не исчезнут совсем — и должны говорить правду. Так что я сразу перешел к делу:

— Мама хочет узнать, о чем будет книга «Тайна Роанока». Она хочет узнать весь сюжет. Вы уже знаете весь сюжет, мистер Томас?

— Конечно. — Он засунул руки еще глубже в карманы, так что стала видна тонкая полоска волос, идущая вниз от пупка. Я не хотел это видеть, но видел. — Я *никогда* не сажусь за книгу, не продумав сюжет от начала и до конца.

— И вы все держите в голове?

— Приходится. А как иначе? Любые записи можно украсть. Выложить в Интернет. Испортить сюрприз.

Если бы он был живым, это прозвучало бы как паранойя. Но, будучи мертвым, он лишь констатировал факт. То, что он сам считал фактом. И кстати, в его словах был резон. В Интернете полно всяких троллей, которые вечно выкладывают на всеобщее обозрение чужие секреты: от скучных политических тайн до действительно важных вещей типа того, что должно произойти в финале очередного сезона «За гранью».

Лиз отошла от нас с мамой, уселась на скамейку рядом с бассейном и, положив ногу на ногу, закурила сигарету. Она, очевидно, решила, что пусть сумасшедшие заправляют в дурдоме. Я подумал, что так даже лучше. У Лиз было немало плюсов, но конкретно в тот день она только мешала.

— Мама хочет, чтобы вы рассказали мне все, что будет в последней книге о Роаноке, — сказал я мистеру Томасу. — Я перескажу ей, и она напишет книгу сама. Она скажет издателю, что вы успели прислать ей почти всю книгу вместе с подробными указаниями, как надо закончить последние две-три главы.

При жизни он взвыл бы волком, услышав подобное предложение: что кто-то другой допишет его книгу; в жизни мистера Томаса не было ничего важнее работы, и он относился к ней очень

ревниво. Но то, что осталось от прежнего мистера Томаса, лежало сейчас где-то в морге, одетое в мешковатые шорты цвета хаки и желтый матерчатый пояс, которые были на нем в момент смерти за рабочим столом. Тот мистер Томас, который говорил со мной, уже не настолько ревниво хранил свои тайны.

Он спросил только одно:

— А она сможет?

По дороге к Брусчатому коттеджу мама уверила меня (и Лиз), что запросто сможет написать за него книгу. Риджис Томас настойчиво требовал, чтобы редактор не трогал ни единого слова в его сочинениях, но мама всегда редактировала его книги, не ставя его в известность — еще с тех времен, когда дядя Гарри был в здравом уме и стоял у руля. Иногда мамины правки были довольно серьезными, но мистер Томас их не замечал… во всяком случае, он ни разу не возмутился. Если кто-то и мог идеально скопировать стиль Риджиса Томаса, то как раз моя мама. Проблема была не в стиле. Проблема была в *сюжете*.

— Да, она сможет, — сказал я, не вдаваясь в подробности, потому что так было проще.

— Кто эта женщина? — спросил мистер Томас, указав пальцем на Лиз.

— Это мамина подруга. Ее зовут Лиз Даттон.

Лиз быстро глянула в мою сторону и закурила еще одну сигарету.

— Твоя мама с ней трахается? — спросил мистер Томас.

— Да, скорее всего.

— Я так и подумал. Это видно по тому, как они друг на друга смотрят.

— Что он сказал? — встревоженно спросила мама.

— Он спросил про вас с Лиз, близкие ли вы подруги, — ответил я. Получилось как-то совсем криво, но ничего другого мне в голову не пришло. — Так вы нам расскажете «Тайну Роанока»? — обратился я к мистеру Томасу. — Я имею в виду, всю книгу, не только саму тайну.

— Да.

— Он говорит «да», — сказал я маме, и она тут же достала из сумки свой телефон и маленький кассетный диктофон. Чтобы не пропустить ни единого слова.

— Скажи ему, пусть расскажет как можно подробнее.

— Мама просит, чтобы вы…

— Я ее слышу, — перебил меня мистер Томас. — Я мертвый, а не глухой.

Его шорты сползли еще ниже.

— Круто, — сказал я. — Мистер Томас, может, вы подтянете шорты? А то отморозите все хозяйство.

Он подтянул шорты повыше, но они все равно еле держались на его костлявых бедрах.

— А что, на улице холодно? Мне вроде нормально, — сказал он и тут же добавил без всякого перехода: — А Тия-то постарела, Джимми.

На этот раз я не стал его поправлять и говорить, что меня зовут Джейми. Я украдкой взглянул на маму и оторопел. Она и *вправду* казалась старой. Не то чтобы совсем-совсем старой, но постаревшей. Раньше я этого не замечал.

— Расскажите нам все, — попросил я. — Начните с начала.

— А откуда же еще? — сказал мистер Томас.

13

Он говорил полтора часа без перерыва. Под конец я совсем выдохся, и мама, мне кажется, тоже. Мистер Томас остался таким же, каким и был: стоял перед нами в своих постоянно сползающих шортах и желтом поясе, почему-то трогательном и жалком, съехавшем под его обвисший живот. Лиз поставила машину в воротах, перегоро-

див въезд, и включила мигалку на приборной доске. Это было правильное решение, потому что известие о смерти мистера Томаса уже распространилось по всей округе и люди начали собираться у Брусчатого коттеджа и фотографировать дом. Один раз Лиз подошла к маме и спросила, долго ли мы еще тут пробудем. Мама лишь отмахнулась и сказала, что она может пока осмотреть территорию или заняться еще чем-нибудь, но Лиз в основном просто топталась неподалеку.

Я жутко устал еще и потому, что для меня это был большой стресс, ведь от книги мистера Томаса зависело наше будущее. Уже тогда мне казалось несправедливым, что на меня, девятилетнего мальчика, свалилась такая ответственность. Но выбора не было. Я должен был слушать мистера Томаса и повторять все, что он говорил, маме — вернее, маминым записывающим устройствам, — а мистер Томас говорил без умолку. Он не хвалился, когда заявил, что держит все в голове. К тому же мама постоянно задавала вопросы, чтобы уточнить тот или иной момент. Мистер Томас, кажется, не возражал (или лучше сказать, ему было по барабану), но меня самого начало доставать, что мама вечно лезет с вопро-

сами и тем самым затягивает разговор. И еще у меня пересохло во рту. Когда Лиз принесла мне стаканчик с оставшейся кока-колой из «Бургер Кинга», я допил все залпом и обнял ее.

— Спасибо, — сказал я, отдавая обратно бумажный стаканчик. — Вы меня спасли.

— Всегда пожалуйста.

Лиз уже не выглядела скучающей. Теперь она выглядела задумчивой. Она не видела мистера Томаса и, наверное, до сих пор не могла поверить, что он и вправду тут есть, но она понимала, что происходит что-то очень и очень *странное*, потому что своими ушами слышала, как девятилетний мальчишка излагает закрученный сюжет большого романа с дюжиной главных действующих лиц и как минимум двумя дюжинами второстепенных. Добавьте сюда и постельную сцену втроем (под воздействием канареечной травы, любезно предоставленной коренными американцами из племени ноттоуэй) с участием Джорджа Треджила, Пьюрити Бетанкорт и Лоры Гудхью. Которая в итоге забеременела. Бедной Лоре всегда доставалось дерьмо на палочке.

В самом конце мистер Томас раскрыл свою главную тайну, и это было что-то с чем-то. Я не скажу вам, что именно. Читайте книгу и выяс-

няйте все сами. Если, конечно, вы ее не читали.

— Сейчас будет последнее предложение, — сказал мистер Томас, по-прежнему свеженький как огурчик… хотя, наверное, «свеженький» — не совсем подходящее слово для мертвого человека. Однако его голос стал потихонечку угасать. Почти незаметно, но все же. — Потому что последнее предложение я всегда сочиняю первым. Это маяк, который указывает мне путь.

— Сейчас будет последнее предложение, — сказал я маме.

— Слава богу, — ответила она.

Мистер Томас поднял вверх указательный палец, как актер старых времен, готовящийся произнести свой основной монолог.

— «В тот день алое солнце клонилось к закату над опустевшим поселком, и слово, вырезанное на столбе частокола, то самое слово, над разгадкой которого будет биться еще не одно поколение, пылало, словно иллюминированное кровью: КРОАТОАН». Скажи ей, что «кроатоан» надо сделать заглавными буквами, Джимми.

Я пересказал его слова маме (хотя не совсем понимал, что такое «иллюминированное кровью»), а потом спросил у мистера Томаса, точно ли мы закончили. Как только он сказал «да», я услышал

рев приближающихся полицейских сирен.

— О боже, — сказала Лиз, но без паники в голосе. Она как будто чего-то подобного и ждала. — Вот и они.

Лиз расстегнула молнию на куртке, чтобы был виден ее полицейский жетон, прикрепленный к поясу. Она поспешила во двор перед домом и вернулась в сопровождении двух полицейских. Они были в куртках с эмблемой полиции округа Уэстчестер.

— Шухер, легавые, — сказал мистер Томас, и я совершенно не понял, что это значит. Позже, когда я спросил у мамы, она объяснила, что это сленг из стародавних 1950-х годов.

— Это мисс Конклин, — сказала Лиз. — Моя подруга и литературный агент мистера Томаса. Она попросила меня приехать сюда вместе с ней, потому что боялась, что в дом может проникнуть кто-нибудь посторонний, чтобы украсть сувениры.

— Или рукописи, — добавила мама. Ее диктофон уже лежал в сумке, телефон — в заднем кармане джинсов. — Особенно рукопись последней книги из цикла романов, над которым работал мистер Томас. — Лиз красноречиво взглянула на маму, мол, *лучше молчи*, но мама

продолжала говорить: — Он закончил книгу буквально на днях. Этот роман с нетерпением ждут миллионы читателей. Я должна быть уверена, что у них будет возможность его прочитать.

Полицейских совершенно не интересовали какие-то рукописи; они приехали осмотреть комнату, где умер мистер Томас. И заодно убедиться, что у посторонних, находившихся рядом с домом покойного, есть на то уважительные причины.

— Как я понимаю, он умер в своем кабинете, — сказала мама, указав пальцем на *La Petite Maison*.

— Да, — сказал один из полицейских. — Нам именно так и сказали. Мы все осмотрим. — Ему пришлось наклониться, упершись руками в колени, чтобы оказаться со мною лицом к лицу; я тогда был совсем коротышкой. — Как тебя звать, сынок?

— Джеймс Конклин. — Я выразительно покосился на мистера Томаса. — *Джейми*. Это моя мама. — Я взял маму за руку.

— Ты сегодня прогуливаешь уроки, Джейми?

Пока я раздумывал над ответом, в разговор вклинилась мама:

— Обычно я забираю его из школы, но сегодня боялась, что не успею приехать к концу уроков, и мы забрали его пораньше. Да, Лиз?

— Так точно, — подтвердила Лиз. — Коллеги, мы не заходили в его кабинет, поэтому не могу вам сказать, заперт он или нет.

— Домработница, которая нашла тело, оставила дверь открытой, — сказал полицейский, разговаривавший со мной. — Но она дала мне ключи. Мы там все осмотрим, а потом запрем дверь.

— Скажи им, что не было никакого криминала, — обратился ко мне мистер Томас. — Я умер сам, от сердечного приступа. Боль была адской.

Я уж точно не собирался ничего им говорить. Если тебе всего девять лет от роду, это не значит, что ты дурачок.

— У вас есть ключи от ворот? — спросила Лиз. Она уже полностью переключилась в профессиональный режим. — Когда мы приехали, они были открыты.

— Ключи есть, и мы закроем ворота, когда все закончим, — сказал второй полицейский. — Очень правильное решение — поставить машину на въезде, детектив.

Лиз развела руками, как бы говоря: такова наша работа.

— Мы, пожалуй, поедем, чтобы вам не мешать.

Полицейский, разговаривавший со мной, спросил:

— Как выглядит эта ценная рукопись? Нам надо знать, чтобы убедиться, что с ней ничего не случится.

Этот мяч мама отбила легко:

— На прошлой неделе мистер Томас прислал мне оригинал. На флешке. Других копий наверняка нет. В том, что касалось его работы, он был параноиком.

— Это точно, — согласился мистер Томас. Его шорты снова сползли.

— Хорошо, что вы присмотрели за домом, пока мы не приехали, — сказал второй полицейский. Они оба пожали нам руки: и маме, и Лиз, и мне тоже — и направились по дорожке к зеленому домику, где умер мистер Томас. Позже я узнал, что многие писатели умерли прямо за письменным столом. Видимо, это такая писательская традиция.

— Пойдем, Чемпион. — Лиз попыталась взять меня за руку, но я не дался.

— Отойдите к бассейну на минутку, — сказал я. — Вы обе.

— Зачем? — удивилась мама.

Я посмотрел на нее таким взглядом, каким, наверное, не смотрел никогда раньше: как будто она была совсем глупой. И конкретно тогда мне

казалось, что она *и вправду* какая-то глупая. Они обе какие-то глупые. И вдобавок еще и чертовски невежливые.

— Затем, что ты получила, что хотела, и надо хотя бы сказать «спасибо».

— О боже. — Мама снова хлопнула себя по лбу. — О чем я вообще думала? Спасибо, Риджис. Большое спасибо.

Мама адресовала свое «спасибо» цветочной клумбе, и я взял ее за руку и развернул в другую сторону.

— Он здесь, мам.

Мама еще раз сказала «спасибо», на которое мистер Томас ничего не ответил. Похоже, ему было все равно. Мама отошла к пустому бассейну, рядом с которым ее ждала Лиз, закуривая очередную сигарету.

На самом деле мне было не обязательно благодарить мистера Томаса. К тому времени я уже знал, что мертвых нисколечко не волнуют такие вещи, но я все равно сказал «спасибо». Просто из вежливости. К тому же мне хотелось его попросить кое-что для меня сделать.

— Мамина подруга, — сказал я. — Лиз.

Мистер Томас ничего не ответил, но посмотрел на нее.

— Она до сих пор убеждена, что я просто выдумал, будто вас вижу. В смысле, она понимает, что произошло что-то странное, потому что ребенок не может сочинить такую историю… Кстати, мне очень понравилось, что случилось с Джорджем Треджилом…

— Спасибо. Он получил по заслугам.

— Но она будет думать о произошедшем и придумает какое-то объяснение.

— Рационалистическое объяснение.

— Ну да. Если это так называется.

— Именно так.

— А вы можете как-то ей показать, что вы здесь? — Я вспомнил, как мистер Беркетт почесал щеку, когда миссис Беркетт его поцеловала.

— Я не знаю. Послушай, Джимми, ты знаешь, что со мной будет дальше?

— Извините, мистер Томас. Я не знаю.

— Значит, придется выяснить самому.

Он подошел к бассейну, в котором ему уже никогда не придется поплавать. Наверное, летом бассейн наполнят снова, но мистера Томаса здесь не будет. Мама с Лиз о чем-то беседовали вполголоса и курили одну сигарету на двоих. Вот, кстати, одна из причин, по которым мне не нравилась Лиз: из-за нее мама опять закурила. Она курила

нечасто и только в компании с Лиз, но все равно.

Мистер Томас встал перед Лиз, сделал глубокий вдох и выдохнул ей прямо в лицо. У Лиз не было челки, которую могло бы сдуть потоком воздуха, ее волосы были гладко зачесаны назад и собраны в хвост, но она все равно прищурилась, как это бывает, когда ветер дует тебе в лицо, и отшатнулась. Если бы мама не схватила ее за руку, она бы, наверное, упала в бассейн.

Я спросил:

— Вы почувствовали? — Глупый вопрос. И так было ясно, что да. — Это был мистер Томас.

Который уже шагал прочь по дорожке, ведущей к его кабинету.

— Еще раз спасибо, мистер Томас! — крикнул я ему вслед. Он не обернулся, но на ходу поднял руку, а потом снова сунул ее в карман шорт. Теперь, когда я смотрел на него со спины, мне открылся отличный обзор на его филейную часть («декольте сантехника», как всегда говорила мама, когда видела на улице парня в джинсах с заниженной талией), и если для вас это снова избыточная информация, то опять извините. Он только что рассказал нам — за час! — весь замысел книги, который вынашивал несколько месяцев. Он не мог отказать в нашей просьбе, и, наверное, это

дало ему право показать нам свою задницу.

Конечно, кроме меня, ее больше никто не видел.

14

Пора подробнее рассказать о Лиз Даттон. Это важно. Вы скоро поймете.

Она была одного роста с мамой, пять футов шесть дюймов[4], с черными волосами до плеч (когда они не были собраны в строгий хвост, одобряемый полицейским начальством) и отличной фигурой, которую мальчики в нашем четвертом классе называли «отпадной», будто знали, о чем говорят. У нее были замечательная улыбка, серые глаза и теплый взгляд. Если только она не злилась. Когда она злилась, ее серые глаза становились холодными, как дождливый ноябрьский день.

Она мне нравилась потому, что могла быть заботливой и внимательной, как в тот раз, когда у меня пересохло в горле и она принесла мне стакан с кока-колой из «Бургер Кинга», о чем я даже и не просил (мама вообще ничего не заметила, она была слишком сосредоточена на подробностях

---

[4] Примечания: 4
168 см.

сюжета последней, ненаписанной книги мистера Томаса). Иногда, когда Лиз приходила к нам в гости, она дарила мне игрушечные машинки для моей постоянно растущей коллекции, и мы с ней неоднократно в них играли, вместе ползая по полу. Иногда она обнимала меня и трепала по волосам. Иногда щекотала меня, пока я не просил ее остановиться, потому что боялся описаться от смеха… что она называла «полить трусы».

Она мне *не* нравилась потому, что я не раз замечал — особенно после поездки к Брусчатому коттеджу, — как она изучающе на меня смотрит. Как на букашку под микроскопом. В такие моменты в ее серых глазах не было теплоты. И она постоянно пеняла мне за беспорядок у меня в комнате, хотя маме мой беспорядок вроде бы не мешал. Лиз говорила: «Мне больно на это смотреть». Или: «Ты так всю жизнь и проживешь в бардаке, Джейми?» И еще Лиз считала, что я уже вырос из того возраста, чтобы спать с ночником, но *эту* дискуссию мама пресекла сразу. Она просто сказала: «Отстань от него, Лиз. Он сам откажется от ночника, когда будет готов».

Что мне не нравилось больше всего? Она отнимала у меня изрядную долю маминого внимания и любви, которые раньше доставались мне од-

ному. Гораздо позже, уже на втором курсе, когда я прочел труды Фрейда на занятиях по психологии, мне стало понятно, что в детстве у меня был классический случай фиксации на матери и я рассматривал Лиз как соперницу.

Ну, да.

Разумеется, я ревновал. И у меня были причины для ревности. Отца у меня не было никогда, я даже не знал, кто он, на хрен, такой, потому что мама ничего о нем не рассказывала. Позже я выяснил, что на *это* имелись веские причины, но в то время я знал только то, что «мы с тобой, Джейми, вдвоем против целого мира». В смысле, пока не появилась Лиз. Также не следует забывать, что и *до* появления Лиз мама не принадлежала мне целиком, потому что ей надо было работать и спасать агентство после того, как они с дядей Гарри пострадали от Джеймса Маккензи (меня жутко бесило, что мы с ним тезки). Мама вечно копалась в отбросах в поисках золота, надеясь отрыть еще одну Джейн Рейнольдс.

Я бы сказал, что в тот день, когда мы ездили к Брусчатому коттеджу, мои симпатии и антипатии к Лиз Даттон распределялись примерно поровну, и симпатии даже слегка перевешивали как минимум по четырем причинам: игрушеч-

ные машинки — это все-таки не кот чихнул; сидеть на диване между мамой и Лиз и смотреть «Теорию большого взрыва» было весело и уютно; Лиз нравилась маме, и я хотел, чтобы она нравилась и мне тоже; Лиз делала маму счастливой. Поначалу. Позже (опять это слово) уже не особо.

То Рождество было классным. Я получил очень крутые подарки от них обеих. Мы втроем пообедали в китайском ресторане, но пообедали рано, потому что Лиз надо было на дежурство. «У преступности выходных не бывает», — сказала она. А мы с мамой поехали на Парк-авеню, в гости к мистеру Беркетту.

Когда мы переехали, мама поддерживала с ним связь и мы регулярно его навещали.

— Потому что ему одиноко, — сказала мама, — и почему еще, Джейми?

— Потому что он нам нравится, — ответил я, и это была чистая правда.

Мы устроили рождественский ужин у него дома (на самом деле не то чтобы ужин, а просто сэндвичи с индейкой и клюквенным соусом из «Забара»), потому что дочь мистера Беркетта жила где-то на Западном побережье и не смогла приехать к отцу в Нью-Йорк. Подробности о его дочери я узнал позже.

И да, еще потому, что нам нравился мистер Беркетт.

Как я, наверное, уже говорил, я называл его мистером Беркеттом, хотя он был профессором, теперь *почетным* профессором, что означало, как я понимал, что он уже вышел на пенсию, но по-прежнему имел право преподавать свой предмет: английскую и европейскую литературу. Однажды я опрометчиво назвал ее литро`й, и мистер Беркетт поправил меня, разъяснив, что слово «ли`тра» произносится с ударением на первый слог и употребляется только в жаргоне пьяниц в сочетаниях типа «взял поллитру».

Даже без фаршированной индейки и только с морковкой в качестве овощного гарнира ужин был замечательный, а потом мы обменялись подарками. Я подарил мистеру Беркетту снежный шар для его коллекции. Позже я узнал, что это была коллекция его покойной жены, но мистер Беркетт обрадовался подарку, поблагодарил меня и поставил мой шар на каминную полку к остальным снежным шарам. Мама подарила ему книгу «Весь Шерлок Холмс: новое аннотированное издание», потому что когда-то он вел спецкурс под названием «Детективы и готика в английской беллетристике».

Мистер Беркетт подарил маме кулон, который, как он сказал, принадлежал его жене. Мама стала отнекиваться и говорить, что кулон надо отдать его дочери. Мистер Беркетт сказал, что Шивон уже забрала все лучшие украшения Моны, к тому же «кто не успел, тот опоздал». Что означало, как я понимаю, что если дочь не потрудилась приехать к нему на праздник, то пусть идет лесом. В общем, я был с ним согласен, потому что кто знает, сколько раз ей еще доведется встречать Рождество вместе с отцом? Мистер Беркетт был старше самого Господа Бога. К тому же я питал слабость к отцам, потому что сам рос без папы. Да, я знаю, что нельзя скучать по тому, чего у тебя не было никогда, и я не то чтобы скучал, но все-таки чувствовал, что мне *чего-то* не хватает.

Мне мистер Беркетт подарил книгу. Она называлась «Двадцать сказок без купюр».

— Знаешь, что означает «без купюр», Джейми?

Бывших профессоров не бывает, как я понимаю.

Я покачал головой.

— А как ты думаешь? — Он улыбнулся и наклонился вперед, зажав ладони между коленями. — Сможешь угадать по контексту названия?

— Без цензуры? Как фильм категории R?

— Попал прямо в точку, — сказал он. — Молодец.

— Надеюсь, в них не очень много секса, — вставила мама. — Он читает на уровне старшеклассника, но ему только девять.

— Секса нет и в помине. Только старое доброе зло и насилие, — сказал мистер Беркетт (тогда я еще не называл его профессором; мне почему-то казалось, что в этом есть что-то снобистское). — Например, в оригинальной версии «Золушки», которая есть в этой книге, злые сводные сестры…

Мама повернулась ко мне и произнесла громким шепотом:

— Внимание, спойлер!

Мистера Беркетта это не остановило. Он уже полностью переключился в преподавательский режим. Я совершенно не возражал, мне было интересно.

— В оригинальной версии сказки злые сводные сестры отрезали себе пальцы, чтобы их ноги влезли в хрустальную туфельку.

— Жесть! — сказал я, имея в виду: *какая гадость, дайте две*.

— И хрустальная туфелька, Джейми, была совсем не хрустальной. Видимо, изначально это была ошибка при переводе, а потом ее увекове-

чил Уолт Дисней, этот гомогенизатор волшебных сказок. На самом деле туфельки Золушки были сделаны из беличьих шкурок.

— Надо же! — сказал я. Это было не так интересно, как отрезание пальцев, но мне хотелось, чтобы он продолжал говорить.

— В оригинале «Сказки о Короле-лягушонке» принцесса не поцеловала лягушонка, а…

— Хватит, — сказала мама. — Пусть лучше он сам прочитает все сказки.

— Да, так действительно будет лучше, — согласился с ней мистер Беркетт. — А потом, может быть, мы с тобой их обсудим, Джейми.

В смысле, вы их обсудите, а я буду слушать, подумал я. Но был вовсе не против.

— Кто-нибудь хочет горячего шоколада? — спросила мама. — Он тоже из «Забара», а там делают лучший на свете горячий шоколад. Я сейчас его быстренько подогрею.

— Руби, Макдуфф, — сказал мистер Беркетт, — и проклят будь, кто первый скажет: «стой»![5]

Что означало «да», и мы выпили по большой кружке горячего шоколада со взбитыми сливками.

---

[5] Примечания: 5

У. Шекспир. Макбет. Действие V, сцена VIII. *Перевод А. Кронеберга.*

На моей памяти это лучшее Рождество из всех, что были у меня в детстве: от оладий, которые Лиз испекла на завтрак, до горячего шоколада в гостях у мистера Беркетта на той же лестничной площадке, где когда-то была наша с мамой квартира. Новый год тоже прошел замечательно, хотя я уснул на диване в гостиной еще до полуночи. Все было прекрасно. Но в 2010 году начались сложности.

До этого у мамы с Лиз тоже случались «активные прения», как их называла мама. В основном из-за книг. Их вкусы в литературе во многом совпадали (напоминаю, они познакомились на презентации книги Риджиса Томаса), и в кинематографе тоже, но Лиз считала, что мама слишком зациклена на продажах, промоушене и писательских рейтингах и не всегда обращает внимание на содержание. Помню, она потешалась над парой маминых клиентов, называя их «недоавторами недочтива». На что мама ответила, что благодаря этим «недоавторам» у нее есть на что жить. Не говоря уже о том, чтобы оплачивать санаторий, где дядя Гарри тихо мариновался в собственной моче.

Постепенно их споры с более-менее безопасных тем о книгах и фильмах перешли на другие

предметы и стали более жаркими. Иногда они спорили о политике. Лиз нравился конгрессмен Джон Бейнер. Мама называла его Джоном Хрейнером. Почему, я не знаю. Зато ей нравилась Нэнси Пелоси (вы наверняка ее знаете, она еще не завершила свою политическую карьеру), мама считала ее смелой женщиной, работающей в «мужском клубе». Лиз считала ее типичной либеральной дурой.

Самая крупная ссора из-за политики у них с мамой случилась, когда Лиз сказала, что ей как-то не верится, что Барак Обама на самом деле родился в Америке. Мама назвала ее глупой расисткой. Они спорили в спальне, за закрытой дверью — где обычно и происходили их споры, — но так орали, что в гостиной мне все было слышно. Через пару минут Лиз ушла, хлопнув дверью, и не появлялась у нас почти неделю. А когда все-таки появилась, они помирились. В спальне, да. За закрытой дверью. Мне опять было все слышно, поскольку их примирение проходило довольно шумно. Стоны, смех и скрип кровати.

Они также спорили о методах полицейской работы, причем за несколько лет до начала движения «Жизни черных важны». Как вы понимаете, для Лиз это была больная тема. Мама

категорически осуждала дискриминацию и какое-то «расовое профилирование», а Лиз отвечала, что профиль строится только на основании четких характеристик. (Тогда я не понял, что это значит, и сейчас тоже не понимаю.) Мама говорила, что если взять осужденных за одно и то же преступление, то черным обычно выносят более строгие приговоры, а белых нередко и вовсе оправдывают. На что Лиз возражала: «Покажи мне бульвар Мартина Лютера Кинга в любом большом городе, и я покажу тебе самый криминальный район».

Их споры случались все чаще, и даже в своем юном возрасте я понимал основную причину: они слишком уж увлекались спиртным. Горячие завтраки, которые мама раньше готовила дважды, а то и трижды в неделю, исчезли. Утром я заходил в кухню, и там сидели, склонившись над чашками с кофе, мама и Лиз в одинаковых банных халатах. Обе хмурые, бледные, с красными глазами. Из мусорного ведра торчали горлышки трех, иногда четырех пустых винных бутылок с сигаретными окурками внутри.

Мама говорила: «Возьми себе сок и хлопья, Джейми». Лиз просила меня не шуметь, потому что аспирин еще не подействовал, у нее рас-

калывается голова, а ей сегодня надо быть на совещании или вести слежку за подозреваемым по тому или иному делу. Но не в составе опергруппы по поиску Подрывника; туда Лиз не взяли.

В такие утра я пил сок и ел хлопья тихо, как мышка. Пока я завтракал, мама шла одеваться, чтобы отвести меня в школу (не обращая внимания на замечания Лиз, что я уже большой мальчик и вполне в состоянии самостоятельно добираться до школы), и вроде как приходила в себя.

Мне это казалось вполне нормальным. По-моему, более-менее самостоятельное мировоззрение начинает формироваться годам к пятнадцати или шестнадцати; пока ты еще маленький, ты просто довольствуешься тем, что есть, и приспосабливаешься к тому, что имеешь. У меня было так: две похмельные женщины, склонившиеся над чашками с кофе, — с этой утренней картины начинался мой день. Поначалу лишь изредка, а потом все чаще и чаще. Я даже не замечал запаха вина, пропитавшего весь дом. И все-таки что-то откладывалось в подсознании, потому что много лет спустя, уже в университете, когда мой сосед пролил бутылку зинфанделя в гостиной нашей квартирки, которую мы с ним снимали на пару,

воспоминания долбанули меня по башке, как дубина. Спутанные волосы Лиз. Мамины опухшие глаза. Как *медленно* и *бесшумно* я закрывал кухонный шкафчик, где хранились хлопья.

Я сказал своему соседу, что мне надо сбегать за сигаретами (да, со временем я заимел эту вредную привычку), но, если по правде, мне просто хотелось сбежать от запаха. Если бы мне предложили на выбор: видеть мертвых (да, я их по-прежнему вижу) или заново переживать воспоминания, пробуждающиеся от запаха пролитого вина, — я бы выбрал мертвых.

Даже не сомневайтесь, черт возьми.

15

Мама писала «Тайну Роанока» четыре месяца, постоянно держа под рукой свой верный диктофон. Как-то раз я спросил, похоже ли написание книги за мистера Томаса на рисование картины. Мама подумала и сказала, что это больше похоже на раскраску по номерам, когда ты раскрашиваешь готовую картинку согласно инструкции, красками из предлагаемого набора, и в итоге должно получиться что-то «пригодное, чтобы вставить в рамочку и повесить на стену».

Мама наняла ассистентку по агентским делам,

чтобы освободить себе время для работы над книгой. Однажды она мне сказала по дороге из школы домой — зимой 2009–2010 года она почти не выходила на улицу подышать свежим воздухом, только когда провожала меня в школу и забирала из школы, — что не может позволить себе нанять ассистентку и не может позволить не нанимать. Барбара Минс только-только закончила обучение по программе английской литературы в Вассарском колледже и согласилась работать в агентстве практически за гроши — ради опыта, — причем работала она хорошо, и это было большое подспорье. Мне нравились ее большие зеленые глаза, они мне казались очень красивыми.

Мама писала и переписывала. В эти несколько месяцев мама вообще ничего не читала, кроме книг саги о Роаноке, чтобы погрузиться в стилистику Риджиса Томаса. Мама слушала мой голос на диктофоне. Проматывала запись вперед и отматывала назад. Скрупулезно закрашивала незакрашенные поля на картинке. Однажды я случайно подслушал, как уже за второй на тот вечер бутылкой вина мама сказала Лиз, что она точно рехнется, если ей придется написать еще одно предложение, содержащее фразу «высокая

крепкая грудь с сосками, как розовые бутоны». Также ей приходилось отбиваться от звонков журналистов — в том числе из отдела новостей шоу-бизнеса «Нью-Йорк пост», — которые интересовались последней книгой Риджиса Томаса, поскольку слухи уже поползли. (Все это вспомнилось мне очень живо, когда Сью Графтон умерла, не успев завершить финальную книгу ее «алфавитной серии» детективов.) Мама говорила, что ей очень не нравится врать.

— Но у тебя хорошо получается, — ответила на это Лиз, и мама посмотрела на нее тяжелым, холодным взглядом, который я все чаще замечал у нее в последний год их отношений.

Она врала и редактору Риджиса Томаса: говорила, что незадолго до смерти Риджис дал четкие указания, что никто (разумеется, кроме мамы) не должен видеть рукопись «Тайны» до 2010 года, «в целях повышения читательского интереса». Лиз считала, что это не слишком удачная выдумка, но мама ее уверяла, что прокатит и так.

— Фиона все равно никогда его не редактировала. — Мама имела в виду Фиону Ярбро из издательства «Даблдэй», где печатался мистер Томас. — Ее редакторский вклад состоял исключительно в том, что, получив новую рукопись,

она писала Риджису восторженное письмо, где всегда говорилось, что на этот раз он превзошел самого себя.

Когда мама все-таки отослала книгу в издательство, она неделю сидела как на иголках и огрызалась на всех и вся (на меня в том числе); ждала, что Фиона позвонит и скажет: *Риджис не писал эту книгу, она совсем не похожа на все предыдущие. Мне кажется, Тия, ты написала ее* сама. Но все обошлось. Либо Фиона и вправду ничего не заподозрила, либо ей было по барабану. Критики и рецензенты уж точно не заподозрили никакого подвоха, когда книга отправилась в типографию и вышла в свет осенью 2010 года.

«Паблишерс уикли»: «Томас приберег лучшее напоследок».

«Киркус ревьюс»: «Поклонники сладострастно-разнузданной исторической прозы снова будут визжать от восторга».

Дуайт Гарнер, для «Нью-Йорк таймс»: «Типичный Томас с его обильной, безвкусной прозой: приблизительный эквивалент пира горой на «шведском столе» в сомнительном придорожном ресторане».

Маму не волновали отзывы критиков; ее волновал громадный аванс и возобновившиеся

роялти от переиздания предыдущих книг серии о Роаноке. Она возмущалась, что ей как агенту причитается только пятнадцать процентов, хотя она написала всю книгу сама. Впрочем, мама чуть-чуть отомстила за свои страдания, посвятив книгу себе.

— Потому что я это заслужила, — сказала она.

— А вот я в этом не уверена, — сказала Лиз. — Если подумать как следует, Ти, ты была просто секретарем. Может быть, книгу стоило посвятить Джейми.

Мама вновь одарила Лиз тем самым тяжелым, холодным взглядом, но мне показалось, что в словах Лиз есть резон. Хотя если и вправду подумать как следует, я тоже был просто секретарем. Истинным автором все равно оставался сам мистер Томас, пусть даже и мертвый.

16

Теперь смотрите: я назвал много причин, по которым мне нравилась Лиз, и, наверное, были еще и другие причины. Я назвал все причины, по которым она мне *не нравилась*, и причин для «не нравилась» тоже наверняка было больше. И только потом, уже позже (да, опять это слово), я задумался, что, возможно, *я сам* ей не нравился.

Раньше мне это в голову не приходило. Да и с чего бы мне вдруг пришло в голову, что я могу кому-то не нравиться? Я привык, что меня все любили, и принимал это как должное. Меня любила мама, меня любили учителя, особенно миссис Уилкокс в начальной школе, которая обняла меня в последний день третьего класса и сказала, что ей будет меня не хватать. Меня любили Фрэнки Райдер и Скотт Абрамовиц, мои лучшие друзья (хотя мы, конечно, не говорили и даже не думали о нашей дружбе в таких выражениях). И не забудем о Лили Райнхарт, которая однажды поцеловала меня при всех прямо в губы, а когда я уходил из детского сада, подарила мне холлмарковскую открытку с грустным щенком и надписью: «Я БУДУ СКУЧАТЬ ПО ТЕБЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ НАШЕЙ РАЗЛУКИ». Лили сама подписала открытку, нарисовала сердечко вместо черточки над «й» в своей фамилии и добавила после подписи *ххх* и *хо*[6].

Может быть, Лиз меня и не любила, но я ей хотя бы *нравился*. По крайней мере, сначала. Я в этом уверен. Но все изменилось после поездки к Брусчатому коттеджу. Лиз начала относиться ко мне как к какой-то ошибке природы. Я думаю

[6] Примечания: 6

В английской письменной речи, как правило, в электронной переписке, *ххх* и *хо* означает «целую» или «обнимаю».

— нет, *точно знаю*, — что она стала меня бояться. Нелегко любить то, чего ты боишься. А может, и вовсе не возможно.

Хотя Лиз не раз говорила, что в девять лет я уже большой мальчик и вполне в состоянии самостоятельно ходить в школу и возвращаться из школы домой, она иногда заезжала за мной после уроков, когда работала в «глухую смену», как она называла раннюю смену с четырех утра до полудня. Никто из детективов не любил эти смены — все увиливали, как могли, — но Лиз на них ставили довольно часто. В то время я не задумывался почему, но позже (ага-ага, да-да-да, вот опять) я понял, что начальство ее не любило. Или ей не доверяло. И вовсе не из-за ее отношений с моей мамой; в том, что касалось личной жизни сотрудников, Департамент полиции Нью-Йорка потихонечку переходил в XXI век. И не из-за ее пьянства: она была далеко не единственным полицейским, любящим приложиться к бутылке. Просто некоторые ее сослуживцы начали подозревать, что Лиз Даттон — продажный полицейский. И — внимание, спойлер! — они были правы.

17

Мне нужно рассказать вам о двух конкретных случаях, когда Лиз забирала меня из школы. В каждом из них она была на машине — не той, на которой мы ездили к Брусчатому коттеджу, а той, которую она называла своим личным транспортом. В первый раз — в 2011 году, когда они с мамой еще были вместе. Во второй раз — в 2013-м, через год-полтора после их окончательного разрыва. До этого я еще доберусь, а пока буду рассказывать по порядку.

В тот мартовский день я вышел из школы с рюкзаком, болтавшимся на одном плече (все крутые шестиклассники в нашей школе носили свои рюкзаки только так), и Лиз дожидалась меня, сидя в машине. Ее «хонда-сивик» стояла у тротуара на желтом пятачке, обозначавшем место парковки для инвалидов, но на такой случай у Лиз имелась табличка «СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ»… что само по себе заставляло задуматься о ее человеческих качествах, и вы будете правы, если скажете, что я должен был это понять даже в нежном одиннадцатилетнем возрасте.

Я сел в машину, стараясь не морщиться от за-

паха застарелого табачного дыма, от которого не спасал даже освежитель воздуха в виде сосны, подвешенной к зеркалу заднего вида. К тому времени — спасибо «Тайне Роанока» — мы переехали в квартиру побольше, и я думал, что Лиз отвезет меня домой, но она почему-то поехала в центр.

— Куда мы едем? — спросил я.

— На небольшую экскурсию, Чемпион, — сказала она. — Сейчас увидишь.

Она привезла меня на кладбище Вудлон в Бронксе, где, помимо прочих, похоронены Дюк Эллингтон, Герман Мелвилл и Бэт Мастерсон. Я это знаю, потому что потом поискал информацию, а позже подготовил доклад для школы. Лиз въехала на территорию Вудлона со стороны Уэбстер-авеню и принялась просто кружить по дорожкам. Было, в общем, неплохо, но чуточку страшно.

— Знаешь, сколько людей здесь похоронено? — спросила она. Я покачал головой. — Триста тысяч. Меньше, чем население Тампы, но ненамного. Я проверила по «Википедии».

— А что мы тут делаем? В смысле, все это интересно, но мне надо делать домашку. — Я не соврал насчет домашки, хотя задали нам немного, за полчаса я бы справился. День был ясным

и солнечным, Лиз казалась вполне нормальной — просто Лиз, мамина подруга, — но все равно это была какая-то странная экскурсия.

Хитрость с уроками не сработала. Лиз пропустила мои слова мимо ушей.

— Здесь постоянно кого-то хоронят. Посмотри налево. — Она указала пальцем в ту сторону и притормозила, сбросив скорость до черепашьего шага. Там, куда она показала, стояли какие-то люди, собравшиеся вокруг гроба у свежевырытой могилы. У изголовья могилы стоял священник с открытой книгой в руках. Не знаю, что это был за священник, но точно не раввин, потому что у него не было кипы.

Лиз остановила машину. Никто из присутствовавших не обратил на нас внимания. Все сосредоточенно слушали, что говорил священник.

— Ты видишь мертвых, — сказала Лиз. — Теперь я верю. Трудно было бы не поверить после всего, что случилось у дома Томаса. Ты видишь кого-то из мертвых здесь?

— Нет, — ответил я, внутренне ежась. Не из-за того, что Лиз сказала сейчас, а из-за того, что она говорила раньше. Было как-то тревожно осознавать, что меня окружают триста тысяч

мертвецов. Хотя я знал, что мертвые исчезают из мира уже через несколько дней после смерти — максимум через неделю, — мне все равно было боязно смотреть вокруг: а вдруг я увижу, как все эти мертвые стоят у своих могил или прямо на могилах? А потом начинают шагать к нам, как киношные зомби?

— Ты уверен?

Я посмотрел на людей, слушавших заупокойную службу (или надгробную речь, или как оно называется, я не знаю). Священник, видимо, начал читать молитву, потому что скорбящие склонили головы. Все, кроме одного. Он единственный просто стоял и рассеянно смотрел в небо.

— Тот человек в синем костюме, — наконец сказал я. — Тот, который без галстука. Он может быть мертвым, но я не уверен. Если они умирают без ран и увечий, без *видимых* ран и увечий, с виду они ничем не отличаются от живых.

— Я не вижу никого без галстука, — сказала Лиз.

— Значит, он точно мертвый.

— Они всегда приходят на свои похороны? — спросила Лиз.

— Откуда мне знать? Я никогда раньше не был

на кладбище, Лиз. Я видел миссис Беркетт на ее похоронах, но не знаю, была ли она на кладбище, потому что мы с мамой туда не поехали.

— Но ты видишь *его*. — Она словно в трансе смотрела на группу скорбящих. — Ты можешь к нему подойти, можешь с ним поговорить, как тогда говорил с Риджисом Томасом.

— Я никуда не пойду! — Мне не хочется говорить, что я произнес это тонким, писклявым голосом, но именно так и было. — Перед всеми его друзьями? Перед женой и детьми? Ты меня не заставишь!

— Угомонись, Чемпион, — сказала она и взъерошила мне волосы. — Я просто пытаюсь уложить все в голове. Как, по-твоему, он сюда попал? Уж точно не на такси.

— Я не знаю. Я хочу домой.

— Скоро поедем домой.

Мы продолжали кружить по кладбищенским дорожкам, среди памятников, и фигурных каменных надгробий, и бессчетных обычных могильных плит. Еще трижды мы видели похороны: на двух из них было не очень много народу — и главный виновник события незримо присутствовал рядом, — а на одном погребении собралось человек двести, не меньше, и священ-

ник (в кипе, да, и в прикольной на вид шали) говорил в микрофон. Каждый раз Лиз спрашивала, вижу ли я покойного, и я каждый раз отвечал, что понятия не имею.

— Может, ты просто мне не говоришь, — сказала она. — Я же вижу, ты злишься.

— Я не злюсь.

— Злишься-злишься, и если ты скажешь Ти, куда я тебя возила, мы с ней, наверное, крепко поссоримся. Вряд ли ты согласишься сказать, что мы были в кафе-мороженом, да?

Мы уже выезжали с кладбища обратно на Уэбстер-авеню, и я почувствовал себя лучше. Я пытался себя убедить, что у Лиз есть причины для любопытства. На ее месте каждому было бы любопытно.

— Может, и соглашусь, если мы и вправду заедем в кафе-мороженое.

— Подкуп! Тяжкое преступление второй степени! — Она рассмеялась, опять взъерошила мне волосы, и между нами все снова стало нормально.

Когда мы уже выехали с территории кладбища, я увидел молодую женщину в черном платье. Она сидела на лавочке на автобусной остановке. Рядом с ней сидела маленькая девочка в белом

платье и черных лакированных туфельках. У девочки были румяные щеки, золотистые волосы и дырка в горле. Я помахал ей рукой. Лиз этого не заметила; она дожидалась, когда в потоке машин появится просвет, чтобы повернуть. Я не сказал ей о девочке на остановке. В тот вечер Лиз не осталась у нас, ушла сразу после ужина — то ли на дежурство, то ли просто к себе домой, — и я чуть было не рассказал обо всем маме. Но в итоге все-таки не рассказал. В итоге я удержал при себе эту малышку с золотистыми волосами. Позже я сообразил, откуда взялась дырка у нее в горле: видимо, девочка подавилась едой, начала задыхаться, ей разрезали горло и вставили трубку, чтобы она могла дышать, но было уже слишком поздно. Она сидела рядом со своей мамой, и ее мама об этом не знала. Но я знал. Я видел. Когда я ей помахал, она помахала в ответ.

18

Когда мы ели мороженое в «Ликети сплит» (Лиз позвонила моей маме и сообщила, где мы и чем занимаемся), Лиз сказала:

— Твое умение… это, наверное, так странно. Так *жутко*. Тебе не страшно?

Мне хотелось спросить, не страшно ли ей смот-

реть ночью на небо, зная, что звезды тянутся в бесконечность, но я не стал ничего спрашивать. Просто ответил «нет». Даже к чуду можно привыкнуть. А привыкнув к нему, ты воспринимаешь его как должное. И невольно перестаешь удивляться. В мире много чудесного, вот и все. Оно повсюду.

19

Скоро я расскажу о втором случае, когда Лиз забрала меня из школы, но сначала надо рассказать, как они с мамой расстались. Это было кошмарное утро, уж поверьте мне на слово.

Я проснулся еще до будильника, от маминых криков. Мама и раньше кричала и злилась на Лиз, но никогда не кричала *так* громко и не злилась *так* сильно.

— Ты принесла его ко мне в дом? Где я живу с *сыном*?

Лиз что-то ответила, но очень тихо, и мне было не слышно.

— Ты думаешь, для меня это имеет значение? — крикнула мама. — В полицейских телесериалах это называют *серьезным грузом*. Я могу загреметь в тюрьму за соучастие!

— Не устраивай драму, — сказала Лиз. Уже

громче. — Не было ни малейшего шанса, чтобы…

– *Это не важно!* — перебила ее мама. — Он был в моем доме! Он и сейчас в моем доме! Прямо на гребаном столе, рядом с гребаной сахарницей! Ты принесла запрещенный наркотик в мой дом! *Серьезный груз!*

— Да что ты заладила со своим грузом? У нас тут не серия «Закона и порядка»! — Теперь Лиз тоже кричала. И злилась. Я стоял, прижавшись ухом к двери своей спальни. Стоял босой и в пижаме, с бешено колотящимся сердцем. Это был не обычный спор, и даже не ссора. Все было гораздо серьезнее. И хуже. — Если бы ты не шарила у меня по карманам…

— Я не шарила у тебя по карманам! Я хотела сделать тебе *одолжение*! Я собиралась отдать в химчистку свою шерстяную юбку и подумала, что заодно можно почистить и твою запасную форменную куртку. Как долго он там пролежал?

— Совсем недолго. Парня, которому принадлежит этот пакет, сейчас нет в городе. Он возвращается завтра…

– *Как долго?*

Лиз что-то ответила, но очень тихо, и я не расслышал.

— Но зачем было тащить его к нам? Не пони-

маю. У тебя дома есть оружейный сейф, вот и оставила бы его в сейфе.

— У меня нет… — Лиз резко умолкла.

— Чего нет?

— Оружейного сейфа. А у нас в доме были квартирные кражи. К тому же на этой неделе я все равно каждый день у тебя. Вот я и подумала… чтобы лишний раз не мотаться…

– *Чтобы лишний раз не мотаться?!*

На это Лиз ничего не сказала.

— У тебя дома нет оружейного сейфа. О чем еще ты мне врала? — Теперь в мамином голосе не было злости. Теперь в нем слышалась только обида. Как будто мама сейчас заплачет. Мне хотелось выйти на кухню и сказать Лиз, чтобы она оставила мою маму в покое, пусть даже мама сама начала разговор, когда нашла у Лиз в курке какой-то *серьезный груз*. Но я никуда не пошел. Я стоял у двери и подслушивал. И дрожал мелкой дрожью.

Лиз что-то пробормотала в ответ.

— Поэтому у тебя и проблемы на службе? Ты сама тоже употребляешь, а не просто… не знаю… *развозишь? Распространяешь?*

— Я не употребляю и не распространяю!

— Но ты его кому-то передаешь! — Мама снова

повысила голос. — По-моему, это и значит *распространяешь*. — Она на секунду умолкла и снова вернулась к той теме, которая беспокоила ее больше всего. — Ты его принесла *ко мне в дом*. Где я живу с *сыном*. Ты запираешь оружие в машине, я всегда на этом настаивала, но теперь я нахожу в твоей запасной куртке *два фунта*[7]*кокаина*. — Тут она рассмеялась, но не так, как люди смеются, когда им и вправду смешно. — В твоей запасной *полицейской* куртке!

— Там не два фунта, — хмуро проговорила Лиз.

— Я с раннего детства помогала отцу взвешивать мясо на рынке, — сказала мама. — Если я беру в руку два фунта, мне сразу понятно, что это два фунта.

— Я его унесу, — сказала Лиз. — Прямо сейчас.

— Да, прямо сейчас. За своими вещами приедешь потом. По предварительной договоренности. Когда я буду дома, а Джейми не будет. И никак иначе.

— Ты сейчас говоришь не всерьез, — сказала Лиз, но по ее голосу было понятно, что она сама в это не верит.

— Очень даже всерьез. Я сделаю тебе одолжение

---

[7] Примечания: 7
0,9 кг.

и не сообщу твоему начальству о том, что нашла у тебя в кармане, но если ты снова появишься здесь — кроме того раза, когда приедешь забрать барахло, — я сообщу сразу. Даже не сомневайся.

— Ты меня выгоняешь? На самом деле?

— На самом деле. Забирай свою наркоту и вали отсюда на хрен.

Лиз расплакалась. Это было ужасно. Когда Лиз ушла, мама тоже расплакалась, и это было еще ужаснее. Я вошел в кухню и обнял маму.

— Ты все слышал? — спросила она и тут же ответила за меня: — Наверняка слышал. Не буду врать тебе, Джейми. И смягчать правду тоже не буду. Это были наркотики, крупная партия, и ты никому об этом не скажешь, ты понял?

— Это правда был кокаин? — Я тоже плакал, но понял, что плачу, только услышав свой собственный хриплый голос.

— Да. И раз уж ты все равно многое знаешь, то скажу тебе честно: в юности я сама пробовала кокаин, пару раз. Я попробовала порошок из пакета, который нашла в кармане у Лиз, и у меня онемел язык. Это точно был кокс.

— Но теперь его нет. Она его унесла.

Все хорошие мамы знают, чего боятся их дети. Кто-то, может быть, скажет, что это наивное ро-

мантическое измышление, но я считаю, что это самый что ни есть прозаический факт.

— Да, унесла. И у нас все хорошо. День начался не слишком удачно, но теперь все позади. Подводим черту и идем дальше.

— Да, хорошо. Но… вы с Лиз и вправду уже не друзья?

Мама вытерла слезы кухонным полотенцем.

— Мы с ней давно не друзья, просто я этого не понимала. Ладно, тебе пора собираться в школу.

Тем вечером, когда я делал уроки, я услышал какое-то *буль-буль-буль*, доносившееся из кухни, и почуял запах вина. Запах был сильнее обычного и даже сильнее, чем в те вечера, когда мама с Лиз уговаривали по три-четыре бутылки. Я вышел на кухню, чтобы посмотреть, не разбила ли мама бутылку или бокал (хотя не слышал звона бьющегося стекла), и увидел, что мама стоит у раковины с бутылкой красного в одной руке и бутылкой белого в другой. Она выливала вино прямо в раковину.

— Зачем ты его выливаешь? Оно испортилось?

— В каком-то смысле испортилось, — сказала мама. — Начало портиться месяцев восемь назад. Пора прекращать.

Позже я узнал, что после разрыва с Лиз мама

какое-то время посещала собрания клуба анонимных алкоголиков, но потом решила, что ей это не нужно. («Зачем мне выслушивать, как старичье бьет себя пяткой в грудь и сокрушается о лишней рюмке, выпитой тридцать лет назад», — сказала она.) И по-моему, она иногда выпивала, потому что я вроде бы пару раз чувствовал, как от нее пахнет вином, когда она целовала меня перед сном. Может быть, после ужина с кем-то из клиентов. Если она хранила спиртное дома, я не знал, где она его прячет (не то чтобы я как-то особо упорно искал). Но с тех пор, как мама рассталась с Лиз, я больше ни разу не видел ее пьяной или страдающей от похмелья. Для меня этого было вполне достаточно.

20

После этого я не видел Лиз Даттон довольно долго, год или чуть больше. Поначалу я по ней скучал, но недолго. Когда подступала тоска, я просто напоминал себе, что Лиз подставила мою маму и по сути ее предала. Я все ждал, что у мамы появится новая подруга для совместных ночевок, но никаких новых подруг так и не появилось. Однажды я спросил почему, и мама ответила так:

— Обжегшись на молоке, будешь дуть на воду.

У нас все хорошо, и это главное.

И все действительно было хорошо. Благодаря Риджису Томасу — 27 недель в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» — и паре новых клиентов (одного из них обнаружила Барбара Минс, которая к тому времени стала штатным сотрудником на полную ставку, а еще позже, в 2017 году, — уже полноправным, именным партнером) агентство вновь твердо встало на ноги. Дядя Гарри вернулся в санаторий в Бейонне (прежнее учреждение, новое руководство); в общем, не идеальный вариант, но все-таки лучше, чем раньше. Мама больше не злилась по утрам и накупила себе новой одежды.

— Приходится обновлять гардероб, — пояснила она. — Я как бросила пить, похудела на пятнадцать фунтов.

Я уже перешел в среднюю школу, в чем-то паршивую, в чем-то нормальную, но там был один большой плюс: если ты занимался любым видом спорта и выступал за школьную команду и у тебя в расписании не было обязательных уроков во второй половине дня, то тебя отпускали на тренировку в спортзал, или в изостудию, или в музыкальный кружок, или домой. Я играл только в юношеской команде по баскетболу, и сезон

матчей уже завершился, но я все равно попадал в категорию спортсменов. Иногда я заглядывал в изостудию, потому что там занималась симпатичная девчонка по имени Мэри О'Мэлли. Если она была в студии, я оставался до конца занятия, если нет — отправлялся домой. Либо пешком (самостоятельно, ясное дело), если погода была хорошей, либо на автобусе, если плохой.

В тот день, когда в мою жизнь вернулась Лиз Даттон, я даже не стал проверять, есть ли в студии Мэри, и сразу после уроков помчался домой, потому что мне подарили на день рождения новую игровую приставку и я еще с нею не наигрался. Я как раз выходил со школьного двора, поправляя рюкзак за спиной (я уже не носил рюкзаки, как котомки, на одном плече; шестой класс остался в доисторическом прошлом), и вдруг услышал знакомый голос:

— Привет, Чемпион. Как жизнь, bambino[8]?

Она стояла, прислонившись к машине, — не служебной, а личной. Она была в джинсах и блузке с глубоким вырезом. Вместо куртки на ней был пиджак с приколотым на груди жетоном Департамента полиции Нью-Йорка. По нашей старой

[8] Примечания: 8
Мальчик, малыш (*ит.*).

традиции Лиз отодвинула полу пиджака, чтобы показать мне свою плечевую кобуру. Только на этот раз в кобуре был пистолет.

— Привет, Лиз, — пробормотал я и пошел прочь, сосредоточенно глядя себе под ноги.

— Эй, погоди. Надо поговорить.

Я остановился, но не обернулся к Лиз. Словно она была змееволосой горгоной Медузой, способной превратить меня в камень одним своим взглядом.

— Лучше не надо. Мама рассердится, если узнает.

— Ей вовсе не обязательно знать. Повернись ко мне, Джейми. Пожалуйста. Меня убивает, что приходится говорить с твоей спиной.

Ее голос и вправду был каким-то убитым, и мне стало неловко. Я обернулся. Она уже запахнула пиджак, но из-под него все равно выпирала кобура с пистолетом.

— Мне нужно, чтобы ты прокатился со мной.

— А мне не нужно, — ответил я. Мне сразу вспомнилась моя бывшая одноклассница Рамона Шейнберг. В начале учебного года мы с ней посещали одни и те же уроки, а потом она перестала ходить в школу. Мой друг Скотт Абрамовиц сказал, что ее выкрал отец, судившийся с ее мате-

рью из-за родительских прав, и увез за границу. Куда-то, где нет экстрадиции. Скотт говорил, он надеется, что там тепло и есть море и пальмы.

— Мне сейчас необходимы твои способности, — сказала Лиз. — Позарез.

Я ничего не ответил, но она, наверное, поняла, что я готов дать слабину, потому что улыбнулась. Это была очень хорошая, теплая улыбка, как бы осветившая изнутри ее серые глаза. В тот день глаза Лиз были совсем не похожи на хмурое осеннее небо.

— Может быть, ничего не получится, но мне надо попробовать. Надо, чтобы попробовал *ты*.

— Что попробовал?

Она не ответила, тогда — нет, просто протянула ко мне руку.

— Я помогла твоей маме, когда умер Риджис Томас. А теперь мне нужна твоя помощь.

Вообще-то маме в тот день помог я, а Лиз просто быстренько довезла нас до Кротона-на-Гудзоне, но она *заехала* в «Бургер Кинг», чтобы купить мне поесть, хотя мама настаивала, чтобы мы гнали без остановок. И Лиз отдала мне свою кока-колу, когда у меня пересохло в горле от непрестанной говорильни. Поэтому я сел в машину. Без всякой охоты, но все-таки сел. У взрослых есть власть

над детьми, особенно если взрослый умоляет ребенка, а Лиз именно что умоляла.

Я спросил, куда мы едем, и Лиз сказала, что для начала в Центральный парк. Возможно, потом надо будет заехать еще в пару мест. Я сказал, что если не вернусь домой до пяти, мама начнет волноваться. Лиз сказала, что постарается привезти меня домой даже раньше, но дело действительно важное. Очень важное.

И вот тогда она и рассказала, в чем, собственно, дело.

21

Человек, называвший себя Подрывником, заложил свою первую бомбу в Истпорте, небольшом городке на Лонг-Айленде неподалеку от Спеонка, где одно время располагалась хижина дяди Гарри (литературная шутка). Это было в 1996 году. Подрывник положил динамитный заряд с подсоединенным к нему таймером в урну у туалетов в супермаркете «Кинг Каллен». Таймер был сделан из простого дешевенького будильника, но он сработал. Динамит рванул в девять вечера, когда супермаркет уже закрывался. Были ранены три человека, все трое — сотрудники магазина. Двое отделались легкими поверхностными ранени-

ями, а третьему не повезло: он как раз выходил из туалета, когда взорвалась бомба. Он потерял глаз и правую руку до локтя. Через два дня в полицейское управление округа Саффолк пришло письмо. Коротенькая записка, напечатанная на «Ай-би-эм селектрик». Вот ее содержание: *Как вам понравилась моя нынешняя затея? Это еще не все! ПОДРЫВНИК.*

Подрывник заложил девятнадцать бомб, прежде чем кого-то убил.

– *Девятнадцать!* — воскликнула Лиз. — Причем он старался, упорно старался. Закладывал бомбы и в пригородах Нью-Йорка, и даже для разнообразия в Нью-Джерси: в Джерси-Сити и Форт-Ли. Всегда динамит. Канадского производства.

Однако счет раненых и покалеченных шел на десятки и уже приближался к пятидесяти, когда взрывом, устроенным Подрывником, все-таки убило человека. Того самого человека, который так неудачно воспользовался таксофоном на Лексингтон-авеню. После каждого случая в отделение полиции, ответственное за тот район, где произошел взрыв, приходило письмо. Все та же коротенькая записка: *Как вам понравилась моя нынешняя затея? Это еще не все! ПОДРЫВНИК.*

До гибели Ричарда Скалисе (так звали того человека в телефонной будке) промежутки между предыдущим и следующим взрывами были достаточно долгими. Самый маленький промежуток составлял шесть недель. Самый большой — почти год. Но после Скалисе Подрывник разогнался. Бомбы стали больше и мощнее, таймеры — сложнее. Девятнадцать взрывов между 1996 и 2009 годами (двадцать, считая бомбу в телефонной будке). Между 2010 годом и тем погожим майским деньком в 2013 году, когда Лиз Даттон снова вошла в мою жизнь, Подрывник взорвал еще десять бомб, в результате чего были ранены двадцать человек и три человека погибли. К тому времени Подрывник стал не просто городской легендой и головной болью Департамента полиции Нью-Йорка; теперь о нем знала вся страна.

Он умело скрывался от камер видеонаблюдения, а если скрыться не удавалось, камеры наблюдали самого обыкновенного мужчину в неприметной куртке, темных очках и низко надвинутой на глаза бейсболке «Нью-Йорк янкиз». Он всегда смотрел себе под ноги и не поднимал голову. Из-под бейсболки иногда выбивались седые волосы, но это мог быть парик. За семнадцать лет его «царства террора» для его поимки было

создано три опергруппы. Первую распустили во время длительного перерыва между взрывами, когда в полиции решили, что он окончательно угомонился и больше не будет ничего взрывать. Вторую оперативную группу распустили после крупной реорганизации всего Департамента. Третью собрали в 2011 году, когда стало ясно, что Подрывник активизировался. Ничего этого Лиз не рассказывала по дороге к Центральному парку; я все выяснил позже, как и много чего еще.

И вот наконец, буквально позавчера, в расследовании случился прорыв, которого так долго ждали. Дэвид Берковиц попался из-за штрафного талона за парковку в неположенном месте. Теда Банди поймали, потому что он забыл включить фары. Подрывник — настоящее имя Кеннет Алан Террьо — погорел из-за маленькой неприятности, произошедшей с комендантом жилого дома в день вывоза мусора. Комендант вывозил со двора тележку с мусорными контейнерами и в переулке за домом случайно попал колесом в выбоину на дороге. Один бак опрокинулся, его содержимое вывалилось наружу. Комендант принялся собирать рассыпавшийся мусор и нашел какой-то моток проводов и обрывок желтой бумажки с печатной надписью «КАНАКО». Он бы,

наверное, не стал вызывать полицию, если бы это были просто провода, но к ним был прикреплен детонатор фирмы «Дино Нобель».

Мы подъехали к Центральному парку, и Лиз поставила машину рядом с небольшой группой полицейских патрульных машин (вот, кстати, еще кое-что интересное, о чем я узнал позже: у Центрального парка есть свой собственный полицейский участок, двадцать второй). Лиз положила на приборную доску свою полицейскую табличку, и мы с ней прошли чуть вперед по Восемьдесят шестой улице и свернули на дорожку к памятнику Александру Гамильтону. Это я выяснил сразу: прочел на чертовой табличке на постаменте. Или на мемориальной доске. Какая, на хрен, разница.

— Комендант сфотографировал на телефон провода, обрывок бумажки и детонатор. Но опергруппа получила эти снимки только на следующий день.

— То есть вчера, — сказал я.

— Да. И мы сразу поняли, что это наверняка наш клиент.

— Из-за детонатора.

— Да, но не только. Обрывок бумажки тоже очень помог. «Канако» — это канадская ком-

пания, производящая динамит. Мы запросили список всех жильцов дома и большинство отмели сразу, без всякой проверки, потому что знали, что нам нужен мужчина, предположительно одинокий и скорее всего белый. Жильцов, подходящих по всем параметрам, было всего шестеро, и лишь один из них раньше работал в Канаде.

— Вы их загуглили? — Мне стало действительно интересно.

— Именно. Среди прочего выяснилось, что у Кеннета Террьо двойное гражданство, США и Канады. Он успел поработать на многих стройках там у них, на Великом Белом Севере, а также на сланцевой газо- и нефтедобыче. В общем, было понятно, что он и есть Подрывник. Без вариантов.

Мне не удалось как следует рассмотреть Александра Гамильтона, я успел только прочесть табличку и заметить, какие смешные у него штаны. Лиз схватила меня за руку и повела на дорожку за памятником. Даже не повела — потащила.

— Мы примчались с группой захвата, но в квартире было пусто. Пусто не в смысле мебели и вещей. Все его вещи остались на месте, но самого Террьо не было. Комендант все-таки проболтался о своих интересных находках, хотя ему было ве-

лено молчать. Он рассказал кому-то из жильцов, и слух разнесся по дому. Среди прочего мы нашли в квартире у Террьо «Ай-би-эм селектрик».

— Это пишущая машинка?

Лиз кивнула.

— Их выпускали с разными наборами шрифтов. На машинке Террьо был установлен тот шрифт, которым Подрывник печатал свои записки.

Прежде чем мы дойдем до скамейки, которой не было, я снова сделаю маленькое отступление и расскажу еще кое о чем, что выяснил позже. Лиз говорила мне правду, когда рассказывала о Кеннете Террьо и о том, как он наконец прокололся, но она постоянно говорила «мы». *Мы* то, *мы* это… Однако Лиз не состояла в действующей опергруппе по поиску Подрывника. Она состояла во *второй* опергруппе, которую распустили в ходе крупной реорганизации всего Департамента, когда там была полная неразбериха и все носились, как курицы с отрубленными головами, но в 2013 году — когда Лиз Даттон внезапно возникла у школьных ворот и уговорила меня сесть к ней в машину — она держалась на службе в полиции на честном слове, да и то лишь потому, что у полицейских очень крутой профсоюз. Но ей все равно грозило увольнение. Отдел внут-

ренних расследований уже кружил над ней, как стервятник над свежим трупом, и ее никогда не назначили бы в опергруппу по поиску и поимке особо опасного серийного маньяка-подрывника. Лиз отчаянно нуждалась в чуде, и этим чудом должен был стать я.

— Уже к сегодняшнему утру, — продолжала она, — у всех полицейских Нью-Йорка было подробное описание всех примет Кеннета Террьо. Был объявлен перехват, все выезды из города тщательно проверялись дополнительными патрулями и камерами — ты, я уверена, знаешь, что камер в городе много. Его надо было поймать во что бы то ни стало, живым или мертвым, потому что мы опасались, что он решит уйти в блеске славы. Может быть, взорвет бомбу прямо на входе в торговый центр «Сакс на Пятой авеню» или на Центральном вокзале. Но он сделал нам одолжение.

Она остановилась и указала на пятачок вытоптанной травы рядом с дорожкой.

— Он пришел в парк, сел на скамейку и вышиб себе мозги ругером сорок пятого калибра.

Я потрясенно уставился на пятачок примятой травы.

— Сама скамейка уже в криминалистической

лаборатории в Джамейке, но именно здесь это произошло. И вот главный вопрос: ты его видишь? Он где-то рядом?

Я огляделся по сторонам. Я не имел никакого понятия, как выглядит Кеннет Алан Террьо, но если он вышиб себе мозги, я должен был сразу его узнать. Я видел детишек, бросавших фрисби своей собаке (собака бегала без поводка, что категорически запрещено в Центральном парке), я видел двух женщин-бегуний, парочку скейтбордистов и двух стариков, читавших газеты на скамейке чуть дальше того места, где стояли мы с Лиз, но я не видел никакого мужчины с простреленной головой. Так я ей и сказал.

Лиз чертыхнулась.

— Ну, ладно. Есть еще два варианта. По крайней мере, из тех, что приходят мне в голову. Он работал санитаром в больнице «Город ангелов» на Семидесятой улице. Не лучшее место по сравнению с его строительным прошлым, но ему было уже за семьдесят… Можно съездить туда. Или сначала в Куинс, где он снимал квартиру? Как по-твоему, Чемпион?

— По-моему, мне лучше вернуться домой. Он может быть где угодно.

— Правда? А ты вроде бы говорил, что они оста-

ются поблизости от тех мест, где обычно бывали при жизни. До тех пор, пока… как бы лучше сказать… не помирают окончательно.

Я что-то не припоминал, чтобы говорил такое Лиз, но это соответствовало действительности. Однако я все больше ощущал себя Рамоной Шейнберг. Иными словами, похищенным ребенком.

— А зачем это надо? Он уже умер, его больше нет. Дело закрыто.

— Еще не закрыто. — Она наклонилась, чтобы посмотреть мне в глаза. Тогда, в 2013 году, ей не пришлось наклоняться слишком уж низко, потому что я заметно подрос. Конечно, мне было еще далеко до теперешних шести футов[9], но я все-таки вырос на пару дюймов по сравнению с прошлым годом. — Перед тем как застрелиться, он приколол к пиджаку записку. Там было сказано: *Будет еще один взрыв, и немалый. Хрен вам всем, и до встречи в аду. ПОДРЫВНИК.*

Да, это вроде как меняло дело.

22

Сначала мы поехали в «Город ангелов», потому что туда было ближе. Никакого мужчины с дырой

---

[9] Примечания: 9
182 см.

в голове перед входом не наблюдалось — только несколько самых обычных курильщиков, — и мы вошли внутрь через дверь отделения экстренной помощи. В приемной сидело довольно много народу, и среди них был мужчина с окровавленной головой. Рваная рана не походила на дырку от пули, и он сам был явно моложе Кеннета Террьо (Лиз говорила, что тому было уже за семьдесят), но я все равно спросил Лиз, видит она его или нет. Она сказала, что да.

Мы подошли к стойке регистратуры. Лиз предъявила свой жетон и представилась детективом Департамента полиции Нью-Йорка. Она спросила, есть ли в больнице отдельная комната, где санитары хранят свои личные вещи и переодеваются перед сменой и после. Женщина за стойкой сказала, что комната есть, но полицейские, приходившие раньше, уже забрали все вещи из шкафчика Террьо. Лиз спросила, ушли полицейские или нет, и дежурная сказала, что да, ушли, причем уже давно.

— Все равно хотелось бы взглянуть, — сказала Лиз. — Как туда пройти?

Дежурная объяснила, что надо спуститься в лифте на уровень B и повернуть направо. Потом она улыбнулась мне и спросила:

— Помогаете маме в расследовании, молодой человек?

Первое, что пришло мне на ум: *Это не моя мама, но да, наверное, я ей помогаю, потому что она надеется, что если мистер Террьо еще здесь, я сумею его увидеть.* Однако такого уж точно не следовало говорить, и потому я растерянно промолчал.

Зато Лиз не растерялась. Она объяснила, что школьная медсестра заподозрила у меня мононуклеоз, а раз уж Лиз все равно надо было проверить место работы Террьо, она взяла меня с собой, чтобы меня посмотрел врач. Как говорится, одним выстрелом сразу двух зайцев.

— Наверное, вам лучше обратиться к своему врачу, — сказала дежурная. — Сегодня тут полный дурдом. Вы просидите в очереди не один час.

— Да, наверное, так будет лучше, — согласилась с ней Лиз. Она врала легко и естественно, как дышала. Даже не знаю, пугало это меня или, наоборот, восхищало. Наверное, и то и другое сразу.

Дежурная наклонилась вперед. Я завороженно наблюдал, как ее невероятных размеров грудь сдвигает бумаги, лежавшие на столе. Мне сразу

вспомнился ледокол, который я видел в кино. Она понизила голос:

— Я вам скажу, мы все в потрясении. Кен был самым старшим из санитаров и самым добрым. Трудолюбивым, всегда готовым помочь. Если его о чем-то просили, он никогда не отказывал в помощи. И всегда улыбался такой милой улыбкой. Подумать только, среди нас был *убийца*! И о чем это говорит? Вы знаете?

Лиз покачала головой. Ей явно не терпелось завершить разговор и заняться делом.

— Ни в чем нельзя быть уверенным, — выдала дежурная с таким видом, словно открыла великую истину. — Просто ни в чем!

— Да, он умело маскировался, — сказала Лиз, и я подумал: *Рыбак рыбака видит издалека.*

Уже в лифте я спросил:

— Если вы в опергруппе, то почему вы не *с* опергруппой?

— Глупый вопрос, Чемпион. По-твоему, мне надо было представить тебя опергруппе? И что бы я им сказала? Мне и так пришлось врать этой женщине в регистратуре. — Лифт остановился. — Если кто-нибудь спросит, что ты здесь делаешь… Помнишь свой предположительный диагноз?

— Мононуклеоз.

— Точно.

Но меня никто ни о чем не спросил. Собственно, спрашивать было некому. В комнате для санитаров не было ни души. Поперек двери была натянута желтая лента с надписью: «НЕ ВХОДИТЬ. ПОЛИЦИЯ ВЕДЕТ СЛЕДСТВИЕ». Лиз взяла меня за руку, и мы с ней поднырнули под ленту. В комнате стояли банкетки, несколько стульев и примерно две дюжины шкафчиков. А еще холодильник, микроволновка и электрический гриль-тостер. На столе рядом с тостером лежала открытая пачка «Поп-тартс», и я подумал, что не отказался бы от пары печений. Но Кеннета Террьо там не было.

К дверцам шкафчиков были приклеены полоски с именами, вытисненными на пластиковой ленте. Лиз открыла шкафчик Террьо, взявшись за ручку через носовой платок, потому что на ручке еще оставался порошок для снятия отпечатков пальцев. Лиз отворила дверцу медленно и осторожно, словно ждала, что Террьо прячется внутри, как чудовище в шкафу в детской спальне. В каком-то смысле он и был чудовищем, но в шкафу его не оказалось. Там вообще было пусто. Полиция выгребла все подчистую.

Лиз опять чертыхнулась. Я посмотрел время на

телефоне. Было уже двадцать минут четвертого.

— Да, я знаю, — сказала она. Ее плечи поникли, она вся как-то сжалась, и хотя я жутко злился, что она умыкнула меня и заставила ехать с ней, мне все равно стало чуть-чуть ее жалко. Мне вспомнилось, что говорил мистер Томас о моей маме: что она постарела, — и теперь я подумал, что бывшая мамина подруга тоже постарела. И сильно похудела. И если по правде, отчасти я ею восхищался, потому что она пыталась спасти жизни, и это было хорошее дело. В моем понимании она была как те герои из полицейских боевиков, одинокие волки, которые самостоятельно расследуют сложные преступления. Может, ей было действительно не все равно, что при взрыве последней бомбы, заложенной Подрывником, могут погибнуть ни в чем не повинные люди. Да, может быть. Но теперь-то я знаю, что ей грозило увольнение и она пыталась сохранить работу. Мне не хочется думать, что это была основная причина, но в свете того, что случилось позже — об этом я еще расскажу, — скорее всего именно так и было.

— Ладно, у нас есть еще одна попытка. И перестань постоянно хвататься за телефон, Чемпион. Я знаю, сколько сейчас времени, и твои неприятности, если ты не вернешься домой раньше

мамы, не идут ни в какое сравнение с теми, которые ждут меня.

— Может быть, они с Барбарой заглянут в бар после работы. Барбара теперь работает в агентстве.

Сам не знаю, зачем я это сказал. Наверное, мне тоже хотелось спасти ни в чем не повинных людей, хотя бы чисто теоретически, потому что я не был уверен, что мы найдем Кеннета Террьо. И мне было больно смотреть на Лиз, такую подавленную и поникшую. Загнанную в угол.

— Видишь, как все удачно сложилось, — сказала Лиз. — Будем надеяться, нам повезет еще раз.

23

Дом, где Кеннет Террьо снимал квартиру, представлял собой хмурое здание из серого кирпича в двенадцать или четырнадцать этажей, с решетками на окнах квартир на первых двух этажах. Для ребенка, выросшего в «Парковом дворце», это здание казалось скорее тюрьмой Шоушенк, но уж никак не жилым домом. Лиз сразу поняла, что у нас не получится войти даже в подъезд, не говоря уже о том, чтобы подняться в квартиру Террьо. Двор буквально кишел полицейскими. На улице собралась толпа зевак, напиравшая

на ограждение, поставленное у подъезда. Все фотографировали происходящее на телефоны. По обеим сторонам ограждения стояли микроавтобусы с логотипами новостных телеканалов и поднятыми антеннами. Повсюду тянулись провода. Над домом даже висел вертолет Четвертого канала.

— Смотрите! — воскликнул я. — Это Стейси-Энн Конвей! С «Первого нью-йоркского»!

— Спроси меня, не насрать ли мне на эту радость, — сказала Лиз.

Я не стал спрашивать.

Нам повезло, что мы не наткнулись на репортеров в Центральном парке и в «Городе ангелов», и теперь стало понятно почему. Они все были здесь. Я посмотрел на Лиз и увидел, что у нее по щеке стекает одинокая слезинка.

— Можно приехать на его похороны, — сказал я. — Может, он будет там.

— Его скорее всего кремируют. Негласно, за счет городского бюджета. Родственников у него нет. Он пережил всех. Я отвезу тебя домой, Чемпион. Извини, что пришлось тебя дернуть.

— Ничего страшного, — сказал я и похлопал ее по руке. Мама бы этого не одобрила, но мамы не было рядом.

Лиз развернулась и поехала обратно к мосту Куинсборо. Примерно в квартале от дома Кеннета Террьо располагался небольшой продуктовый магазинчик. Когда мы проезжали мимо, я глянул в его сторону и сказал:

— О боже. Он здесь.

Лиз широко распахнула глаза.

— Ты уверен? Ты *уверен*, Джейми?

Я согнулся пополам, и меня вырвало на пол. Это был самый убедительный ответ.

24

Я не могу сказать точно, насколько все было плохо по сравнению с тем велосипедистом в Центральном парке. Это действительно было давно. На самом деле с Террьо все могло быть и хуже. После того как увидишь, что происходит с телами людей, умерших насильственной смертью — несчастный случай, убийство, самоубийство, — это перестает иметь особое значение. Скажу только, что Кеннет Террьо по прозвищу Подрывник выглядел жутко. По-настоящему жутко.

По обеим сторонам от входа в магазин стояли скамейки. Видимо, для того, чтобы люди, купившие что-нибудь перекусить, могли сразу сесть и

поесть. Террьо сидел на одной из скамеек в брюках хаки, положив руки на бедра. Проходившие мимо люди его не видели. Чернокожий паренек со скейтбордом под мышкой вошел в магазин. Женщина вышла из магазина с бумажным стаканчиком кофе в руке. Никто из них даже и не взглянул на скамейку, где сидел Террьо.

Наверное, он был правшой, потому что правая половина его головы выглядела вполне нормально, если не считать маленькой дырочки на виске — размером примерно с десятицентовую монетку, может быть, даже меньше, — окруженной темным кольцом. Не знаю, что это было: то ли синяк, то ли след от пороха. Скорее всего след от пороха. После выстрела вряд ли успело бы вытечь так много крови, чтобы образовался синяк.

По-настоящему жуткой была левая половина, где вышла пуля. Дыра с той стороны была размером с десертную тарелку в окружении неровных осколков кости. Плоть вокруг раны распухла, как при обширной инфекции. Левый глаз был сворочен набок и наполовину вывалился из глазницы. Но меня больше всего напугала серая жижа, стекавшая по его щеке. Это были мозги.

— Не останавливайтесь, — сказал я. — Езжайте дальше. — Мне в ноздри бил запах рвоты, во рту

остался противный осклизлый привкус. — Пожалуйста, Лиз. Я не смогу.

Но она резко свернула к обочине рядом с пожарным гидрантом в конце квартала.

— Надо. Мне самой это не нравится, но по-другому никак. Извини, Чемпион, но нам надо знать. А теперь соберись и возьми себя в руки, а то люди подумают, что я над тобой издеваюсь.

Именно что издеваешься, подумал я. *И не остановишься, пока не получишь то, чего хочешь.*

Привкус рвоты во рту отдавал равиоли, которые я съел на обед в школьной столовой. Как только я это понял, я распахнул дверь, наклонился над тротуаром, и меня снова стошнило. Как в тот давний день, когда я увидел погибшего велосипедиста в Центральном парке и не доехал до вечеринки в Уэйв-Хилле в честь дня рождения Лили. Лучше бы я обошелся без этого дежавю, честное слово.

— Чемпион? *Чемпион!*

Я обернулся к Лиз. Она протянула мне пачку бумажных носовых платков (каждая женщина носит в сумке бумажные носовые платки).

— Вытри рот и выходи из машины. Держись как обычно, не привлекай к себе внимания. Давай сделаем дело.

Я уже понял, что она не отступится: мы никуда не поедем, пока она не получит того, что ей нужно. *Соберись*, сказал я себе. *Ты сможешь, я знаю. Придется смочь, потому что на карту поставлены жизни людей.*

Я вытер рот и вышел из машины. Лиз положила на приборную доску свою табличку — полицейский вариант карточки «Бесплатное освобождение из тюрьмы», — тоже выбралась из машины и подошла ко мне. Я стоял на тротуаре и смотрел в витрину прачечной самообслуживания. Внутри какая-то женщина складывала белье. Не самое интересное зрелище, но уж лучше смотреть на живую женщину за скучным занятием, чем на мертвого человека с развороченной головой. Пока еще есть возможность на него не смотреть. Потому что уже очень скоро мне придется к нему подойти. И что самое страшное — о господи, — мне придется с ним заговорить. Если он *в состоянии* говорить.

Я безотчетно протянул руку. В тринадцать лет уже как-то неловко идти по улице за ручку с женщиной, которую прохожие наверняка примут за мою маму (если кто-то вообще обратит внимание), но когда Лиз взяла меня за руку, я был рад. Охренительно рад.

Мы вернулись к магазину. Жаль, что идти было всего полквартала, а не несколько миль.

— Где он? — спросила Лиз, понизив голос. — Где конкретно?

Я рискнул посмотреть, чтобы убедиться, что он не исчез. Нет, не исчез. Он по-прежнему сидел на скамейке, и теперь я смотрел прямо на развороченную дыру, где раньше были его мозги, его мысли. Ухо осталось на месте, но оно как-то странно скривилось, и мне сразу вспомнилась игрушка, которая была у меня года в четыре: мистер Картофельная голова. Меня опять замутило.

— Держись, Чемпион.

— Никогда больше не называйте меня Чемпионом, — выдавил я. — Ненавижу, когда меня так называют.

— Принято к сведению. Где он?

— Сидит на скамейке.

— На ближней к нам или…

— На ближней.

Я смотрел на него. Мы были так близко, что мне *приходилось* смотреть, и я заметил одну интересную вещь. Из магазина вышел мужчина с хот-догом в руке и газетой под мышкой. Хот-дог был в фольгированном пакете, который предположительно сохраняет еду горячей (если вы в

это верите, то, наверное, верите и в то, что Луна сделана из несозревшего сыра). Он хотел сесть на другую скамейку, уже доставал из пакета хот-дог, но потом передумал, посмотрел в нашу сторону — то ли на меня с Лиз, то ли на вторую скамейку, где сидел Террьо, — и пошел прочь. Он не видел Террьо — если бы он его видел, то не просто ушел бы, а убежал со всех ног, и скорее всего с дикими воплями, — но, мне кажется, он что-то *почувствовал*. Нет, не кажется. Я точно знаю. Надо было еще тогда обратить на это больше внимания, но я был расстроен, вы же наверняка понимаете. А если нет, значит, вы идиот.

Террьо повернул голову. С одной стороны, меня это обрадовало, потому что теперь мне не приходилось смотреть прямо на зияющую дыру в его черепе. С другой стороны, совсем не обрадовало, потому что одна половина его лица была нормальной, а вторая — бесформенной и раздутой, как у Двуликого из комиксов о Бэтмене. И что самое жуткое, теперь он смотрел на меня.

Я вижу мертвых, и мертвые знают, что я их вижу. Так было всегда.

— Спроси у него, где бомба, — сказала Лиз. Она говорила вполголоса, двигая лишь одним уголком рта, как шпионы в комедиях.

Мимо прошла женщина с ребенком в слинге. Она с подозрением покосилась на меня. Может быть, потому, что у меня был диковатый вид, или, может быть, потому, что от меня пахло рвотой. Или и то и другое сразу. Мне было уже все равно, что обо мне могут подумать. Мне хотелось лишь одного: сделать то, о чем так настойчиво просит Лиз Даттон, и поскорее слинять. Я дождался, когда женщина с ребенком войдет в магазин.

— Где бомба, мистер Террьо? Последняя бомба?

Сначала он не ответил, и я подумал: *Окей, он вышиб себе мозги. Он здесь, я его вижу, но говорить он не может, на чем мы сейчас и закончим.* Но потом он все-таки заговорил. Произносимые слова не совсем совпадали с движениями его рта, и мне пришло в голову, что его голос исходит откуда-то из другого места. Типа трансляции из ада с временной задержкой. Эта мысль напугала меня до чертиков. Если бы я знал, что именно в эти секунды в него вселилась некая страшная сущность и завладела им целиком, тогда, наверное, все было бы еще хуже. Но *точно* ли я это знаю? Так, чтобы наверняка? Нет, я не уверен на сто процентов, но *почти* уверен.

— Я не хочу говорить.

Я онемел от изумления. До сих пор я еще ни-

когда не получал такого ответа от мертвых. Конечно, мой опыт общения с мертвыми был весьма ограничен, но до этой минуты я был уверен, что мертвые должны говорить правду всегда, причем с первого раза.

— Что он сказал? — спросила Лиз. По-прежнему двигая лишь одним уголком рта.

Не обращая на нее внимания, я снова заговорил с Террьо. Сейчас никого из прохожих поблизости не было, и я произнес свой вопрос громче, очень четко выговаривая каждое слово. Обычно так говорят с глухими или с людьми, плохо знающими английский.

— Где… последняя… бомба?

Раньше я думал, что мертвые не чувствуют боли, что они уже переступили болевой порог, и Террьо и вправду вроде бы не страдал от жуткой раны в голове, но теперь его наполовину распухшее лицо исказилось, словно я прижег его каленым железом или ударил ножом в живот, хотя я просто задал вопрос.

— Я не хочу *говорить*!

— Что он ска… — снова начала Лиз, но тут из магазина вышла та самая женщина с ребенком в слинге. Она держала в руке лотерейный билет. Малыш сжимал в кулачке палочку «Кит-Ката»

и размазывал шоколад по всему лицу. Он посмотрел на скамейку, где сидел Террьо, и горько расплакался. Его мама, наверное, решила, что он смотрел на меня, потому что опять одарила меня колючим, недоверчивым взглядом и поспешила прочь.

— Чемпион… то есть Джейми…

— Заткнитесь, — огрызнулся я и, секунду подумав, добавил «пожалуйста», потому что маме очень не нравилось, когда я грубил взрослым.

Я опять посмотрел на Террьо. Гримаса боли превратила его изуродованное лицо в настоящий кошмар, и я вдруг решил, что меня не колышут его страдания. Он искалечил столько людей, что их хватило бы, чтобы заполнить целое больничное крыло, он убил нескольких человек, и если он не соврал в своей предсмертной записке, то собирался убить еще больше людей. Так что я даже *надеялся*, что он страдает.

— Где… эта… бомба… сволочь?

Он наклонился вперед, схватившись за живот, словно у него были колики, и застонал. А потом все-таки сдался.

— В «Кинг Каллене». В супермаркете «Кинг Каллен» в Истпорте.

— Почему?

— Мне показалось, что будет правильно закончить, где начинал. — Террьо нарисовал пальцем в воздухе круг. — Завершить круг.

— Нет, я имею в виду, почему вы вообще взрывали эти бомбы?

Он улыбнулся, и от этой улыбки распухшая половина лица как бы смялась. Я до сих пор это вижу и вряд ли когда-нибудь смогу развидеть.

— Потому, — сказал он.

— Почему потому?

— Потому что мне так захотелось.

25

Когда я пересказал Лиз слова Террьо, она взволнованно встрепенулась — только и всего. В общем-то это понятно: она не видела человека, который выстрелил себе в висок и разворотил полголовы. Лиз сказала, что ей надо зайти в магазин и кое-что купить.

— И вы оставите меня с *ним*?

— Нет, возвращайся к машине. Я приду через пару минут.

Террьо по-прежнему сидел на скамейке и смотрел на меня: один глаз нормальный, один почти выпал из глазницы. Я буквально физически ощущал его взгляд. Мне сразу вспомнилось, как

я однажды поехал в лагерь, подхватил вшей, и пока они все не вывелись, мне пришлось пять раз намывать голову специальным, очень вонючим шампунем.

От тех ощущений, что я испытал под пристальным взглядом Террьо, не помог бы никакой шампунь. Надо было скорее идти прочь, и я поспешно вернулся к машине, как велела мне Лиз. Я снова встал перед витриной прачечной самообслуживания, где та же женщина по-прежнему складывала постиранное белье. Она заметила, что я на нее смотрю, и помахала мне рукой. Мне вспомнилась девочка с дырой в горле на автобусной остановке у кладбища: она тоже мне помахала, — и у меня мелькнула жуткая мысль, что эта женщина в прачечной мертвая. Вот только мертвые не складывают белье. Они просто стоят. Или ходят. Или сидят, как Террьо. Так что я помахал ей в ответ. И даже попробовал улыбнуться.

Затем я обернулся в сторону магазина. Я сказал себе, что просто хочу посмотреть, не вышла ли уже Лиз. Но если по правде, я обернулся, чтобы проверить, смотрит ли на меня Террьо. Да, он по-прежнему смотрел на меня. Он поднял руку и поманил меня пальцем. Очень медленно. *Иди*

сюда, мальчик.

Я вернулся к скамейке, ноги как будто несли меня сами. Я не хотел возвращаться, но меня словно что-то тащило обратно.

— Ей на тебя наплевать, — сказал Кеннет Террьо. — Насрать с высокой горы. Она тебя просто использует, мальчик.

— Ни хрена подобного. Мы спасаем жизни.

Рядом не было никого из прохожих, но даже если бы кто-то был, он все равно бы меня не услышал. Под взглядом Террьо у меня пропал голос, и мне приходилось шептать.

— Она спасает свою работу.

— Вы не можете этого знать, вы просто псих ненормальный. — Я по-прежнему говорил шепотом и всерьез опасался обмочиться.

Террьо ничего не сказал, лишь ухмыльнулся, что само по себе было ответом.

Лиз вышла из магазина с пакетом в руке. В те времена такие дешевые полиэтиленовые пакеты в магазинах давали бесплатно, чтобы можно было сложить покупки. Она посмотрела на скамейку, где сидел человек с развороченной головой, которого она не могла видеть, потом повернулась ко мне.

— Что ты здесь делаешь, Чем… Джейми? Тебе

было сказано ждать у машины. — Прежде чем я успел ей ответить, она спросила резким, отрывистым голосом, словно я был преступником на допросе в каком-нибудь полицейском телесериале: — Он еще что-нибудь говорил?

Что вы беспокоитесь только о своей работе, подумал я. *Но я, наверное, и сам это знал.*

— Нет, — сказал я. — Я хочу домой, Лиз.

— Скоро поедем. Уже совсем скоро. Но сначала мне нужно сделать еще одно дело. Вернее, два дела. Прежде чем ехать куда бы то ни было, надо убрать из машины все, что ты там навалил. — Она приобняла меня за плечи (как сделала бы хорошая мама) и повела к машине. Когда мы проходили мимо прачечной самообслуживания, я хотел помахать женщине, складывающей белье, но теперь она стояла спиной к окну.

— Я кое-что подготовила. На самом деле я не слишком рассчитывала, что у меня будет шанс этим воспользоваться, но благодаря тебе…

Когда мы подошли к машине, Лиз достала из пакета простенький раскладной телефон. Еще в заводской блистерной упаковке. Я прислонился к витрине обувной мастерской и наблюдал, как Лиз возится с телефоном, чтобы он заработал. Была уже четверть пятого. Если мама с Барбарой

и вправду решат зайти в бар, я еще успею вернуться домой до маминого прихода… но смогу ли я сохранить в тайне сегодняшние приключения? Этого я не знал, и тогда это казалось не важным. Мне было бы легче, если бы Лиз хотя бы отъехала за угол — после всего, что я для нее сделал, она могла бы и потерпеть запах моей рвоты какие-то две-три минуты, — но она была слишком взвинчена. К тому же речь шла о бомбе. Мне сразу вспомнились фильмы, в которых часы отсчитывали последние секунды до взрыва, а герой все еще думал, какой именно провод надо перекусить, красный или синий.

Лиз набрала номер и поднесла телефон к уху.

— Колтон? Да, это я… заткнись и слушай. Ты мой должник, и пришло время платить по счетам. Помнишь наш уговор? Я тебе продиктую, что нужно сказать. Запиши все слово в слово, а потом… *я сказала, заткнись!*

Она произнесла это с такой злобой в голосе, что я невольно отпрянул, сделав шаг назад. Я никогда раньше не слышал у нее таких интонаций, и я понял, что впервые вижу Лиз Даттон в ее другой жизни. В жизни полицейского детектива, где ей приходится иметь дело с подонками.

— Сделай запись нашего разговора, потом пе-

репиши его на бумагу, а потом сразу перезвони мне. Немедленно.

Она ненадолго умолкла. Я покосился в сторону магазина. Обе скамейки были пусты. По идее мне полагалось вздохнуть с облегчением, но я почему-то не чувствовал облегчения.

— Ты готов? Хорошо. — Лиз закрыла глаза, отгораживаясь от всего остального, кроме того, что она собиралась сказать. Теперь она говорила медленно и очень четко: — «Если Кен Террьо действительно Подрывник…» Тут я тебя перебью и скажу, что хочу записать наш разговор. Ты дождешься, пока я не скажу: «Давайте еще раз, с начала». Понятно? — Она опять замолчала, видимо, дожидаясь, когда Колтон, кем бы он ни был, скажет, что ему все понятно. — Ты скажешь: «Если Кен Террьо действительно Подрывник, он всегда говорил, что заканчивать надо там, где начинал. Я звоню вам, потому что мы с вами беседовали в две тысячи восьмом. У меня сохранилась ваша визитка с номером телефона». Все ясно? — Снова пауза. Потом Лиз кивнула. — Хорошо. Я спрошу, кто звонит, и ты бросишь трубку. Звони прямо сейчас, дело срочное. Если подведешь, пеняй на себя. Ты меня знаешь.

Лиз завершила разговор и принялась нетерпе-

ливо расхаживать взад-вперед по тротуару. Я еще раз украдкой взглянул на скамейки у магазина. Обе пустые. Может быть, Террьо — то, что от него оставалось — отправился в Куинс посмотреть, что сейчас происходит у него дома.

Из кармана пиджака Лиз раздалось барабанное вступление к «Ходят слухи». Она вынула свой настоящий телефон, поднесла его к уху и сказала:

— Слушаю, — помолчала пару секунд и добавила: — Подождите, я запишу разговор. — Она включила запись. — Давайте еще раз, с начала.

Все прошло по намеченному сценарию. Лиз завершила звонок и убрала телефон в карман.

— Не так убедительно, как хотелось бы, — пробормотала она. — Но должно прокатить.

— Да, наверное. Тем более когда бомбу найдут, — сказал я.

Лиз слегка вздрогнула, и я понял, что она говорила сама с собой. Я уже сделал то, что от меня требовалось, и стал просто мебелью.

Лиз достала из пакета рулон бумажных полотенец и аэрозольный баллончик с освежителем воздуха. Она вытерла с пола мою рвоту, бросила грязные полотенца в водосточную канаву (сто долларов штрафа за выброс мусора в неположенном месте, как я выяснил позже) и распылила

в салоне освежитель с условно цветочным запахом.

— Садись в машину, — велела она.

Я стоял, отвернувшись, чтобы не видеть остатки своих равиоли, съеденных на обед (Лиз вычищала машину сама, я подумал, что так будет справедливо: пусть она тоже что-нибудь сделает для меня), но когда обернулся, чтобы сесть в машину, у багажника стоял Кеннет Террьо. Стоял очень близко, на расстоянии вытянутой руки, и по-прежнему ухмылялся. Я бы наверняка закричал, если бы сумел набрать воздух в легкие, но меня словно парализовало. Я действительно не мог вдохнуть. Как будто все мои мышцы разом заснули.

— Еще увидимся, — сказал Террьо, еще сильнее растянув рот в ухмылке, так что стала видна корка запекшейся крови между щекой и зубами. — *Чемпион*.

26

Мы проехали всего три квартала, и Лиз снова остановилась. Достала свой телефон (настоящий, а не одноразовую «раскладушку»), глянула на меня и увидела, что я весь дрожу. В эти минуты я бы, наверное, не отказался от теплых объятий,

но Лиз лишь похлопала меня по плечу, предположительно с сочувствием.

— Отсроченная реакция, малыш. Уж я-то знаю, что это такое. Скоро пройдет.

Она позвонила кому-то, представилась детективом Даттон и попросила позвать к телефону Гордона Бишопа. Видимо, ей ответили, что его нет на месте, потому что она сказала:

— Да хоть на Марсе, все равно соедините меня с ним. Это очень срочно.

Она ждала, нервно барабаня по рулю пальцами свободной руки. Потом резко выпрямилась на сиденье.

— Это Даттон, Гордо… да, я знаю, что не участвую в следствии, но тебе надо это услышать. Мне только что позвонили насчет Террьо. Кто-то из тех, кого я опрашивала, когда состояла в прошлой опергруппе… Нет, я не знаю, кто именно. Надо проверить супермаркет «Кинг Каллен» в Истпорте… да, с которого он начинал. Если подумать, тут есть резон. — Какое-то время она молча слушала, затем сказала: — Ты что, издеваешься? Скольких мы тогда опросили? Сто человек? Двести? Послушай сам, я включу запись. Я записывала разговор. Надеюсь, что он записался.

Она знала, что разговор записался; за время

нашей короткой поездки на три квартала она успела это проверить. Она включила воспроизведение, а когда запись кончилась, сказала в трубку:

— Гордо? Ты… черт. — Лиз завершила звонок и улыбнулась мрачной улыбкой. — Он бросил трубку. Он меня ненавидит, но информацию проверит. Потому что если не проверит и будут жертвы, они останутся на его совести, и он это знает.

Детектив Бишоп действительно проверил полученную информацию, потому что к тому времени следствие уже изучило прошлое Кеннета Террьо и обнаружило одну деталь, весьма показательную в свете того «анонимного звонка», о котором сообщила Лиз. Задолго до начала карьеры в строительстве и послепенсионной работы в больнице «Город ангелов» Террьо рос и учился в школе в городке Уэстпорт, по соседству с Истпортом. Старшеклассником он подрабатывал упаковщиком в супермаркете «Кинг Каллен». И там же попался на магазинной краже. В первый раз его строго предупредили. Во второй раз уволили. Но видимо, страсть к воровству оказалась неодолимой. Позже он переключился на динамит и детонаторы. В подвальной кладовке

в доме, где он снимал квартиру в Куинсе, были обнаружены целые залежи и того и другого. Все достаточно старые, все из Канады. Видимо, раньше таможенный досмотр на границе был не таким тщательным, как сейчас.

— Мы уже можем поехать домой? — спросил я. — Пожалуйста, Лиз, поедем домой.

— Да. Ты расскажешь об этом матери?

— Не знаю.

Лиз улыбнулась.

— Это был риторический вопрос. Конечно, ты ей расскажешь. Ну и ладно, рассказывай. Мне все равно. И знаешь почему?

— Потому что никто не поверит.

Она похлопала меня по руке.

— Вот именно, Чемпион. Прямо в яблочко.

27

Лиз высадила меня на углу и умчалась прочь. Я подошел к дому. Мама с Барбарой все-таки не пошли в бар. Барб простудилась и сказала, что после работы сразу пойдет домой. Мама стояла на лестнице с телефоном в руке.

Увидев меня, она бросилась мне навстречу, обняла в панике изо всех сил и прижала к себе так крепко, что мне стало нечем дышать.

— Какого черта? Где ты был, Джеймс? — Как вы, наверное, уже догадались, она называла меня полным именем, только когда *очень* злилась. — Почему ты не предупредил, что задержишься? Ты же знаешь, что я волнуюсь. Я *всех* обзвонила, я уже начала опасаться, что тебя похитили, я даже думала позвонить…

Она разжала объятия и чуть отстранилась, держа меня за плечи. Теперь я увидел, что она плакала раньше и вот-вот заплачет снова, и мне стало неловко и стыдно, хотя я был ни в чем не виноват. Мне кажется, никто не может заставить тебя ощутить себя полным дерьмом так эффективно, как родная мать.

— Это Лиз? — спросила она и тут же ответила сама себе: — Да, она. — И добавила глухим, беспощадным голосом: — Эта *сука*.

— Мне пришлось с ней поехать, мам, — сказал я. — Я не мог не поехать.

И тоже расплакался.

28

Мы поднялись в квартиру. Мама сварила кофе и налила мне чашку. Я впервые в жизни пил кофе и подсел на него сразу и навсегда. Я рассказал ей почти все. Как Лиз дожидалась меня у школы. Как

она сказала, что надо найти последнюю бомбу Подрывника, потому что иначе могут погибнуть люди. Как мы поехали сначала в больницу, а потом к дому, где жил Террьо. Я даже рассказал маме, как жутко выглядел Террьо с его простреленной, наполовину развороченной головой. Но я не стал ей рассказывать, как увидел Террьо рядом с машиной Лиз, когда он стоял так близко ко мне, что мог бы схватить меня за руку… если мертвые *могут* хватать живых, чего я не знаю и знать не хочу. И я не стал пересказывать его прощальные слова, но когда я лег спать, они гремели у меня в голове, как надтреснутый колокол: «Еще увидимся… *Чемпион*».

Слушая мой рассказ, мама твердила «ясно» и «я понимаю», хотя было видно, что она страшно расстроена. Но ей нужно было узнать, что происходит на Лонг-Айленде, да и мне самому тоже хотелось узнать. Мама включила телевизор, и мы сели смотреть новости. Льюс Додли с «Первого нью-йоркского» вел репортаж с пустой улицы, перегороженной полицейскими кордонами.

— Полиция отнеслась к этому анонимному сообщению очень серьезно, — говорил он. — Согласно источнику из полицейского управления округа Саффолк…

Я вспомнил о вертолете службы новостей, кружившем над домом Террьо в Куинсе, и подумал, что за столько времени вертолет уже должен был долететь до Лонг-Айленда. Я схватил пульт с маминых коленей и переключился на Четвертый канал. И действительно, на экране возник вид на крышу супермаркета «Кинг Каллен». Вся стоянка перед магазином была заполнена полицейскими машинами. У главного входа стоял большой фургон, видимо, инженерно-саперного отряда. Два полицейских в шлемах на головах и с собаками на поводках вошли в здание магазина. Съемка шла с вертолета, и с такой высоты было не разглядеть, есть ли на саперах бронежилеты, но я был уверен, что да. Но не на собаках. Если бомба Подрывника рванет, когда они будут внутри, собак разорвет в клочья.

Репортер в вертолете говорил:

— Нам сообщили, что все посетители и сотрудники магазина были эвакуированы и находятся в безопасности. Возможно, это очередная ложная тревога, каких было немало за все царство террора Подрывника… (да, он действительно так сказал) …к подобным сигналам следует относиться со всей серьезностью. Сейчас нам известно, что именно здесь Подрывник заложил свою первую

бомбу — и что на данный момент никакой бомбы не найдено. Мы пока возвращаемся в студию.

Фоновая картинка за спиной дикторов в студии представляла собой фотографию Террьо, возможно, с рабочего пропуска в больницу «Город ангелов», потому что на снимке он был уже старым. Он явно не обладал внешностью киногероя, но все же при жизни выглядел гораздо лучше, чем после смерти. Возможно, полиция не отнеслась бы настолько серьезно к сфабрикованной Лиз подсказке, если бы один из старейших детективов во всем Департаменте не вспомнил похожее дело, гремевшее по всему Нью-Йорку, когда он сам был мальчишкой, а именно дело Джорджа Метески, прозванного журналистами Безумным Бомбистом. Метески заложил тридцать три самодельные бомбы за время своего собственного «царства террора», длившегося с 1940 по 1956 год. Как и в случае с Террьо, все началось с обиды на бывшего работодателя: у Метески это была энергетическая компания «Консолидейтед Эдисон».

Какой-то умник из службы новостей тоже выявил эту связь, и фотография Террьо на фоновом экране в студии сменилась фотографией Метески, но мама не стала рассматривать старикашку на снимке… который, как мне показалось, был до

жути похож на Террьо в его форме больничного санитара. Мама схватила свой телефон и пошла в спальню за старой записной книжкой. Видимо, она стерла номер Лиз у себя в телефоне после их крупной ссоры из-за *серьезного груза*.

Новости прервались на рекламу каких-то таблеток, и я потихоньку подкрался к двери маминой спальни, чтобы подслушать. Хорошо, что я не раздумывал долго, потому что звонок был коротким и я мог бы вообще ни хрена не услышать.

— Это Тия, Лиз. Молчи и слушай меня. Я никому ничего не скажу по вполне очевидным причинам. Но если ты еще хоть раз побеспокоишь моего сына, если ты просто покажешься ему на глаза, я тебя уничтожу. Ты сама знаешь, что я могу. Надо только чуть-чуть подтолкнуть, а дальше все пойдет само. Ты меня поняла? *Даже близко не подходи к Джейми*.

Я вернулся в гостиную, сел на диван и сделал вид, что меня очень интересует реклама. Но моя хитрость маму не обманула.

— Ты все слышал, да?

Ее глаза прожигали меня насквозь, явно давая понять, что не стоит ей врать. Я молча кивнул.

— Хорошо. Если снова увидишь ее, разворачивайся и беги. Домой. И сразу же скажи мне.

Тебе ясно?

Я снова кивнул.

— Да-да-да, хорошо. Я закажу ужин на дом. Ты что будешь, пиццу или что-нибудь из китайской еды?

29

Полицейские нашли и обезвредили последнюю бомбу Подрывника в ту же среду, около восьми часов вечера. Мы с мамой смотрели по телевизору «В поле зрения», и тут передачу прервали на экстренный выпуск новостей. По всему зданию несколько раз провели собак-ищеек, но они ничего не унюхали. Саперы решили свернуть операцию, но буквально на выходе одна из собак насторожилась в отделе хозяйственных товаров. Саперы там проходили не раз и не обнаружили никакой бомбы на стеллажах, где просто не было места, чтобы спрятать бомбу, но один из них совершенно случайно поднял взгляд к потолку и заметил, что одна из потолочных панелей чуть сдвинута. Именно там, между крышей и потолком, была спрятана бомба, прикрученная к балке оранжевым эластичным шнуром вроде тех, что используют в банджи-джампинге.

На этот раз Террьо превзошел сам себя: шестна-

дцать шашек динамита и дюжина взрывателей. Простенькие будильники остались в далеком прошлом, к этой бомбе был подсоединен навороченный цифровой таймер, очень похожий на таймеры из кинофильмов, о которых я вспоминал накануне (когда бомбу уже обезвредили, кто-то из полицейских сфотографировал этот таймер, и на следующий день снимок опубликовали в «Нью-Йорк таймс»). Он был настроен на пять часов вечера в пятницу, когда в магазине всегда полно народу. На следующий день в новостях на «Первом нью-йоркском» (мы вернулись на мамин любимый канал) один из саперов, участвовавших в операции, сказал, что если бы эта бомба рванула, то обрушилась бы вся крыша. Когда его спросили, сколько людей могло погибнуть при взрыве, он лишь покачал головой.

В тот четверг мама сказала за ужином:

— Ты сделал доброе дело, Джейми. *Хорошее* дело. И Лиз тоже сделала доброе дело, каковы бы ни были ее мотивы. Мне сразу вспомнилось, что однажды сказал Марти. — Она имела в виду мистера Беркетта, на самом деле профессора Беркетта, ныне почетного профессора, который все еще держался бодрячком.

— И что он сказал?

— «Иногда Господь Бог использует сломанный инструмент». Это цитата из романа какого-то британского писателя. Из его курса английской литературы.

— Он всегда спрашивает у меня, чему нас учат в школе, — сказал я. — И всегда удрученно качает головой. Как будто думает, что я получаю негодное образование.

Мама рассмеялась.

— Уж он-то набит образованием *под завязку*, и он по-прежнему остается в здравом уме и твердой памяти. Помнишь наш с ним рождественский ужин?

— Конечно, помню. Сэндвичи с индейкой и клюквенным соусом, лучшие в мире! И горячий шоколад!

— Да, хороший был вечер. Будет жаль, когда Марти не станет. Давай доедай, на десерт у нас яблочный крисп. Его испекла Барбара. И знаешь что, Джейми?

Я посмотрел на нее.

— Давай больше не будем об этом говорить. Пусть все забудется… и останется в прошлом.

Я понял, что она говорила не только о Лиз и даже не только о Терьо; она говорила о моей способности видеть мертвых. Это был, как сказал

бы мой тогдашний учитель информатики, *глобальный запрос,* и я был только за. Всеми руками и ногами за.

— Да, конечно.

В те минуты, сидя за пиццей в нашей ярко освещенной кухне, я действительно верил, что все плохое забудется и останется в прошлом. Но я ошибался. Я не видел Лиз Даттон еще два года и даже почти о ней не вспоминал, но Кена Террьо я увидел уже той же ночью.

Как я говорил в самом начале, это будет история в жанре ужасов.

30

Я уже почти заснул, но меня разбудили истошные кошачьи вопли с улицы. Мы жили на пятом этаже, и, быть может, я бы их и не услышал — как и последовавший за ними грохот мусорного бака, — если бы окно в моей комнате не было приоткрыто, чтобы впустить свежий воздух. Я встал с кровати закрыть окно, случайно глянул наружу и застыл, вцепившись в оконную раму. Под фонарем на другой стороне улицы, прямо напротив нашего дома, стоял Кеннет Террьо, и я сразу понял, что кошки вопили не потому, что дрались. Они вопили от страха. Тот малыш в

слинге видел его на скамейке; и сейчас его видели кошки. Он напугал их нарочно. Он знал, что я подойду к окну, точно так же, как знал, что Лиз называет меня Чемпионом.

Он ухмыльнулся, дернув наполовину обезображенным лицом.

Он поманил меня пальцем.

Я закрыл окно и подумал пойти спать к маме, но я был уже слишком взрослым, чтобы забираться к маме в постель; к тому же у мамы наверняка возникли бы вопросы. Так что я просто задвинул жалюзи. Потом вернулся в свою кровать, лег и уставился в темноту под потолком. Раньше такого со мной не бывало. Никто из мертвых не увязывался за мной, провожая до дома, как какой-то гребаный бездомный пес.

Забей, твердил я себе. *Дня через три-четыре он исчезнет уже навсегда, как все остальные. Максимум через неделю. Он тебе* ничего *не сделает*.

Но точно ли я был уверен, что он ничего мне не сделает? В ту ночь, лежа в темноте, я вдруг понял, что совершенно в этом не уверен. *Видеть* мертвых вовсе не означает *знать* мертвых.

Наконец я поднялся, подошел к окну и выглянул из-за краешка жалюзи, ни капельки не сомневаясь, что Террьо по-прежнему стоит внизу.

Ждет, что я выгляну снова. И тогда, быть может, он опять поманит меня пальцем. *Иди сюда. Иди ко мне,* Чемпион.

Под фонарем никого не было. Террьо ушел. Я вернулся в постель, но еще долго не мог заснуть.

31

В следующий раз я увидел его в пятницу, когда вышел из школы после уроков. У школьных ворот толпились родители, дожидавшиеся детей (по пятницам их всегда больше обычного, может быть, потому, что они собираются куда-то ехать на выходные). Они не видели Террьо, но, наверное, все равно что-то чувствовали, потому что вокруг того места, где он стоял, образовалось довольно широкое пустое пространство. Никаких малышей в колясках поблизости не было, но если бы были, уверен, что они смотрели бы на пустое место на тротуаре и плакали бы во весь голос.

Я вернулся в здание школы и принялся изучать плакаты, висевшие в коридоре у канцелярии. Я пытался понять, что мне делать. Наверное, мне так или иначе придется с ним поговорить, выяснить, что ему нужно, и я рассудил, что лучше выйти к нему прямо сейчас, пока вокруг были люди. Я не думал, что он сможет сделать мне

что-то плохое, впрочем я не был *уверен*.

Сначала я забежал в туалет, потому что мне вдруг ужасно приспичило по-маленькому, но, стоя у писсуара, не смог выдавить из себя ни капли. Я снова вышел на улицу, но не стал надевать свой рюкзак, а держал его за лямку в руке. Никто из мертвых ни разу не прикасался ко мне, я даже не знал, могут ли мертвые притрагиваться к живым, но если Террьо попытается ко мне прикоснуться — или меня схватить, — я собирался огреть его рюкзаком, набитым учебниками.

Но его уже не было.

Прошла неделя, потом вторая. Я расслабился, рассудив, что у Террьо истек срок годности.

Я состоял в юниорской команде по плаванию нашего местного отделения Юношеской христианской ассоциации, и в последнюю субботу мая у нас была финальная тренировка перед соревнованиями в Бруклине, которые должны были состояться в следующие выходные. Мама дала мне десять долларов на обед и сказала — как говорила всегда, — чтобы я не забыл запереть шкафчик, иначе у меня украдут деньги или часы (хотя я совершенно не представлял, кто мог польститься на мой тухлый «Таймекс»). Я спросил, придет ли она на соревнования. Оторвавшись от

чтения рукописи, мама сказала:

— Отвечаю в четвертый раз, Джейми: *да*. Я приду на соревнования. Я уже записала себе в ежедневник.

Я спросил всего во второй раз (или, может быть, в третий), но не стал ничего говорить, просто поцеловал маму в щеку и помчался на тренировку. Когда лифт приехал и двери открылись, в кабине стоял ухмыляющийся Террьо и смотрел на меня: один глаз нормальный, другой почти выпал из глазницы. К его рубашке был приколот лист бумаги. Прощальная записка. Она всегда была при нем — и всегда была забрызгана свежей кровью.

— У твоей мамы рак, Чемпион. От курения. Через полгода она умрет.

Я замер на месте с отвисшей челюстью.

Двери лифта закрылись. Я издал некий звук — то ли писк, то ли стон, даже не знаю, как это назвать, — и прислонился к стене, чтобы не упасть.

Они всегда говорят правду, подумал я. *Моя мама умрет.*

Но потом в голове у меня прояснилось, и пришла более здравая мысль. Я схватился за нее, как утопающий за соломинку. *Может быть, они обязаны говорить правду, только когда отвечают на заданные вопросы. А если ты ни о чем их не спра-*

шиваешь, они могут выдумывать любую хрень.

После таких потрясений мне уже не хотелось идти на тренировку, но не пойти было нельзя: если я не явлюсь, тренер позвонит маме и спросит, почему меня не было. Мама тоже поинтересуется, где я был, и что я ей отвечу? Что боялся, как бы Подрывник не подкараулил меня на улице? Или в вестибюле бассейна? Или (эта мысль мне казалась особенно жуткой) в душевой, где он будет меня поджидать, невидимый для остальных голых мальчишек, смывающих с себя хлорку?

Что я должен был сказать маме? Что у нее чертов *рак*?

Поэтому я пошел на тренировку и, как вы, наверное, уже догадались, показал совершенно убогие результаты. Тренер сказал, что мне надо собраться. Чтобы не разреветься, мне пришлось ущипнуть себя под мышкой. Ущипнуть сильно, до боли.

Когда я вернулся домой, мама все еще читала рукопись. Я не видел, чтобы мама курила с тех пор, как они с Лиз расстались, но я знал, что она иногда выпивала, когда меня не было рядом — с кем-то из авторов или редакторов, — поэтому я хорошенько принюхался, когда целовал ее в щеку, но не почувствовал никаких запахов, кроме

легких духов. Или, может быть, крема для лица. В общем, чего-то такого женского.

— Джейми, ты не простыл? Ты хорошо вытерся после бассейна?

— Да, хорошо. Мам, ты ведь больше не куришь?

— А, так вот в чем дело. — Она отложила рукопись и потянулась. — Нет, я уже не курю. Не курила с тех пор, как ушла Лиз.

С тех пор, как ты ее выставила из дома, подумал я.

— Давно ты была у врача? Давно проходила диспансеризацию?

Она озадаченно посмотрела на меня.

— А что такое? Чего ты так хмуришься?

— Ну, — сказал я, — у меня из родителей только ты. Если с тобой что-то случится, с кем я тогда буду жить? Уж точно не с дядей Гарри.

Мама скорчила смешную рожу, потом рассмеялась и крепко меня обняла.

— У меня все хорошо, малыш. И кстати, свою ежегодную диспансеризацию я проходила два месяца назад. И прошла на отлично.

Она и выглядела отлично. В добром здравии, как говорили раньше. Она не похудела еще сильнее и не кашляла до посинения. Хотя я знал, что

рак бывает не только в горле и в легких.

— Ну… хорошо. Я рад.

— Я тоже рада. А теперь сделай мне кофе и дай дочитать рукопись.

— Хорошая книга?

— Кстати, да.

— Лучше, чем книги мистера Томаса о Роаноке?

— Гораздо лучше, но, увы, не такая коммерческая.

— Можно мне тоже кофе?

Мама вздохнула.

— Только полчашки. А теперь не мешай мне читать.

32

На последней в этом учебном году контрольной по математике я рассеянно глянул в окно и увидел Кеннета Террьо. Он стоял на баскетбольной площадке. Как всегда, ухмылялся и манил меня пальцем. Я уставился в свой лист с заданиями, потом опять глянул в окно. Все еще там, и теперь даже ближе. Он повернул голову, чтобы я мог хорошо рассмотреть страшную лилово-черную впадину в обрамлении острых осколков кости. Я снова уставился в лист с заданиями, а когда

глянул в окно в третий раз, Террьо уже не было. Но я знал: он вернется. Он не такой, как другие. *Совсем* не такой.

Когда мистер Легари объявил, что пора сдавать работы, у меня оставались несделанными последние пять заданий. За ту контрольную я получил трояк, и мистер Легари написал примечание к оценке: *Очень неутешительно, Джейми. Надо больше стараться. Что я всегда говорю как минимум раз в полугодие?* Он всегда говорил, что нельзя отставать в математике, потому что если что-то упустишь, то потом уже не наверстаешь.

В этом смысле математика была вовсе не уникальной, хотя мистер Легари, наверное, считал иначе. То же самое было верно для большинства школьных предметов. Словно в подтверждение этого тезиса я в тот же день завалил проверочную работу по истории. Не потому, что Террьо стоял у доски, а потому, что мне не давала покоя мысль, что он *может* стоять у доски.

Мне уже стало казаться, что он *хотел*, чтобы я плохо закончил год. Можете смеяться, но есть одна старая пословица: если это правда, значит, не паранойя. Несколько трояков за контрольные и проверочные работы под самый конец учебного года все равно не слишком влияли на годовые

оценки, но что будет на следующий год, если Террьо не оставит меня в покое?

И что будет, если он наберет силу? Я не хотел в это верить, но уже одно то, что он до сих пор не исчез, давало все основания предположить, что он, наверное, и вправду набирает силу. Вполне вероятно, так оно и было.

Мне стало бы легче, если бы я мог с кем-нибудь поговорить о своих страхах, и логичнее всего было бы поговорить с мамой, потому что она мне верила. Но мне не хотелось ее пугать. Ей хватило собственных страхов, когда она думала, что агентство закроется и она не сможет как следует позаботиться обо мне и о дяде Гарри. Тогда я ее выручил из беды, а теперь сам оказался в беде, и если мама об этом узнает, то наверняка будет винить себя. С моей точки зрения, она была ни в чем не виновата, но у нее могло быть свое мнение на этот счет. К тому же она сама мне сказала, что ей больше не хочется говорить о моей странной способности видеть мертвых. И потом, что она сможет сделать, даже если я ей расскажу? Да ничего, разве что обвинить Лиз, что та втянула меня в эту затею с Террьо.

У меня мелькнула бредовая мысль поговорить с мисс Питерсон, нашим школьным психологом,

но та бы решила, что у меня галлюцинации, может быть, нервный срыв. И наверняка сообщила бы маме. Я даже думал обратиться к Лиз, но что она могла сделать? Застрелить Террьо из своего табельного пистолета? Ну, удачи ей в этом деле, поскольку он был уже мертвый. К тому же с Лиз я покончил, или так мне казалось. Я был сам по себе, совершенно один, и мне было страшно и одиноко.

Мама, как и обещала, пришла на соревнования по плаванию, где я показал откровенно дерьмовые результаты в каждом заплыве. По дороге домой она обняла меня и сказала, что у каждого есть неудачные дни и в следующий раз я выступлю лучше. Я чуть не выложил ей всю правду, вплоть до своих опасений — по моим ощущениям, вполне обоснованных, — что Кеннет Террьо пытался испортить мне жизнь в отместку за то, что я обломал ему все веселье с его последней, самой большой бомбой. Если бы мы шли пешком, а не ехали на такси, я бы, наверное, все ей рассказал. Но мы ехали на такси, и я просто положил голову ей на плечо, как в раннем детстве, когда был уверен, что индейка из отпечатка моей руки — величайший шедевр изобразительного искусства после «Моны Лизы». Знаете, что хуже всего

во взрослении? То, как оно затыкает вам рот.

33

В последний день перед летними каникулами, когда я пошел в школу, в лифте опять был Террьо. Опять ухмылялся и манил меня пальцем. Наверное, думал, что я снова испуганно отшатнусь, как в тот раз, когда я впервые увидел его в кабине. Но я не отшатнулся. Да, мне было страшно, но уже не так страшно, как раньше, потому что я потихоньку к нему привыкал, как привыкаешь к бородавке или родимому пятну на лице, даже если оно тебя жутко уродует. В этот раз я скорее был зол, чем испуган, потому что меня уже стало бесить, что он никак не оставит меня в покое.

Так что я не попятился, а, наоборот, резко шагнул вперед и вытянул руку, чтобы не дать дверям лифта закрыться. Я не собирался входить в кабину, где был Террьо — конечно, нет! — но я твердо решил, что не дам лифту уехать, пока Террьо не ответит на мои вопросы.

— У мамы действительно рак?

Он снова поморщился, словно ему было больно от моих слов, и я очень надеялся, что так и есть.

– У мамы рак?

— Я не знаю.

Он так на меня посмотрел… Если бы взглядом можно было убить, я бы точно свалился замертво.

— Тогда почему вы так сказали?

Он отступил к дальней стенке кабины, прижав руки к груди, как будто сам боялся *меня*. Он повернул голову, демонстрируя мне свою страшную рану, но если он думал, что я испугаюсь и отпущу двери лифта, то просчитался. Да, рана страшная, кто бы спорил. Но я уже к ней привык.

– *Почему вы так сказали*?

— Потому что я тебя ненавижу, — ответил Террьо, оскалившись.

— Почему вы все еще здесь? Как *получилось*, что вы не ушли?

— Я не знаю.

— Уходите.

Он ничего не сказал.

– *Уходите!*

— Я не уйду. Никогда не уйду.

Эти слова напугали меня всерьез, и я убрал руку. Вернее, рука упала сама, словно вдруг налилась тяжестью и сделалась неподъемной.

— Еще увидимся, *Чемпион*.

Двери лифта закрылись, но кабина никуда не поехала, потому что внутри не было никого, кто

мог бы нажать кнопку. Я надавил пальцем на кнопку вызова, и когда лифт открылся, кабина была пустой, но я все равно спустился по лестнице.

Я к нему привыкну, подумал я. *Я привык к этой дыре у него в голове и к нему тоже привыкну. Он ничего мне не сделает. Не причинит никакого вреда.*

Хотя, если подумать, он *уже* причинил мне немало вреда: трояк за годовую контрольную по математике и паршивое выступление на соревнованиях по плаванию — это лишь два примера. Я стал плохо спать (мама уже высказалась насчет синяков у меня под глазами) и вздрагивал от малейшего шума, даже если кто-то в читальном зале ронял на пол книгу. Открывая шкаф, чтобы взять рубашку, я каждый раз думал, что там прячется Террьо, мое личное чудище из детских страшилок. В шкафу или под кроватью. А вдруг, когда я буду спать, моя рука или нога свесится с кровати и он меня схватит? Я не думал, что он *способен* кого-то схватить, но у меня не было твердой уверенности, тем более что он, кажется, набирал силу.

А вдруг я однажды проснусь, и он окажется рядом, прямо в моей постели? Может быть, даже

потянется к моему писюну?

Если подобная мысль появилась хоть раз, ты уже никогда от нее не избавишься.

И еще кое-что, самое страшное. До каких пор Террьо будет меня преследовать (потому что именно этим он и занимался)? Пока мне не исполнится двадцать? Или сорок? Допустим, я доживу до восьмидесяти девяти, и все это время он будет меня донимать? А потом еще встретит меня за гробом, чтобы вечно преследовать в вечном посмертии?

Если это награда за доброе дело, подумалось мне как-то ночью, когда я стоял у окна, наблюдая за Подрывником, топтавшимся под фонарем на другой стороне улицы, *мне что-то больше не хочется совершать добрые дела.*

34

В конце июня мы с мамой поехали навестить дядю Гарри с плановым ежемесячным визитом. Дядя Гарри уже почти не разговаривал и почти не выходил в общую комнату. Хотя ему не было еще и пятидесяти, его волосы полностью побелели.

— Джейми принес тебе рогалики из «Забара», Гарри. Хочешь? — спросила мама.

Я поднял повыше пакет с угощением, стоя в

дверях (мне не хотелось заходить в палату), улыбаясь и чувствуя себя моделью в телевикторине «Угадай цену».

Дядя Гарри сказал *ыг*.

— В смысле «да»? — уточнила мама.

Дядя Гарри сказали *ныг* и замахал на меня руками. Не обязательно было уметь читать мысли, чтобы понять, что имелось в виду: *Никаких чертовых рогаликов.*

— Хочешь выйти на улицу? Погода чудесная.

Я сомневался, что дядя Гарри вообще понимал, что такое «погода» и «выйти на улицу».

— Я тебе помогу, — сказала мама, протянув ему руку.

— Нет! — сказал дядя Гарри. Не *ныг*, не *ыг*, не *гы*. Он сказал «нет». Четко и ясно. Его глаза широко распахнулись и наполнились слезами. А затем он спросил, так же четко и ясно: — Это кто?

— Это Джейми. Ты знаешь, кто такой Джейми, Гарри.

Только он больше не знал, кто я такой, и сейчас он смотрел не на меня. Он смотрел куда-то поверх моего плеча. Можно было не оборачиваться, я и так знал, кто стоит у меня за спиной. Но я все равно обернулся.

— Это наследственное, — сказал Терррьо. —

Передается у вас в роду по мужской линии. Ты станешь таким же, как он, Чемпион. Сам не заметишь, как оно грянет.

— Джейми? — спросила мама. — У тебя все хорошо?

— Да, все хорошо, — сказал я, глядя на Террьо.

Но все было плохо, и ухмылка Террьо говорила, что он это знал.

— Уйди! — сказал дядя Гарри. — Уйди, уйди, уйди!

И мы ушли.

Все трое.

35

Я уже почти решился рассказать обо всем маме — я больше не мог держать все в себе, пусть даже мама расстроится и испугается, — однако, как говорится, судьба распорядилась по-своему. Это было в июле 2013-го, примерно через три недели после нашей последней поездки к дяде Гарри.

Рано утром, когда мама собиралась на работу, ей позвонили. Я сидел в кухне, еще полусонный, и ел хлопья с молоком. Мама вышла из спальни, на ходу застегивая молнию на юбке.

— С Марти Беркеттом случилась маленькая неприятность. Ночью он встал — видимо, чтобы

сходить в туалет, — обо что-то споткнулся, упал и растянул мышцу в бедре. Он говорит, у него все в порядке, и, может быть, так и есть. Или он пытается изобразить из себя крутого мачо.

— Да, — сказал я, в основном потому, что всегда проще согласиться с мамой, когда она в спешке собирается на работу и пытается делать три дела одновременно. Про себя я подумал, что мистер Беркетт уже староват для того, чтобы изображать из себя крутого мачо, хотя было прикольно представить его в главной роли блокбастера «Терминатор: годы на пенсии». Как он размахивает своей тростью и говорит сакраментальную фразу: «Я еще вернусь». Я поднес миску ко рту и принялся выхлебывать оставшееся на донышке молоко.

— Джейми, сколько раз я тебе говорила, что не надо так делать?

Я не помнил, чтобы она говорила такое хоть раз, потому что давно научился пропускать мимо ушей большую часть родительских наставлений, особенно тех, что касались застольных манер.

— А как мне тогда все доесть?

Мама вздохнула.

— Ладно, не важно. Я приготовила нам на ужин картофельную запеканку, но мы можем поужи-

нать гамбургерами. Если, конечно, ты выкроишь время из своего плотного графика развлечений и вместо того, чтобы смотреть телевизор или играть в игры на телефоне, отнесешь запеканку Марти. Я сама не смогу. День очень хлопотный, все расписано по минутам. Тебе, конечно, не хочется к нему ехать? Но было бы здорово, если бы все-таки съездил, а потом позвонил мне и сказал, как у него дела.

Я ответил не сразу. Я сидел как пришибленный. Словно меня шарахнули молотком по башке. Иногда мысли именно так и приходят. И еще я себя чувствовал полным придурком. Почему я сам не подумал о мистере Беркетте?

— Джейми? Прием, прием. Земля вызывает Джейми.

— Да, — сказал я. — Я с удовольствием к нему схожу.

— Правда?

— Ага.

— Ты не заболел? Может, померяешь температуру?

— Ха-ха, — сказал я. — Очень смешно.

Она схватила свою сумку.

— Я дам тебе денег на такси…

— Не надо. Я прогуляюсь пешком.

— Правда? — Мама опять удивилась. — Всю дорогу до Парк-авеню?

— Ага, мне будет полезно пройтись.

Тут я немного соврал. На самом деле мне надо было хорошенько подумать и убедиться, что моя идея действительно хороша, а если да, то еще надо было сообразить, как все рассказать.

36

С этого места я начну называть мистера Беркетта профессором Беркеттом, потому что в тот день я очень многому у него научился. Но прежде чем приступать к моему обучению, он меня *выслушал*. Я уже говорил, что мне было необходимо с кем-нибудь поговорить, чтобы не держать все в себе, но я даже не подозревал, какое огромное облегчение я испытаю, когда сниму с себя этот груз, пока и вправду не выговорился.

Он подошел к двери, опираясь не на одну трость, как обычно, а на две. Он весь просиял, когда увидел меня, так что, наверное, он был рад компании. Дети — эгоистичные существа, поглощенные исключительно собой (если вы были ребенком, то сами знаете, ха-ха-ха), и только позже я понял, что после смерти жены ему, наверное, было очень одиноко. Да, у него была дочь,

но я ни разу не слышал, чтобы она приезжала его навестить; это к вопросу об эгоистичных детях.

— Джейми! Ты явился с дарами!

— Это просто картофельная запеканка, — сказал я. — Какой-то простущий пирог.

— Наверное, все же *пастуший* пирог. Наверняка очень вкусный. Будь любезен, положи его в холодный шкаф. А то я… — Он вскинул руки, оторвав обе трости от пола, и на мгновение я испугался, что он сейчас упадет прямо мне под ноги, но он устоял, вовремя вернув трости на место.

— Да, конечно.

Я пошел в кухню. Мне жутко нравилось, как он называл холодильник холодным шкафом, а автомобили — моторами. Он был человеком старой закалки, до мозга костей. А еще он называл телефон телефунгусом. Это было так круто, что я сам стал использовать это словечко. И использую до сих пор.

Положить мамин гостинец в холодный шкаф не составило никакого труда, потому что внутри было практически пусто. Профессор Беркетт вошел в кухню следом за мной и спросил, как у меня дела. Я закрыл холодильник — холодный шкаф, — повернулся к нему и сказал:

— Если честно, не очень.

Он приподнял кустистые брови.

— Что-то случилось?

— Это долгая история, — сказал я, — и вы, наверное, решите, что я рехнулся, но мне надо с кем-нибудь поговорить, и я выбрал вас.

— Это насчет колец Моны?

От удивления я открыл рот.

Профессор Беркетт улыбнулся.

— Мне уже тогда показалось сомнительным, что твоя мама совершенно случайно нашла их в шкафу в коридоре. Как-то уж *слишком* удачно все вышло. У меня даже мелькнула мысль, что она сама их туда положила, но для всякого действия нужен мотив и возможность, а у твоей мамы не было ни того ни другого. Я тогда не особо задумался. В тот день я вообще мало что соображал.

— Потому что вы только что потеряли жену.

— Именно. — Не выпуская из руки трость, он на секунду прижал основание ладони к груди, прямо над сердцем. Мне стало ужасно его жаль. — Так что же было на самом деле, Джейми? Да, с тех пор много воды утекло, но мне как заядлому читателю детективов хотелось бы знать ответ.

— Ваша жена сказала мне, где лежат кольца.

Он изумленно уставился на меня.

— Я вижу мертвых, — пояснил я.

Он так долго молчал, что я испугался. Затем он сказал:

— Мне нужно что-нибудь с кофеином. По-моему, и тебе тоже. А потом ты расскажешь мне все, что хотел рассказать. Я хочу это услышать.

37

Профессор Беркетт был таким старомодным, что не держал дома чайных пакетиков, а лишь рассыпной чай в жестяной коробке. Пока мы ждали, когда закипит чайник, он подсказал мне, где лежит «заварочный шарик» и сколько чая в него положить. Заваривать чай оказалось вполне интересно. Вообще-то я предпочитаю кофе, но иногда свежезаваренный чай — это именно то, что надо. Ощущается некая торжественность.

Профессор Беркетт сказал, что чайные листья должны завариваться в свежекипяченой воде ровно пять минут — не больше и не меньше. Он установил таймер, показал мне, где стоят чашки, и уковылял в гостиную. Из кухни мне было слышно, как он с облегчением вздохнул, опустившись в любимое кресло. И еще пукнул. Не с трубным звуком, а скорее с гобойным.

Я разлил чай по чашкам и поставил их на поднос вместе с сахарницей и пакетиком молока,

обнаружившимся в холодном шкафу (мы оба к нему не притронулись, и правильно сделали; оно оказалось просроченным на целый месяц). Профессор Беркетт пил чай без сахара и, сделав первый глоток, причмокнул губами.

— Прекрасно, Джейми. Для первого раза отлично.

— Спасибо.

Свой чай я посахарил щедро. Мама наверняка бы разоралась на третьей ложке — да еще с верхом, — но профессор Беркетт даже бровью не повел.

— Теперь рассказывай свою историю. Времени у меня предостаточно.

— Вы мне верите? Насчет колец?

— Я верю, что ты сам в это веришь. И я знаю, что кольца нашлись: лежат в моем банковском сейфе. Скажи мне, Джейми, если я попрошу твою маму подтвердить эту историю, она ее подтвердит?

— Да, но лучше не надо. Пожалуйста. Я решил поговорить с вами, потому что мне не хотелось говорить с ней. Не хотелось ее расстраивать.

Он отпил чаю, и, когда подносил чашку ко рту, его рука чуть дрожала. Потом он поставил чашку на стол и посмотрел на меня. Или, может быть, *прямо в* меня. Я до сих пор не могу забыть его

пронзительные голубые глаза, глядящие на меня из-под кустистых бровей.

— Тогда говори. Постарайся меня убедить.

По дороге к нему я мысленно отрепетировал свой рассказ, и поэтому мне удалось изложить все достаточно связно и последовательно. Я начал с Роберта Харрисона — велосипедиста в Центральном парке, — перешел к миссис Беркетт и дальше рассказывал все по порядку. Рассказ получился довольно долгим. Когда я закончил, мой чай был уже чуть теплым (если вообще не холодным), но я все равно его выпил, потому что у меня пересохло в горле.

Профессор Беркетт надолго задумался и сказал:

— Джейми, будь добр, принеси мне айпад. Он в спальне, на тумбочке у кровати.

У него в спальне пахло так же, как в санаторной палате у дяди Гарри, плюс еще чем-то едким лекарственным, видимо, какой-то мазью от растяжения связок и мышц. Я взял айпад и принес его профессору Беркетту. У него не было мобильного телефона, только стационарный телефунгус, висевший на стене в кухне, как реквизит в старом фильме, но планшетом профессор пользовался вовсю. Он тут же его включил (на начальной заставке была фотография молодой

пары в свадебных нарядах; видимо, его самого с миссис Беркетт) и принялся сосредоточенно тыкать пальцем в экран.

— Вы ищете Террьо?

Он покачал головой, не отрываясь от своего занятия.

— Того человека в Центральном парке. Говоришь, ты ходил в детский сад, когда это случилось?

— Да.

— Значит, это был две тысячи третий год… или две тысячи четвертый… ага, вот и он. — Он склонился над планшетом и начал читать, периодически откидывая со лба волосы, падавшие на глаза (волос у него было много). Наконец он выпрямился и сказал: — Значит, ты видел, как он лежал мертвым, и он же стоял рядом с собственным телом. Твоя мама могла бы это подтвердить?

— Она знала, что я не врал, потому что я знал, в какой он был футболке, хотя верхняя половина тела была закрыта. Но мне правда не хочется, чтобы…

— Я все понимаю. Теперь что касается последней книги Риджиса Томаса. Он ее не дописал…

— Он успел написать только первые две-три

главы.

— Но твоя мама смогла выяснить подробности и дописать книгу за автора, используя тебя в качестве медиума?

Я никогда не считал себя медиумом, но в каком-то смысле профессор Беркетт был прав.

— Да, наверное. Как в «Заклятии». — Он озадаченно нахмурился, и я пояснил: — Это фильм. Мистер Беркетт… профессор… по-вашему, я сумасшедший? — Впрочем, мне было почти все равно, что он обо мне подумает. Потому что я наконец сумел выговориться, и это было огромное облегчение.

— Ты не сумасшедший, — сказал он, но тут же предупредительно поднял палец. Видимо, отразившееся на моем лице облегчение заставило его пояснить: — Это не значит, что я поверил в твою историю, во всяком случае, не получив подтверждения от твоей мамы, а мы уже договорились, что я не буду к ней обращаться. Но надо признаться, что я не то чтобы совсем уж *не верю*. В основном из-за колец, но еще и потому, что последняя книга Томаса действительно вышла. Я, конечно, ее не читал. — Тут он немного поморщился. — Ты говоришь, что подруга твоей мамы… ее бывшая подруга… тоже может подтвердить

последнюю и наиболее колоритную часть твоего рассказа?

— Да, но…

Он поднял руку, как делал, наверное, тысячу раз, чтобы утихомирить студентов в аудитории.

— Ты не хочешь, чтобы я с ней говорил, и я тебя понимаю. Я ее видел всего один раз, и этого раза хватило. Неприятная женщина. Она действительно приносила наркотики прямо к вам в дом?

— Я сам не видел, но если мама сказала, что да, значит, да.

Он отложил айпад в сторону и погладил белый круглый набалдашник своей основной трости, с которой ходил всегда.

— Стало быть, Тия правильно сделала, что избавилась от такой подруги. А этот Террьо, который, как ты утверждаешь, тебя преследует… Он сейчас здесь?

— Нет.

Но я все равно огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что Террьо действительно нет.

— И ты, разумеется, хочешь от него избавиться.

— Да, но не знаю, как именно.

Профессор Беркетт отпил чаю, надолго задумался, глядя в чашку, потом поставил ее на стол

и опять посмотрел на меня своими пронзительными голубыми глазами. Он сам был старым, а глаза — молодыми.

— Интересная задача, особенно для стареющего джентльмена, которому за его долгую читательскую жизнь пришлось столкнуться с самыми разными сверхъестественными существами. В готической литературной традиции они встречаются повсеместно. Чудовище Франкенштейна и граф Дракула — лишь двое самых известных, наиболее часто используемых в популярном кинематографе. Но их значительно больше в европейском фольклоре и литературе. Предположим, пока лишь предположим, что этот Террьо существует не только в твоей голове. Допустим, он существует на самом деле.

Я сдержался и не стал говорить, что Террьо *действительно* существует. Профессор и так уже знал, что я в это верю. Он сам так сказал.

— Пойдем еще на шаг дальше. На основании твоих собственных слов о других случаях, когда ты видел мертвых — включая мою жену, — я делаю вывод, что они полностью исчезают через несколько дней после смерти. Уходят куда-то… — Он неопределенно взмахнул рукой. — Куда-то туда. Но не этот Террьо. Он по-прежнему здесь.

И ты считаешь, что он не просто не собирается уходить, но еще и набирает силу.

— Я в этом уверен.

— В таком случае очень даже возможно, что это уже и не Кеннет Террьо. Возможно, то, что осталось от Террьо после смерти, было заражено… вот верное слово, «заражено», не «захвачено»… неким демоном. — Видимо, он увидел мое лицо, потому что поспешно добавил: — Это просто отвлеченные рассуждения, Джейми. Скажу тебе честно. С моей точки зрения, наиболее вероятно, что ты страдаешь специфическим нервным расстройством, которое вызывает галлюцинации.

— Иными словами, схожу с ума.

Я по-прежнему не жалел, что рассказал ему все, но его вывод меня огорчил, хотя чего-то такого я и ожидал.

Он взмахнул рукой.

— Глупости. Ты не сходишь с ума. Ты нормально взаимодействуешь с реальным миром. Но надо признать, что в твоей истории есть много всего, не поддающегося рациональному объяснению. Я не сомневаюсь, что ты ездил к дому покойного мистера Томаса вместе с Тией и ее бывшей подругой. Не сомневаюсь, что детектив Даттон возила тебя к дому Террьо и в больницу, где он работал.

Если она обратилась к тебе за помощью — я сейчас выступаю в роли Эллери Куина, одного из моих любимых поборников строгой дедукции, — значит, она верила в твои способности медиума. Что, в свою очередь, возвращает нас к вашей поездке к дому мистера Томаса, где детектив Даттон увидела что-то такое, что укрепило ее веру в твои способности.

— Не понимаю, — пробормотал я.

— Это не важно. — Он наклонился вперед. — Я говорю лишь о том, что, хотя сам склоняюсь к рациональному, объяснимому, эмпирическому… я ни разу не видел призрака, ни разу не испытал вспышки предвидения… все же надо признать, что в твоей истории есть элементы, от которых нельзя так просто отмахнуться. Поэтому мы допускаем, что Террьо или некое потустороннее зло, поселившееся в Террьо, существует на самом деле. В связи с чем возникает вопрос: можно ли как-то от него избавиться?

Теперь я тоже наклонился вперед, вспомнив о книге сказок, которую мне подарил профессор Беркетт. По сути, там были не сказки, а настоящие страшилки, в которых редко бывает счастливый конец. Вредные сводные сестры отрезали себе пальцы на ногах, принцесса не поцеловала ля-

гушонка, а со всей силы швырнула его об стену — *шмяк!* — Красная Шапочка *сама уговаривала* злого серого волка съесть ее бабушку, чтобы ей достался бабушкин домик в лесу.

— А от него *можно* избавиться? Вы прочли столько книг, наверняка хоть в одной из них был описан какой-то способ! Или… — Тут меня озарило. — Экзорцизм! Может быть, обратиться к священнику?

— Лучше не надо, — сказал профессор Беркетт. — Священник скорее погонит тебя к детскому психиатру, чем возьмется изгонять бесов. Если твой Террьо действительно существует, Джейми, возможно, ты никогда от него не избавишься.

Я испуганно уставился на него.

— Но может быть, это не так уж и плохо.

— Не так уж и плохо?! Да это же ужас!

Он отхлебнул чаю и снова поставил чашку на стол.

— Ты что-нибудь слышал о ритуале Чудь?

38

Сейчас мне двадцать два — если точнее, почти двадцать три, — и я живу в стране «позже». Я могу голосовать, могу водить автомобиль, могу покупать выпивку и сигареты (и собираюсь бросить

курить уже в самое ближайшее время). Я понимаю, что еще слишком молод, и когда-нибудь в будущем, вспоминая себя теперешнего, я и сам наверняка посмеюсь (хорошо, если без отвращения) над своей глупостью и наивностью. И все же между тринадцатью и двадцатью двумя годами пролегает огромное, космическое расстояние. Теперь я знаю больше, а вот доверчивости во мне меньше. Слова профессора Беркетта, оказавшие магическое воздействие на меня тринадцатилетнего, сейчас не подействовали бы никак. Не подумайте, будто я жалуюсь! Кеннет Террьо, — я не знаю, *что* это было на самом деле, так что давайте пока остановимся на этом имени, чтобы хоть как-то его называть — пытался свести меня с ума. Профессор Беркетт спас мне рассудок. Может быть, даже жизнь.

Уже позже, когда я учился в университете (конечно, Нью-Йоркском) и собирал материалы для доклада по антропологии, я выяснил, что половина из сказанного профессором в тот день была правдой. Вторая половина представляла собой чистый гон. Хотя надо отдать ему должное, гнал он шикарно, очень изобретательно (высший балл, как сказала бы Филиппа Стивенс, одна из клиенток маминого агентства, британская

писательница, сочиняющая любовные романы). Оцените иронию: моему дяде Гарри не было и пятидесяти, а он уже выжил из ума; Мартин Беркетт, которому было хорошо за восемьдесят, все еще не утратил способности выдать с ходу прекрасную высокохудожественную пургу… и все ради того, чтобы утешить растерянного, встревоженного мальчишку, который явился к нему с запеканкой и совершенно безумной историей.

Ритуал Чудь, как сказал мне профессор, практиковала одна из сект тибетского и непальского буддизма. (Правда.)

Это делалось для того, чтобы достичь состояния полного небытия и через него уже выйти к предельному духовному просветлению. (Правда.)

Также считалось, что ритуал помогает в борьбе с разного рода демонами: и порождениями разума, и сверхъестественными существами, нападающими извне. (Тут непонятно.)

— Именно то, что тебе сейчас нужно, Джейми. Для обороны по всем фронтам.

— В смысле, это поможет, даже если Террьо не существует на самом деле и я просто поехал крышей?

Он одарил меня взглядом, в котором сдержанное раздражение смешивалось с укором.

Взглядом, доведенным до совершенства за долгую преподавательскую карьеру.

— Давай говорить буду я, а ты будешь слушать, если не возражаешь.

— Извините. — Я допивал уже вторую чашку чая и был слегка взвинчен.

Заложив фактологический фундамент, профессор Беркетт перебрался в область чистого вымысла… не то чтобы я тогда понял разницу. Он сказал, что ритуал Чудь приходился особенно кстати, когда один из просветленных буддистов встречал в горах йети, также известного как снежного человека.

— Они существуют на самом деле? — спросил я.

— Так же, как и с твоим мистером Террьо, нельзя сказать наверняка. И так же, как и с твоим мистером Террьо, тибетцы верят, что йети действительно существуют.

Профессор сказал, что человеку, которого угораздило встретиться с йети, потом приходилось несладко: йети преследовал его до конца жизни. Был лишь один способ избавиться от преследователя: одолеть его в поединке по правилам ритуала Чудь.

Вы уже наверняка догадались, что если бы

бредовый гон был олимпийским видом спорта, профессор Беркетт получил бы за то выступление золотую медаль и установил бы олимпийский рекорд, но мне тогда было всего лишь тринадцать лет, и я оказался в весьма непростом положении. Иными словами, я проглотил все целиком. Если у меня и возникали сомнения в правдивости его слов — честно сказать, я не помню, — то я гнал их прочь. Не забывайте, что я был в отчаянии. При одной только мысли, что Кеннет Террьо, он же Подрывник, будет преследовать меня всю жизнь, мне делалось жутко. Даже не знаю, что могло быть страшнее.

— И как это все происходит? — спросил я.

— О, тебе точно понравится. Это как в той книге сказок, которую я тебе подарил. Все без купюр. Согласно легендам, вам с демоном надо сойтись вплотную и удерживать друг друга, схватившись зубами за язык противника.

Эту последнюю фразу он произнес даже с некоторым смаком, и я подумал: *С чего бы вдруг вы решили, что мне это понравится?!*

— Когда единение закрепится, начинается битва характеров. Чья воля сильнее, тот побеждает. Борьба происходит телепатически, как я понимаю, потому что противникам было бы весьма

затруднительно разговаривать вслух при… э… взаимно прикушенных языках. Кто первым сдается, тот теряет всю власть над победителем.

Я смотрел на него, открыв рот. Я был воспитанным мальчиком, всегда вежливым со взрослыми, особенно с мамиными клиентами и знакомыми, но мне стало настолько противно, что я позабыл о хороших манерах:

— Вы, наверное, совсем головой двинулись, если решили, что я буду… даже не знаю… целоваться взасос с этим дедом! Который к тому же еще и *мертвый*. Вы разве не поняли?

— Я все понял, Джейми.

— И потом, как мне заставить его подойти? Что я должен ему сказать? «Иди ко мне, Кенни, сладкий. Давай поцелуемся взасос»?

— Ты все сказал? — мягко спросил профессор Беркетт, и я снова почувствовал себя непроходимо тупым студентом. — Я думаю, что деталь с языками — это просто символ. Как хлеб и вино в христианстве — символ тела и крови Христа.

Я не понял сравнения, поскольку почти не ходил в церковь. Поэтому промолчал.

— Слушай меня, Джейми. Слушай очень внимательно.

Я слушал так, будто от этого зависела моя

жизнь. Потому что я думал, что так и есть.

39

Когда я уже собрался уходить (вежливость снова возобладала, и я не забыл поблагодарить профессора за науку), он спросил, что еще говорила его жена. Кроме того, где лежат кольца.

В тринадцать лет человек плохо помнит, что с ним происходило в шестилетнем возрасте — ведь это было полжизни назад! — но я без труда вспомнил тот день. Я мог бы рассказать профессору Беркетту, как миссис Беркетт раскритиковала мою зеленую индейку, но рассудил, что ему это неинтересно. Он хотел знать, что она говорила *о нем*, а не что говорила вообще.

— Моя мама вас обнимала, и миссис Беркетт сказала, что вы сейчас подпалите ей волосы сигаретой. И так и случилось. Вы, наверное, уже бросили курить?

— Позволяю себе три сигареты в день. Мог бы позволить и больше, молодым я уже не умру, но больше просто не хочется. Она говорила что-то еще?

— Ну… что не пройдет и двух месяцев, как вы пригласите на обед какую-то женщину. То ли Дебби, то ли Диану, я точно не помню…

— Долорес? Долорес Магован? — Он посмотрел на меня новым взглядом, и я пожалел, что мы не заговорили об этом в самом начале. Тогда ему было бы проще поверить в мою историю.

— Да. Кажется, да.

Он покачал головой.

— Мона всегда считала, что я имею какие-то виды на эту женщину. Бог знает почему.

— Еще она говорила, что мажет руки каким-то шерстяным воском…

— Ланолином, — сказал он. — От распухших суставов. Чтоб мне провалиться.

— И вот еще: она сказала, что теперь будет некому проследить, чтобы вы не пропускали петельку сзади, когда продеваете в брюки ремень.

— Боже мой, — прошептал он. — Боже мой, Джейми.

— И она поцеловала вас в щеку.

Это был просто один маленький поцелуй, и к тому же давнишний, но он решил дело. Потому что профессору тоже хотелось поверить. Если и не во все, то хотя бы в нее. В этот поцелуй. В то, что она была рядом.

Я ушел, пока был на коне.

40

По дороге домой я смотрел в оба, нет ли где-то поблизости Террьо — к тому времени это вошло у меня в привычку, — но его нигде не было. Ну, хоть какая-то радость. Но я уже не верил, что он оставит меня в покое. Он прилип ко мне как банный лист, и оставалось только надеяться, что, когда он появится в следующий раз, я буду готов к этой встрече.

Вечером я получил электронное письмо от профессора Беркетта. *Я провел небольшое исследование и получил занимательные результаты*, писал он. *Решил, что тебе тоже будет интересно.* К письму было прикреплено три вложения, три отзыва на последнюю книгу Риджиса Томаса. Профессор выделил фразы, которые привлекли его внимание, предоставив мне самому сделать выводы. И я сделал выводы.

Из книжных обзоров «Санди таймс»: «Лебединая песня Риджиса Томаса — все та же привычная нам мешанина из секса и приключений в болотной трясине, но сама проза богаче и ярче обычного; временами встречаются проблески настоящего писательского мастерства».

Из «Гардиан»: «Хотя «Тайна Роанока» не станет

большим сюрпризом для постоянных читателей серии (которые наверняка что-то такое предвидели), авторский голос Томаса звучит в этой книге гораздо живее, чем можно было бы ожидать по предыдущим томам, где напыщенные, часто затянутые экспозиции чередуются с пылкими, иногда доходящими до смешного описаниями беспорядочных половых связей».

Из «Майами геральд»: «Диалоги живые, повествование бодрое, динамичное, и в кои-то веки лесбийская страсть между Лорой Гудхью и Пьюрити Бетанкорт ощущается настоящей и проникновенной, а не напоминает скабрезные анекдоты или больные фантазии. Самое лучшее Риджис Томас приберег напоследок».

Я не мог показать эти отзывы маме — возникло бы слишком много вопросов, — но я был уверен, что она их читала, и, наверное, они порадовали ее так же, как порадовали меня. Мало того, что обман не раскрылся, так она еще и подсушила изрядно подмоченную писательскую репутацию Риджиса Томаса.

С тех пор как я впервые столкнулся с Кеннетом Террьо, я почти каждый вечер ложился спать, ощущая себя напуганным и несчастным. В тот вечер таких ощущений не было и в помине.

41

Я точно не помню, сколько еще раз видел Кеннета Террьо до конца того лета, что само по себе кое о чем говорит. Если не говорит, объясняю простыми словами: я постепенно к нему привыкал. Если бы мне такое сказали в тот день, когда я обернулся и увидел, как он стоит у багажника автомобиля Лиз Даттон — почти вплотную ко мне, — я бы попросту не поверил. Или в тот день, когда я вызвал лифт и Террьо был в кабине и сообщил мне, что у моей мамы рак, да еще улыбался, словно это была самая лучшая новость на свете. Но, как говорится, чем ближе знаешь, тем меньше почитаешь, и в моем случае именно так и было.

Помогло еще и то, что он никогда не выскакивал из шкафа и не прятался у меня под кроватью (это было бы совсем жутко, потому что, когда я был маленьким, я ужасно боялся чудовищ, обитающих под кроватью и только и ждущих, как бы схватить меня за свесившуюся руку или ногу). В то лето я прочитал «Дракулу» — ладно, не саму книгу, а крутой комикс по книге, купленный в «Запретной планете», — и там Ван Хельсинг говорил, что вампир никогда не войдет к тебе в дом, если ты сам его не пригласишь. Если

правило о приглашении в дом действует для вампиров, то логично было бы предположить (по крайней мере, для меня тринадцатилетнего), что оно действует и для других сверхъестественных тварей. Например, для той твари, что поселилась в Террьо и не давала ему исчезнуть, как исчезали все остальные мертвецы. Я посмотрел в «Википедии», чтобы убедиться, что мистер Стокер не выдумал это сам. Как оказалось, не выдумал. То же самое говорится во многих вампирских легендах. Теперь (позже!) я понимаю, что в этом есть символический смысл. Если мы обладаем свободой воли, то можем сознательно выбирать, приглашать к себе зло или нет.

И еще одна маленькая деталь: он почти перестал манить меня пальцем. В то лето он в основном просто стоял в отдалении и смотрел. Единственный раз, когда он меня поманил, мне даже стало смешно. Хотя в этом мертвом ушлепке, никак не желающем упокоиться с миром, не было ничего смешного.

Мама взяла нам билеты на матч «Нью-Йорк метс» — «Детройт тайгерс» в последнее воскресенье августа. «Метсы» проигрывали вчистую, но я не сильно расстраивался, потому что мы сидели на отличных местах. Мама достала билеты через

каких-то друзей-издателей (вопреки расхожему мнению у литературных агентов *есть* друзья), и наши места были в третьем ряду в секции у третьей базы. На седьмом иннинге — «Метсы» по-прежнему безнадежно проигрывали — я увидел Террьо. Я немного отвлекся, высматривая на трибунах продавца хот-догов, а когда повернулся обратно к полю, мой старый друг Подрывник стоял рядом с тренерской будкой у третьей базы. В тех же брюках хаки. В той же рубашке, залитой кровью с левой стороны. С той же зияющей раной на голове, словно там у него взорвался рассыпной фейерверк. Он смотрел на меня. Ухмылялся. И да, манил пальцем.

Когда я увидел Террьо, один из филдеров «Тигров» как раз передал мяч шорт-стопу, но тот не сумел сделать бросок третьему бейсмену. Мяч улетел непонятно куда. Зрители заулюлюкали и закричали, что обычно кричат в таких случаях: *руки из жопы, моя бабка и то бросит лучше*, — а я просто сидел, сжав кулаки с такой силой, что ногти вонзились в ладони. Шорт-стоп не видел Террьо (иначе умчался бы с поля, причем с громкими воплями), но он что-то *почувствовал*. Я точно знаю.

И вот еще кое-что интересное: тренер на тре-

тьей базе пошел подобрать мяч, катившийся в сторону скамьи запасных, но вдруг резко остановился и вернулся на место. Если бы он пошел за мячом, ему пришлось бы подойти вплотную к тому существу, которое видел лишь я один. Он тоже что-то почувствовал. Может, на него повеяло холодом, как в фильмах о привидениях? Скорее всего нет. Я думаю, он на секунду почувствовал, как весь мир задрожал. Завибрировал, будто гитарная струна. У меня есть причины так думать.

— Джейми, с тобой все в порядке? — спросила мама. — Давай только без солнечного удара, ладно?

— Со мной все в порядке, — ответил я, и в общем-то сказал правду, несмотря на сжатые кулаки. — Ты видишь продавца хот-догов?

Мама огляделась по сторонам и замахала рукой, подзывая ближайшего продавца, а у меня появилась возможность показать Кеннету Террьо средний палец. Его ухмылка превратилась в оскал, так что стали видны все зубы. Потом он скрылся из виду, нырнув под козырек скамьи запасных, где игроки, дожидавшиеся своей очереди выйти на поле, наверняка подвинулись, чтобы освободить ему место, хотя сами не знали, зачем это делают.

Я сел поудобнее и улыбнулся. Я был еще не готов к мысли, что мне удалось одолеть Террьо — не крестным знамением или святой водой, а простым неприличным жестом, — но такая мысль все же мелькнула.

Зрители начали потихонечку уходить на середине девятого иннинга, когда «Тигры» набрали семь очков и стало ясно, что «Метсам» уже не отыграться. Мама спросила, не хочу ли я задержаться, чтобы посмотреть детскую гонку по базам с мистером Метом, и я покачал головой. Послематчевая гонка по базам — развлечение для малышни. Однажды я тоже участвовал в такой гонке, еще до Лиз, еще до того, как этот ублюдок Джеймс Маккензи с его финансовой пирамидой украл наши деньги, и даже еще до того, как Мона Беркетт раскритиковала мою индейку, потому что индейки не бывают зелеными. Когда я был совсем маленьким и весь мир лежал у моих ног.

Иными словами, давным-давно, в незапамятные времена.

42

Вы, наверное, задаетесь вопросом, которым я сам тогда не задавался: *Почему я? Почему Джейми Конклин?* Я потом тоже задумался и до сих пор

ничего не придумал. Я могу только гадать. Может быть, так получилось потому, что я был не таким, как все, и оно — то *оно*, что поселилось внутри оболочки Террьо, — ненавидело меня за это и хотело мне навредить или даже меня уничтожить, если бы ему подвернулась такая возможность. Если хотите, называйте меня сумасшедшим, но мне кажется, я его чем-то *задел*. Возможно, была и другая причина. Может быть — я подчеркиваю: может быть, — ритуал Чудь уже начался.

Может быть, раз до меня докопавшись, оно уже не могло остановиться.

Повторюсь, это только догадки. У него могли быть совершенно иные причины, не известные мне. Непостижимые и чудовищные. Как я уже говорил, это история в жанре ужасов.

43

Я по-прежнему боялся Террьо, но теперь мне казалось, что я не струшу, если вдруг подвернется возможность применить на практике ритуал, о котором рассказывал профессор Беркетт. Просто мне нужно было морально настроиться. И быть готовым к тому, что Террьо подойдет совсем близко, а не просто будет стоять на другой стороне улицы или у тренерской будки у третьей базы на

«Сити-филд»[10].

Возможность представилась в октябре. Дело было в субботу. Я собирался пойти в Гровер-парк, играть в тачбол с ребятами из нашей школы. Мама оставила мне записку, где говорилось, что вчера она поздно легла, зачитавшись последним опусом Филиппы Стивенс, в связи с чем собирается спать до обеда. Мне надо завтракать тихо, не гремя посудой, и не пить больше половины чашки кофе. Она надеялась, что я хорошо проведу время с друзьями и вернусь без переломов и сотрясения мозга. Мне надо быть дома не позднее двух часов дня. Деньги, которые мама оставила мне на обед, я аккуратно убрал в карман. В записке был постскриптум: *Могу я надеяться, что ты съешь хоть какую-то зелень, пусть даже листик салата в гамбургере?*

Может быть, мам, может быть, подумал я, залил молоком миску хлопьев и съел их (тихонько).

Выходя из квартиры, я и думать не думал о Террьо. В последнее время я о нем вспоминал все реже и использовал освободившиеся мыслительные ресурсы на раздумья о чем-то другом,

---

[10] Примечания: 10
Бейсбольный стадион в парке Флашинг-Медоус в Куинсе.

в основном о девчонках. Конкретно в эту субботу, подходя к лифту, я думал о Валерии Гомес. Возможно, в тот день Террьо решил подобраться поближе ко мне как раз потому, что я совершенно о нем забыл. Возможно, он что-то почувствовал. Возможно, он мог проникать ко мне в голову и читать мои мысли. Этого я тоже не знаю.

Я нажал кнопку, чтобы вызвать лифт, попутно размышляя, придет ли Валерия на матч. Может быть, и придет, потому что в одной из команд играет ее брат Пабло. Я погрузился в мечтания, как приму пас, и помчусь по площадке, уклоняясь от всех противников, которые попытаются отобрать у меня мяч, и занесу его в зачетную зону, держа высоко над головой, но когда двери лифта открылись, я все равно безотчетно шагнул назад — это вошло у меня в привычку. Кабина была пуста. Я вошел и поехал вниз. Лифт приехал на первый этаж, двери открылись. Там был коротенький коридорчик, а в конце коридора — дверь, запиравшаяся изнутри и ведущая в маленький холл, откуда уже можно было выйти на улицу. Дверь подъезда не запиралась, чтобы почтальон мог войти и разложить почту по ящикам. Если бы Террьо дожидался меня в холле, я не смог бы сделать то, что сделал. Но он был внутри, в коридоре,

стоял у запертой двери и ухмылялся так, словно уже послезавтра такая ухмылка будет объявлена вне закона.

Он собирался что-то сказать, может быть, выдать одно из своих идиотских пророчеств, и если бы я думал не о Валерии, а о нем, я бы, наверное, либо застыл на месте, либо попятился обратно к лифту и со всей силы нажал кнопку закрывания дверей. Но я разозлился, что он помешал моим мечтам, и мне сразу вспомнились слова профессора Беркетта, сказанные в тот день, когда я принес ему запеканку.

«Взаимное прикушение языков в ритуале Чудь — это лишь один из обрядов перед встречей с врагом, — сказал он. — Таких обрядов существует великое множество. Маори исполняют боевой танец для устрашения противника. Пилоты-камикадзе перед вылетом пили саке, которое считали волшебным, держа перед глазами фотографии своих целей. В Древнем Египте члены враждующих кланов били друг друга по лбу, прежде чем хвататься за копья, ножи и луки. Борцы сумо хлопают друг друга по плечам. Смысл этих действий всегда одинаков*: Сейчас мы сойдемся в битве, в которой один из нас победит, а другой проиграет.* Иными словами, Джейми,

не надо высовывать язык. Просто хватай своего демона и держи изо всех сил».

Вместо того чтобы застыть или броситься наутек, я бездумно рванулся вперед, раскинув руки, словно собрался обнять лучшего друга после долгой разлуки. Помню, как я кричал, но, наверное, лишь у себя в голове, потому что никто из жильцов первого этажа не выскочил из квартиры, чтобы посмотреть, что происходит. Ухмылка Террьо — эта жуткая ухмылка, когда видна корка запекшейся крови между щекой и зубами, — тут же исчезла, и я увидел удивительную и прекрасную перемену: он меня испугался. Он отшатнулся, вжался спиной в дверь, ведущую в холл, но она открывалась в другую сторону и к тому же была заперта, и деться ему было некуда. Я его схватил.

Я не могу описать, как это происходило. Думается, это было бы не под силу и более одаренным писателям, так что я расскажу, как умею. Помните, я говорил, что рядом с Террьо мир дрожал и вибрировал, как гитарная струна? И когда я вцепился в него, все вокруг задрожало и затряслось. От этой дрожи у меня сводило зубы и ломило глаза. Но было и что-то еще, *внутри* Террьо. Что-то, что сделало Террьо своим вместилищем и не

давало ему уйти туда, куда уходят все мертвые, когда обрывается их последняя связь с нашим миром.

Это была жуткая, злобная тварь, и она вопила, чтобы я ее отпустил. Или чтобы я отпустил Террьо. Может быть, никакой разницы не было. Тварь была зла на меня и напугана, но больше всего она была удивлена. Она никак не ожидала, что мне хватит смелости ее схватить.

Она дергалась и вырывалась и, я уверен, сумела бы вырваться, если бы Террьо не был прижат к запертой двери. Я был довольно-таки худосочным ребенком. Террьо был выше меня на пять дюймов и живым весил бы как минимум фунтов на сто больше меня, но он был мертвым. Живой была тварь, поселившаяся у него внутри, и я был абсолютно уверен, что она проникла в него, когда я заставил его отвечать на вопросы о последней бомбе.

Вибрация стала сильнее. Она шла отовсюду. Снизу от пола, сверху от потолка. Потолочные лампы дрожали, на стенах плясали текучие, зыбкие тени. Даже стены тряслись и как будто сдвигались то в одну сторону, то в другую.

— Отпусти, — сказал Террьо, и даже его голос вибрировал и сотрясался. Звук был такой, как

бывает, когда прикладываешь к расческе кусочек вощеной бумаги и дуешь на зубчики. Его руки взметнулись и сомкнулись кольцом у меня на спине. Мне сразу же стало трудно дышать. — Отпусти меня, и я тоже тебя отпущу.

— Нет, — сказал я и обнял его еще крепче. Помню, я тогда думал: *Вот оно. Ритуал Чудь. Я сошелся в смертельной схватке с каким-то демоном прямо в подъезде своего дома в Нью-Йорке.*

— Я тебя задушу, — прошипела тварь внутри Террьо.

— Ты не можешь меня задушить, — выдохнул я, очень надеясь, что так и есть. Я еще мог дышать, но каждый вдох давался с трудом. Мне стало казаться, что я смотрю прямо *внутрь* Террьо. Может быть, это была галлюцинация, вызванная непрестанной вибрацией и ощущением, что мир сейчас разобьется, как винный бокал из тончайшего стекла, но я так не думал. Я смотрел прямо внутрь Террьо и видел не внутренности, а свет. Очень яркий и одновременно темный. Свет из какого-то потустороннего мира. Это было ужасно.

Сколько мы так простояли в обнимку? Может быть, пять часов. Может быть, лишь полторы минуты. Вы, наверное, скажете, что мы не могли простоять там пять часов, потому что за это вре-

мя кто-нибудь из жильцов должен был пройти мимо, но я думаю… я почти *знаю*… что мы пребывали вне времени. Скажу только одно, в чем я уверен: двери лифта так и не закрылись, хотя обычно должны закрываться секунд через пять после того, как из кабины выйдут все пассажиры. Лифт отражался в дверном стекле за плечом Террьо и все это время стоял открытым.

Наконец тварь внутри Террьо проговорила:

— Отпусти меня, я уйду и больше никогда не вернусь.

Это было заманчивое предложение, как вы наверняка понимаете, и, может быть, я бы и согласился, если бы профессор Беркетт не подготовил меня к такому повороту событий.

«Он попытается договориться, — сказал профессор. — Не поддавайся на уговоры». И он подсказал мне, что делать, вероятно, решив, что бороться мне предстоит исключительно со своим собственным неврозом, или комплексом, или чем-то еще чисто психологическим.

— Мне этого мало, — сказал я, не разжимая рук.

Я проникал взглядом все глубже и глубже в Террьо и видел, что он *и вправду* был призраком. Возможно, все мертвые становятся призрака-

ми, просто я вижу их плотными. И чем более призрачным становился Террьо, тем ярче сиял темный свет — мертвый свет, мертвосвет. Я не знаю, что это было. Тогда я знал только одно: если уж я поймал этот свет, то теперь надо держать. Есть одна старая поговорка: *Тот, кто схватил тигра за хвост, уже не может так просто его отпустить.*

Тварь, поселившаяся в Террьо, была пострашнее любого тигра.

— Чего ты хочешь? — выдохнул он. На самом деле он не дышал. Если бы он дышал, как живой, я бы почувствовал его дыхание у себя на щеке или на шее, а я не чувствовал ничего. Но он все равно задыхался. Может быть, даже сильнее, чем я сам.

— Мне мало того, что *ты* перестанешь меня преследовать. — Я сделал глубокий вдох и сказал то, что велел сказать профессор Беркетт, если мне удастся завлечь своего врага в ритуал Чудь. И хотя мир вокруг содрогался и трещал по швам, хотя эта жуткая тварь вцепилась в меня мертвой хваткой, я произнес эти слова с удовольствием. С большим удовольствием. С ликованием *воина*. — Теперь я буду преследовать *тебя*.

— Нет! — Он стиснул меня еще крепче.

Меня буквально вдавило в Террьо, пусть даже

теперь Террьо стал почти неосязаемой сверхъестественной голограммой.

— Да. — Профессор Беркетт велел мне сказать еще кое-что, если будет возможность. Позже я выяснил, что это было чуть измененное название одного известного рассказа о привидениях, так что все получилось очень даже в тему. — Я свистну — меня не заставишь ты ждать[11].

— Нет! — Он снова задергался, пытаясь вырваться. Этот пульсирующий жуткий свет вызывал у меня тошноту, но я держался.

— Да. Я буду преследовать тебя, когда захочу и сколько захочу, а если ты не согласен, я буду держать тебя, пока ты не умрешь.

— Я не могу умереть! А ты можешь!

С этим нельзя было не согласиться, но в те мгновения я чувствовал себя сильным как никогда. К тому же Террьо бледнел и слабел, а он был зацепкой для этого жуткого мертвосвета в нашем мире.

Я ничего не сказал. Я сжимал Террьо в объятиях, а Террьо сжимал в объятиях меня. Так оно и продолжалось. Я замерз, мои руки и ноги постепенно утрачивали чувствительность, но я держался.

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду рассказ Монтегю Джеймса «Ты свистни — тебя не заставлю я ждать».

И был полон решимости держаться вечно, если так будет нужно. Тварь, поселившаяся в Террьо, наводила на меня ужас, но сейчас она оказалась в ловушке. Разумеется, я и сам оказался в ловушке; такова была суть ритуала. Если бы я отпустил эту тварь, я бы ей проиграл.

Наконец тварь внутри Террьо сказала:

— Я принимаю твои условия.

Я ослабил хватку, но ненамного.

— Ты не врешь? — Вроде бы глупый вопрос, но на самом деле совсем не глупый.

— Я не могу врать. — Теперь ее голос звучал раздраженно и даже немного обиженно. — И ты это знаешь.

— Скажи еще раз. Скажи, что ты принимаешь мои условия.

— Я принимаю твои условия.

— Ты знаешь, что я способен тебя преследовать?

— Знаю. Но я тебя не боюсь.

Сказано смело, но я уже выяснил, что Террьо — или тварь, завладевшая Террьо, — может говорить что угодно, в том числе и неправду. Утверждение — все-таки не ответ на вопрос. И если кто-то *говорит*, что не боится, это наверняка значит, что он боится. Мне не пришлось дожи-

даться какого-то «позже», чтобы это понять. Я и в тринадцать лет все понимал.

— Ты меня боишься?

Террьо снова скривился, словно от боли. Или словно съел что-то кислое и противное. Возможно, такой и была на вкус правда для этого жалкого сукина сына.

— Да. Ты не такой, как другие. Ты *видишь*.

— Что «да»?

– *Да, я тебя боюсь!*

Отлично!

Я его отпустил.

— Уходи прочь отсюда, кем бы ты ни был. Возвращайся туда, откуда пришел. Но помни: если я позову, *ты* придешь.

Он развернулся, в последний раз продемонстрировав мне зияющую дыру в левой половине головы. Он схватился за дверную ручку. Его рука прошла сквозь нее и *не* прошла сквозь нее. И то и другое одновременно. Я понимаю, звучит безумно, но именно так и было. Я это видел. Ручка повернулась, и дверь открылась. В ту же секунду лампы под потолком взорвались и погасли, сверху посыпались осколки стекла. В холле висело около дюжины почтовых ящиков, у половины из них сами собой открылись дверцы. Террьо обер-

нулся через окровавленное плечо, одарил меня напоследок убийственным взглядом и вышел на улицу, оставив дверь подъезда распахнутой настежь. Я видел, как он спустился с крыльца: не сбежал со ступенек, а как будто слетел. Парень, мчавшийся мимо на велосипеде, наверное, какой-то курьер, потерял равновесие, грохнулся вместе с велосипедом и громко выругался.

Я знал, что мертвые могут воздействовать на живых, для меня это не было неожиданностью. Я видел, как это бывает, правда, все прежние воздействия были слабыми и почти незаметными. Профессор Беркетт почувствовал, как жена поцеловала его в щеку. Лиз ощутила, как Риджис Томас дунул ей в лицо. Но то, что я только что наблюдал — взорвавшиеся светильники, повернувшаяся дверная ручка, распахнувшаяся дверь, упавший с велосипеда курьер, — выходило на совершенно другой уровень.

Тварь, которую я называю мертвосветом, почти утратила власть над Террьо, пока я его держал, но когда я его отпустил, она не просто вернула его себе; она стала сильнее. Возможно, она набралась сил от меня, хотя я не чувствовал, что стал хоть немного слабее (в отличие от бедной Люси Вестенра, которую граф Дракула использовал в

качестве персонального вагона-ресторана). Если честно, я себя чувствовал бодрым как никогда, оживленным и полным энергии.

Ладно, тварь стала сильнее, и что с того? Теперь она подчинялась моим приказам, как послушный и верный пес.

Впервые с того дня, когда Лиз забрала меня из школы и заставила выслеживать Террьо, мне стало по-настоящему хорошо. Наверное, так себя чувствует почти безнадежно больной человек, которому все-таки удалось победить болезнь.

44

Я вернулся домой около четверти третьего, чуть-чуть опоздал, но не настолько, чтобы «где-ты-был-я-уже-вся-изволновалась». У меня на руке красовалась большущая ссадина, джинсы порвались на одном колене, когда кто-то из старшеклассников налетел на меня и сбил с ног, но я все равно чувствовал себя офигенно. Валерия не пришла на игру, но пришли две ее подруги. Одна из них сказала мне, что я нравлюсь Валерии, а вторая — что мне надо поговорить с Валерией, может, сесть рядом с ней за обедом в столовой.

Боже, сколько возможностей!

Войдя в подъезд, я увидел, что кто-то — навер-

ное, мистер Провенса, комендант нашего дома — закрыл почтовые ящики, распахнувшиеся, когда Террьо ушел. Или, точнее, сбежал с поля боя. Мистер Провенса также убрал осколки стекла и повесил табличку на двери лифта: «ВРЕМЕННО НЕ РАБОТАЕТ». Это сразу напомнило мне о том дне, когда мы с мамой вернулись домой из школы, и я гордо держал в руке свою зеленую индейку, и лифт в нашем доме на Парк-авеню не работал. «Гребаный лифт, — сказала тогда мама. И быстро добавила: — Ты ничего не слышал, малыш».

Старые добрые времена.

Я поднялся по лестнице и вошел в квартиру. Мама вытащила из кабинета свое любимое кресло и читала в гостиной, сидя у окна и попивая кофе.

— Я уже собиралась тебе звонить. — Она обернулась ко мне и уставилась на дыру у меня на коленке. — Господи, это же новые джинсы!

— Извини, — сказал я. — Может быть, ты их зашьешь.

— У меня много полезных навыков, но умение шить в их число точно не входит. Отнесу их в химчистку, попрошу миссис Абельсон что-нибудь с ними сделать. Что ты ел на обед?

— Гамбургер. С салатом и помидором.

— Ты не врешь?

— Я всегда говорю только правду, — ответил я — и, разумеется, тут же вспомнил о Террьо и невольно поежился.

— Покажи свою руку. Подойди ближе, чтобы я лучше видела. — Я подошел и показал маме свой боевой шрам. — Пластырь не нужен. Но обязательно промой ссадину и намажь «Неоспорином».

— А потом можно мне посмотреть телевизор?

— Пока нельзя. В доме нет электричества. Думаешь, почему я читаю, сидя у окна, а не за столом у себя в кабинете?

— О, так вот почему лифт не работает.

— Я поражен вашей дедукцией, Холмс. — Это была одна из маминых литературных шуток. Одна из многих десятков. Если не сотен. — Причем только в нашем доме. Мистер Провенса говорит, что перегорели все пробки. Какой-то резкий скачок напряжения. Он говорит, что никогда в жизни не видел ничего подобного. Он уже вызвал ремонтную бригаду и надеется, что до вечера все починят, но мне что-то подсказывает, что с наступлением темноты нам придется сидеть при свечах и фонариках.

Террьо, подумал я. Но конечно, это был не Террьо, а та тварь, мертвосвет, вселившаяся в Террьо.

Это она расколотила светильники на первом этаже, открыла почтовые ящики, а вдобавок еще и сожгла пробки во всем нашем доме.

Я пошел в ванную за «Неоспорином». В ванной было темно, и я по привычке хлопнул по выключателю, чтобы зажечь свет. Привычка — штука такая. Неискоренимая. Я вернулся в гостиную, сел на диван и принялся намазывать ссадину склизким гелем с антибиотиком, глядя в пустой экран телевизора и гадая, сколько может быть предохранителей в доме размером с наш и сколько нужно энергии, чтобы сжечь их все.

Мне надо было лишь свистнуть, чтобы позвать эту тварь. И если я ее позову, придет ли она к мальчишке по имени Джейми Конклин? Не слишком ли непомерная власть для ребенка, который еще три года не сможет получить водительские права?

— Мам?

— Что?

— Я уже достаточно взрослый, чтобы встречаться с девушкой?

— Нет, милый, — отозвалась она, не отрываясь от рукописи.

— А когда будет можно?

— Я считаю, лет в двадцать пять.

Она рассмеялась, и я рассмеялся вместе с ней. Может быть, подумал я, когда мне исполнится двадцать пять, я позову Террьо и велю принести мне стакан воды. Хотя, наверное, лучше не надо. Все, что *оно* принесет, может быть ядовито. Может быть — просто так, по приколу, — я велю ему встать на голову, сделать шпагат или пройтись по потолку. Или, может быть, я его отпущу. Скажу: катись-ка ты, приятель. Конечно, для этого не обязательно дожидаться, когда мне исполнится двадцать пять. Я мог отпустить его в любое время. Но не хотел. Пусть теперь он побудет *моим* пленником. Этот жуткий и темный потусторонний свет, низведенный до положения светлячка, заключенного в банку. Посмотрим, как ему это понравится.

Электричество включилось в десять часов вечера, и в мире вновь воцарился порядок.

45

В воскресенье мама предложила навестить профессора Беркетта, узнать, как он себя чувствует, и забрать форму для запеканки.

— Можно принести ему круассанов из «Хаберса».

Я ответил, что это отличная идея. Мама позво-

нила профессору, и он сказал, что будет рад нас видеть. Мы дошли до кондитерской, а потом поймали такси. Обычное уличное такси, не «Убер». Мама принципиально не ездила на «Убере». Она говорила, что это ни разу не Нью-Йорк. *Простое* такси — вот Нью-Йорк.

Наверное, чудесное исцеление случается и в преклонном возрасте тоже, потому что профессор Беркетт опирался лишь на одну трость и передвигался довольно бодро. Не так бодро, чтобы пробежать Нью-Йоркский марафон (при условии, что ему это надо), но он обнял маму в прихожей, и я не боялся, что он упадет, когда мы с ним пожимали друг другу руки. Он испытующе посмотрел на меня, я еле заметно кивнул, и он улыбнулся. Мы друг друга поняли.

Мама тут же принялась хлопотать с угощением: выложила круассаны на блюдо, расставила на столе масло и джем в крошечных порционных упаковках. Мы ели в кухне, озаренной солнечным светом ясного позднего утра. Получился вполне милый завтрак. Когда мы все съели, мама переложила оставшуюся запеканку (запеканки осталось много; видимо, старики едят мало) в пластиковый контейнер, вымыла форму и поставила ее сушиться. Потом извинилась и пошла

в туалет.

Едва она вышла из кухни, профессор Беркетт перегнулся через стол.

— Что случилось?

— Вчера я вышел из лифта, и он дожидался меня в холле. Я вообще ни о чем не задумывался, просто рванулся к нему и схватил.

— Он был там? Этот Террьо? Ты его видел? Ты его ощущал? — Профессор по-прежнему думал, что все, о чем я сейчас говорил, происходило лишь у меня в голове. Это было понятно по его лицу, и я его в общем-то не виню.

— Да. Только это уже не Террьо. Тварь, которая в нем поселилась… это свет, темный свет… она вырывалась, но я держал крепко. Мне было страшно, но я знал, что нельзя ее отпускать. Наконец, когда она поняла, что Террьо меркнет и исчезает, она…

— Меркнет и исчезает? В каком смысле?

Из туалета донесся шум спускаемой воды. Времени не оставалось. Мама еще будет мыть руки, но это недолго.

— Я сказал все, что вы велели сказать, профессор. Что если я свистну, она прибежит. Что теперь уже я буду ее донимать. И она согласилась. Я заставил ее произнести это вслух, и она

подчинилась.

Мама вернулась в кухню, и профессор не успел больше ни о чем спросить, но я видел, что он встревожен и по-прежнему убежден, что все это происходило только в моей голове. Я его понимал, но все равно злился — ведь он же *знал* и о кольцах своей жены, и о книге мистера Томаса, — однако потом, уже задним числом, я подумал, что злился зря. Поверить в необъяснимое в принципе трудно, а умному человеку — труднее вдвойне. Умные люди многое знают и, наверное, поэтому думают, что знают все.

— Нам пора, Джейми, — сказала мама. — Мне надо дочитать рукопись.

— Тебе *всегда* надо дочитывать рукопись, — сказал я, и она рассмеялась, потому что это была чистая правда. На столе у нее в кабинете — и на работе, и дома — вечно высились стопки рукописей на прочтение. — Пока мы не ушли, расскажи профессору Беркетту, что случилось вчера у нас в доме.

Она обернулась к профессору:

— Это было так странно, Марти. Во всем доме разом сгорели пробки. Мы весь день просидели без электричества. Мистер Провенса, наш комендант, говорит, что, наверное, был какой-то скачок

напряжения. Он говорит, что никогда в жизни такого не видел.

Профессор, кажется, испугался.

— Только в вашем доме?

— Да, только в нашем, — кивнула мама. — Пойдем, Джейми. Марти надо отдохнуть.

При прощании все повторилось почти в точности, как при встрече. Профессор Беркетт испытующе посмотрел на меня, и я еле заметно кивнул.

Мы друг друга поняли.

46

В тот же вечер я получил от него электронное письмо, отправленное с айпада. Из всех моих знакомых он был единственным, кто использовал в письмах приветствие и писал нормальным человеческим языком, без сокращений и исковерканных словечек вроде «чё делаешь?», «ржунимагу» или «спс».

Дорогой Джейми!

Сегодня утром, когда вы с мамой ушли, я поискал информацию о бомбе, обнаруженной в супермаркете в Истпорте (что надо было сделать гораздо раньше). Я нашел кое-что инте-

ресное. Имя Элизабет Даттон не упоминается ни в одном из новостных репортажей. Вся слава досталась сотрудникам инженерно-саперного отряда (и особенно собакам, потому что люди любят собак; как я понял, собака, обнаружившая бомбу, получила медаль от мэра). Твоя знакомая упоминается в прессе только как «детектив, получивший наводку от кого-то из прежних осведомителей». Мне показалось несколько странным, что она не участвовала в пресс-конференции, посвященной успешному окончанию операции по поиску и обезвреживанию заложенной бомбы, и не получила официальную благодарность от руководства. Однако она сохранила работу в полиции. Возможно, именно этого она и добивалась, не рассчитывая на большее, да и начальство сочло, что ничего большего она не заслуживает.

С учетом всей информации, найденной мною в Сети, вкупе со странным отключением электричества, случившимся в вашем доме во время твоей битвы с Террьо, и еще некоторыми вещами, о которых ты мне сообщил, я уже не могу не поверить твоему рассказу.

В связи с чем я хочу тебя предостеречь. Мне не понравилось, с какой уверенностью ты сказал, что теперь твоя очередь его донимать и стоит

тебе только свистнуть, и он прибежит. Может быть, и прибежит, НО Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ПРОШУ ТАК НЕ ДЕЛАТЬ. Даже опытные канатоходцы иной раз срываются и падают. Укротители львов получают увечья от животных, которых считали полностью укрощенными. При определенных условиях даже самая добрая и воспитанная собака может укусить своего хозяина.

Мой тебе совет, Джейми: оставь эту сущность в покое.

С наилучшими дружескими пожеланиями,
Профессор Мартин Беркетт (Марти)

P. S. Мне любопытно узнать все подробности твоего необычного приключения. Если сможешь зайти ко мне в гости и рассказать, я буду слушать с большим интересом. Как я понимаю, ты по-прежнему не желаешь расстраивать маму беседами на эту тему, тем более что все вроде бы завершилось вполне успешно.

Я сразу написал ответ. Мое письмо получилось гораздо короче, но я попытался оформить его точно так же, как он сам оформлял свои письма: как будто писал на бумаге.

Уважаемый профессор Беркетт!

Я с удовольствием приду к вам в гости, но не

раньше среды, потому что в понедельник у нас экскурсия в Метрополитен-музей, а во вторник — внутришкольный матч по волейболу, мальчишки против девчонок. Если вам будет удобно в среду, я могу прийти после уроков, около половины четвертого, но ненадолго, всего на час-полтора. Я скажу маме, что мне захотелось вас навестить, и так и есть.

Ваш друг,
Джеймс Конклин

Профессор Беркетт, наверное, сидел с айпадом в руках (мне очень живо представилось, как он сидит у себя в гостиной, в окружении вставленных в рамочки фотографий прошлых лет), потому что ответ от него пришел сразу.

Дорогой Джейми!

В среду будет удобно. Жду тебя в половине четвертого и запасаюсь овсяным печеньем с изюмом. Что ты предпочитаешь к печенью, чай или какой-нибудь лимонад?

Искренне твой,
Марти Беркетт

Я не стал заморачиваться с оформлением ответного сообщения под бумажное письмо, а просто набил одну фразу: *Я бы не отказался от чашечки*

кофе. И, немного подумав, добавил: *Мама мне разрешает пить кофе*. Это была не совсем ложь, и в ответ профессор прислал мне эмодзи: поднятый вверх большой палец. Я подумал, что это круто.

Мы с профессором Беркеттом все же поговорили, но без печенья и без напитков. Они ему были уже не нужны, потому что он умер.

47

В о вторник утром я получил еще одно электронное письмо от профессора. Мама — и еще несколько человек — получили точно такое же.

Дорогие друзья и коллеги!

Мне сообщили печальную новость. Дэвид Робертсон — мой старый друг, сослуживец и бывший заведующий кафедрой — перенес обширный инсульт в доме для престарелых в Сиеста-Ки во Флориде. Вчера вечером он был доставлен в окружную больницу в Сарасоте. Предполагается, что он не выживет и даже не выйдет из комы, но я знал Дэйва и его очаровательную жену Мэри больше сорока лет и, как бы мне ни хотелось обратного, сейчас я должен поехать к нему, хотя бы лишь для того, чтобы утешить его супругу и проводить его в последний путь, если прогнозы

врачей подтвердятся. Прошу прощения у всех, с кем у меня были назначены встречи. Все отменяется до моего возвращения.

Я поселюсь в бутик-отеле «Бентли» (какое название!) в Оспри. При необходимости со мной можно будет связаться через администратора отеля, но удобнее всего держать связь по электронной почте. Как вы все знаете, у меня нет мобильного телефона. Прошу прощения за неудобства.

Искренне ваш,

(Почетный) профессор Мартин Ф. Беркетт

— Все-таки он человек старой школы, — сказал я маме за завтраком: для нее — грейпфрут и йогурт, для меня — тарелка хлопьев.

Мама кивнула:

— Да, таких, как Марти, осталось мало. В его возрасте мчаться к постели умирающего друга… — Она покачала головой. — Поразительно. Достойно всяческого восхищения. И этот имейл!

— Профессор Беркетт не пишет имейлов, — сказал я. — Он пишет письма.

— Это верно, но я сейчас говорю о другом. Насчет отменившихся договоренностей… Сколько, по-твоему, у него было назначено встреч, в его возрасте?

Ну, одна точно была, подумал я, но ничего не сказал.

48

Я не знаю, что стало со старым другом профессора Беркетта, умер он или нет. Я знаю только, что сам профессор скоропостижно скончался. В самолете у него случился сердечный приступ, и когда самолет приземлился, он был уже мертв. У него был еще один старый друг, юрист и поверенный в его делах — один из адресатов того последнего электронного письма, — и ему первому сообщили о произошедшем. Он организовал транспортировку тела обратно в Нью-Йорк, а дальше за дело взялась моя мама. Она закрыла агентство на несколько дней и занялась приготовлениями к похоронам. За это я ею гордился. Она плакала и горевала, потому что потеряла друга. Я сам горевал, потому что профессор Беркетт стал и моим другом тоже. После ухода Лиз он остался моим единственным другом из взрослых.

Панихида прошла в пресвитерианской церкви на Парк-авеню. В той же церкви, где семь лет назад отпевали Мону Беркетт. Мама негодовала и возмущалась, что его дочь — жившая где-то на Западном побережье — не приехала на похороны

отца. Позже, чисто из любопытства, я проверил список адресатов последнего электронного письма от профессора Беркетта и не нашел адреса дочери. В списке было всего три женщины: моя мама, миссис Ричардс (приятельница и соседка профессора, старушка с четвертого этажа в доме на Парк-авеню) и Долорес Магован, женщина, на которую, как ошибочно предполагала миссис Беркетт, имел виды ее овдовевший муж.

На панихиде я все высматривал профессора, рассудив, что если его жена посетила свою поминальную службу, то и он посетит свою. В церкви он не появился, но в этот раз мы с мамой поехали на кладбище, и он был там: сидел чуть поодаль, на чьей-то могильной плите футах, наверное, в тридцати от собрания скорбящих, и все же достаточно близко, чтобы слышать, что говорят. Во время общей молитвы я украдкой ему помахал. Даже не помахал, а просто приподнял руку и шевельнул пальцами, но профессор заметил, и улыбнулся, и помахал мне в ответ. Он был самым обычным мертвым человеком, не чудовищем наподобие Кеннета Террьо, и я горько расплакался.

Мама обняла меня за плечи.

49

Это было в понедельник, так что я не пошел на экскурсию в Метрополитен-музей со своим классом. Я на весь день отпросился с уроков, чтобы пойти на похороны, и когда мы с мамой вернулись домой с кладбища, я сказал, что мне хочется прогуляться. Сказал, что мне надо подумать.

— Ладно, иди… если с тобой все в порядке. С тобой *все в порядке*, Джейми?

— Да, все в порядке. — Я улыбнулся в подтверждение своих слов.

— Возвращайся не позже пяти, иначе я буду волноваться.

— Да, хорошо.

Когда я уже выходил из комнаты, мама задала вопрос, которого я ждал:

— Он там был? Ты его видел?

Сначала я думал соврать, чтобы пощадить мамины чувства, но все же решил сказать правду, рассудив, что от правды ей, может быть, станет легче.

— Да. Но не в церкви, а на кладбище.

— Как… как он выглядел?

Я ответил, что выглядел он хорошо, и опять сказал правду. Мертвые всегда носят одежду, в

которой умерли, и в случае с профессором Беркеттом это был коричневый костюм, чуть-чуть ему великоватый, но смотревшийся все равно очень круто, по моему скромному мнению. Мне понравилось, что профессор надел костюм для путешествия на самолете, потому что именно так поступают истинные приверженцы старой школы. И он был без трости, наверное, потому, что сидел в самолете и не держал трость в руках в момент смерти, или, может быть, он ее выронил, когда начался сердечный приступ.

— Джейми? Пока ты не ушел, можно твоей старой маме тебя обнять?

Я обнимал ее долго-долго.

50

До «Паркового дворца» я добрался пешком. Теперь я был старше и выше того мальчонки, который одним погожим осенним деньком возвращался домой из школы, держа маму за руку и сжимая в другой руке свой рисунок с зеленой индейкой. Старше, выше и, может быть, даже мудрее. Но я все равно оставался все тем же Джейми. Мы меняемся, да, и в то же время совсем не меняемся. Я не могу объяснить. Это загадка.

У меня не было ключа от подъезда, и я не мог

войти в дом, но мне и не надо было входить, потому что профессор Беркетт сидел на крыльце в своем коричневом дорожном костюме. Я сел рядом с ним. Мимо прошла старушка с маленькой пушистой собачкой на поводке. Собачка взглянула на профессора. Старушка — нет.

— Добрый день, профессор.

— Добрый день, Джейми.

Он умер пять дней назад, и его голос уже выдыхался и угасал, как это всегда происходит у мертвых. Как будто он говорил со мной издалека и с каждой минутой удалялся все больше и больше. Он был приветливым, как всегда, но при этом… я даже не знаю… каким-то рассеянным и отстраненным. Обычно с мертвыми так и бывает. Даже миссис Беркетт была такой, хотя говорила побольше многих (некоторые и вовсе хранят молчание, если ты ни о чем их не спрашиваешь). Не знаю, с чем это связано. Может быть, все дело в том, что теперь они зрители, а не участники парада? В общем-то близко, но все равно не совсем верно. Кажется, будто их мысли заняты чем-то другим, более важным, чем мир живых, и я впервые задумался, что, может быть, и мой собственный голос для них угасает. Может быть, угасает весь мир.

— У вас все хорошо?

— Да.

— Вам было больно, когда случился сердечный приступ?

— Да, но боль быстро прошла. — Он не смотрел на меня, а разглядывал улицу. Словно хотел сохранить в памяти все до мельчайших деталей.

— Я могу что-нибудь для вас сделать?

— Только одно. Никогда не зови Террьо. Потому что его уже нет. На зов откликнется не Террьо, а завладевшее им существо. В литературе такие сущности, входящие в оставленное душой тело, называют заместителями.

— Не буду звать, честное слово. Профессор, а почему эта сущность вообще сумела в него вселиться? Потому что Террьо и при жизни был плохим, злым человеком?

— Я не знаю, но вполне вероятно, что да.

— Вам все еще интересно, что было, когда я его схватил? — Я вспомнил его электронное письмо. — Вы хотите узнать все подробности?

— Уже нет. — Меня немного обидел его ответ, но совершенно не удивил. Мертвым не интересны дела живых. — Просто помни, что я тебе говорил.

— Я запомню, не беспокойтесь.

Теперь в его голосе слышалось легкое раздра-

жение.

— Я вот думаю… Ты был очень храбрым, но и необычайно везучим. Ты не понимаешь, ты еще ребенок, но поверь мне на слово. Эта тварь появилась откуда-то из-за пределов Вселенной. Из какого-то потустороннего мира, где существуют такие ужасы, которые человеческий разум даже не в силах представить. Если спутаешься с такой тварью, это грозит тебе смертью, или потерей рассудка, или полным уничтожением души.

Я ни разу не слышал, чтобы слово «спутаться» употреблялось в таких конструкциях, как «спутаться с кем-то» — видимо, это было еще одно старомодное выражение из тех, что так любил профессор Беркетт, вроде «холодного шкафа» вместо обычного «холодильника», — но я понял смысл сказанного. Если он пытался меня напугать, то у него получилось. Полное уничтожение *души*? Боже правый!

— Я не буду с ней путаться, — сказал я. — Честное слово, не буду.

Он не ответил. Просто сидел, сложив руки на коленях, и по-прежнему разглядывал улицу.

— Мне будет вас не хватать, профессор.

— Да, наверное. — Его голос звучал все тише и тише. Совсем скоро я перестану слышать его

вообще. Какое-то время еще буду видеть, как шевелятся его губы, но не смогу разобрать ни слова.

— Можно спросить еще кое о чем?

Глупый вопрос. Мертвые всегда отвечают на заданные им вопросы, хотя надо заранее быть готовым к тому, что не все их ответы тебе понравятся.

— Да.

И я задал свой вопрос.

51

Когда я вернулся домой, мама готовила лосося по нашему с ней любимому рецепту: рыбина заворачивается во влажные бумажные полотенца и запекается в микроволновке. Трудно поверить, что еда, приготовленная так просто, может быть вкусной, но получается действительно очень вкусно.

— Ты как раз вовремя, — сказала мама. — Есть еще салат цезарь в пакете. Надо только смешать и заправить. Займешься?

— Ага. — Я достал пакет из холодильника. Из холодного шкафа.

— Не забудь вымыть листья латука. На пакете написано, что они уже мытые, но я что-то не доверяю тому, что пишут. Возьми дуршлаг.

Я взял дуршлаг, высыпал в него листья латука и подставил их под струю холодной воды.

— Я ходил к нашему старому дому на Парк-авеню, — сказал я, не глядя на маму, сосредоточившись на своем занятии.

— Почему-то я так и подумала. Он там был?

— Да. Я спросил, почему его дочь никогда его не навещала и не приехала даже на похороны. — Я выключил воду. — Она лежит в психбольнице, мам. Он говорит, что она там останется до конца своих дней. Она убила своего ребенка и пыталась покончить с собой.

Мама уже собиралась отправить лосося в микроволновку, но положила его на стол и тяжело опустилась на табуретку.

— О боже. Мона мне говорила, что ее дочь работает ассистентом в биологической лаборатории Калифорнийского технологического института. Она так ею *гордилась*.

— Профессор Беркетт сказал, у нее ката… чего-то там.

— Кататония.

— Да.

Мама смотрела на наш будущий ужин. Розовая плоть лосося просвечивала сквозь слои мокрых бумажных полотенец. Мама долго сидела в

глубокой задумчивости, а потом вертикальная морщинка у нее между бровями разгладилась.

— Значит, теперь мы знаем что-то такое, чего нам, наверное, лучше не знать. Но уже все… сделанного не воротишь. У каждого есть свои тайны, Джейми. Со временем ты сам это поймешь.

Благодаря Лиз Даттон и Кеннету Террьо я уже это понял. И мамину тайну я тоже раскрыл.

Но позже.

52

Кеннет Террьо исчез из новостей, его заменили другие чудовища. Поскольку он больше меня не преследовал, я почти перестал о нем думать. В ту осень и зиму у меня еще сохранялась привычка отходить от дверей лифта, когда они открывались, но к тому времени, как мне исполнилось четырнадцать, я избавился и от этой маленькой слабости.

Время от времени я видел и других мертвых (возможно, их было больше, просто я не сумел их распознать: они ничем не отличаются от живых, если умерли без видимых травм или если ты не подходил к ним вплотную). Об одном таком случае я расскажу, хотя он совершенно не связан с моим главным сюжетом. Это был маленький

мальчик, не старше меня самого, каким я был в тот день, когда увидел покойную миссис Беркетт. Он стоял на разделительной полосе посередине Парк-авеню, одетый в красные шорты и футболку с принтом «Звездных войн». Сам белый как мел. Губы синие. Кажется, он пытался заплакать, хотя слез не было. Его лицо показалось мне смутно знакомым, поэтому я подошел и спросил, все ли у него в порядке. Ну, кроме того, что он мертвый.

— Я не знаю, как вернуться домой!

— Ты знаешь свой адрес?

— Я живу на Второй авеню. Дом четыреста девяносто, квартира шестнадцать-би. — Он произнес это так, словно проигрывал запись.

— Ладно, — сказал я. — Это здесь, совсем рядом. Пойдем, малыш. Я тебя отведу.

Когда мы подошли к его дому, он просто сел на бордюр на краю тротуара. Он больше не плакал, и в нем уже появилась та отстраненность, которая свойственна мертвым. Мне не хотелось оставлять его одного, но я не знал, что еще можно сделать. Перед тем как уйти, я спросил, как его зовут, и он ответил: Ричард Скарлатти. Вот тогда я и вспомнил, где его видел. Его фотографию показывали в новостях на «Первом нью-йоркском». Какие-то мальчишки постарше утопили его в Лебедином

озере в Центральном парке. Эти мальчишки, заливаясь слезами, клялись, что они просто дурачились и не хотели его убивать. Может быть, так и было. Может быть, позже я научусь понимать такие вещи, хотя вряд ли.

53

К тому времени наше финансовое положение укрепилось настолько, что я мог бы запросто перейти в частную школу. Мама показывала мне буклеты школы Дальтона и «Семинарии друзей», но я решил остаться в обычной городской школе и пошел в школу имени Рузвельта, молодежную «конюшню» «Мустангов». Все было неплохо, даже очень неплохо. Это были хорошие годы для нас с мамой. Она заполучила суперкрутого клиента, писавшего книги о троллях, лесных эльфах и благородных рыцарях, отправляющихся на поиски приключений. Я вроде как завел себе девушку. Несмотря на обычное, простецкое имя, Мэри Лу Стейн была, так сказать, готичной интеллектуалкой и записной киноманкой. Не реже раза в неделю мы с ней ходили в «Анджелику», сидели на заднем ряду и читали субтитры.

Как-то раз, вскоре после моего дня рождения (я дожил до почтенного пятнадцатилетнего возрас-

та), я сидел на уроке и получил эсэмэску от мамы. Она просила зайти к ней в агентство после школы. Ничего страшного не случилось, написала она, просто есть новости, которые ей хотелось бы сообщить лично.

Когда я пришел к ней в агентство, она налила мне чашку кофе — дело не самое обычное, но и не то чтобы совсем небывалое в последнее время — и спросила, помню ли я Хесуса Эрнандеса. Я ответил, что да. Пару лет он был напарником Лиз, и пару раз мама брала меня в ресторан, когда они с Лиз обедали вместе с детективом Эрнандесом и его женой. Это было давно, но трудно забыть полицейского детектива шести футов ростом по имени Иисус, пусть даже оно произносится как *Хесус*.

— Мне нравились его дреды, — сказал я. — Очень крутые.

— Сегодня он позвонил и сказал, что Лиз все-таки выгнали из полиции. — Мама рассталась с Лиз уже очень давно, но было видно, что ей все равно грустно. — Она попалась на транспортировке наркотиков. Хесус говорит, это был героин. Большая партия героина.

Для меня это был серьезный удар. Под конец Лиз изрядно подпортила маме жизнь — про мою

жизнь я и вовсе молчу, — но все равно это была катастрофа. Я же помнил, как она щекотала меня, пока я не просил ее остановиться, потому что боялся описаться от смеха. Я помнил, как мы с Лиз и мамой втроем сидели у нас на диване перед телевизором и смешно комментировали происходящее на экране и как Лиз водила меня в зоопарк в Бронксе и купила мне конус сахарной ваты размером больше моей головы. Также я не забыл, что она спасла пятьдесят, может быть, даже сто человек, которые могли бы погибнуть, если бы взорвалась последняя бомба, заложенная Подрывником. Может быть, ее мотивы были не самыми благородными, но она тем не менее спасла людям жизни.

Мне вспомнилась мамина фраза из подслушанного мной разговора. Из того разговора, когда они с Лиз разругались уже окончательно. *Серьезный груз*.

— Но ее же не посадят в тюрьму?

— Хесус сказал, что сейчас ее выпустили под залог, но в итоге… Наверное, ее все же посадят.

— Твою мать.

Я представил Лиз в оранжевой робе, как у тех заключенных из сериала на «Нетфликсе», который иногда смотрела мама.

Мама взяла меня за руку.
— Да-да-да.

54

Через две-три недели после того разговора Лиз похитила меня. Можно сказать, что и в первый раз — с Террьо — она тоже меня похитила, но тогда это был, что называется, «мягкий отлов». Во второй раз все было всерьез. Лиз не загоняла меня в машину пинками, но все равно принудила поехать с ней. Стало быть, это было насильственное похищение, пусть и без применения физической силы.

Я возвращался домой с тренировки. Я состоял в школьной команде по теннису, и у нас началась серия тренировочных матчей (наш тренер по каким-то дурацким причинам называл их «предварительными заплывами»). Я нес рюкзак за спиной, сумку со спортивной формой держал в руке. По дороге к автобусной остановке я мельком увидел какую-то женщину. Она стояла, прислонившись к старой обшарпанной «тойоте», и таращилась в свой телефон. Я прошел мимо, не глядя. Мне даже в голову не пришло, что эта костлявая тетка — худая как щепка, с соломенно-светлыми волосами, рассыпавшимися по

воротнику расстегнутого драпового полупальто, в бесформенной серой толстовке и мешковатых джинсах, прикрывавших потертые ковбойские сапоги, — может быть бывшей маминой подругой. Бывшая мамина подруга носила элегантные женские брюки темных цветов и шелковые блузки с глубоким вырезом. Бывшая мамина подруга ходила с гладко зачесанными волосами, собранными на затылке в короткий хвост. Бывшая мамина подруга выглядела здоровой.

— Эй, Чемпион, даже не скажешь «привет» старой знакомой?

Я остановился и обернулся. В первый миг я ее не узнал. Лицо бледное и осунувшееся. На лбу — россыпь прыщей, не тронутых тональным кремом. Все округлости и изгибы, которыми я восхищался еще в нежном возрасте — восхищался, понятное дело, по-детски — сошли на нет. Под мешковатой толстовкой остался лишь слабый намек на когда-то роскошную грудь. Она похудела фунтов на сорок, если не на все пятьдесят, и выглядела на двадцать лет старше.

— Лиз?

— И никто иной. — Она улыбнулась и тут же вытерла нос ладонью, заслонив улыбку рукой. *Она под кайфом,* подумал я. *Под наркотой.*

— Как у вас дела?

Не самый умный вопрос, понимаю, но ничего другого мне в голову не пришло. И еще я старался не подходить к ней слишком близко и держался на безопасном, по моему мнению, расстоянии, чтобы успеть убежать, если она попытается что-нибудь выкинуть. Такой вариант вовсе не исключался, потому что она выглядела *невменяемой*. Не как актриса, играющая наркоманку в телесериале, а как самая настоящая наркоманка из тех, что балдеют на лавочках в парках или в подъездах заброшенных зданий. Сейчас в этом смысле в Нью-Йорке стало получше, но бродящие по улицам наркоманы все равно остаются неотъемлемой частью городского пейзажа.

— А как я выгляжу? — Она рассмеялась, но очень невесело. — Можешь не отвечать. Но слушай, когда-то и мы совершили хорошее дело. Я получила лишь малую толику той благодарности, которую заслужила, но хрен бы с ним. Мы спасли людям жизнь.

Я вспомнил все, что мне пришлось из-за нее пережить. И дело не только в Террьо. Она испортила жизнь и моей маме тоже. Лиз Даттон изрядно испортила жизнь нам обоим, а теперь вдруг появилась опять как ни в чем не бывало.

Нежданно-негаданно: здрасьте, вот она я! Я рассвирепел.

— Вы не заслужили *вообще никакой* благодарности. Это я заставил его говорить. За что мне пришлось дорого заплатить. Вы не знаете, да вам и не надо этого знать.

Она вскинула голову.

— Почему же не надо? Расскажи мне, Чемпион, как дорого ты заплатил. Хотя дай-ка я угадаю. Две-три ночи кошмаров о дыре у него в голове? Это ты еще не видел три поджаренных трупа в сгоревшем автомобиле, причем один из них — совсем малыш в детском кресле. Тогда ты бы знал, что такое настоящий кошмар. Так что ты там говорил о расплате?

— Ладно, проехали, — сказал я и пошел прочь.

Резко вытянув руку, Лиз схватилась за лямку моей спортивной сумки.

— Погоди, Чемпион. Мне снова нужна твоя помощь, так что давай-ка по коням. В смысле, садись в машину.

— Нет. И отпустите мою сумку.

Она продолжала держать, и я дернул сумку к себе. От прежней Лиз не осталось почти ничего, и она, не устояв на ногах, грохнулась на колени, тихо вскрикнула и выпустила лямку.

Проходивший мимо мужчина остановился и посмотрел на меня тем особым взглядом, которым взрослые награждают ребенка, когда он делает что-то плохое.

— С женщинами так нельзя обращаться, сынок.

— Отвали, — рявкнула на него Лиз, поднимаясь на ноги. — Я из полиции.

— Как скажете, мэм, — пробормотал он и пошел дальше своей дорогой. И ни разу не оглянулся.

— Вы больше не служите в полиции, — сказал я, — и я никуда с вами не поеду. Я вообще не хочу с вами общаться, так что оставьте меня в покое. — Но я все равно чувствовал себя виноватым, потому что так грубо выдернул у нее сумку и заставил ее упасть. Я хорошо помнил, как она ползала на коленях у нас в гостиной, когда играла со мной в машинки. Я пытался убедить себя, что это было совсем в другой жизни, но у меня ничего не вышло, потому что нет никакой другой жизни. Есть только одна моя жизнь.

— И все-таки ты поедешь со мной. Если, конечно, не хочешь, чтобы весь мир узнал, кто в действительности написал последнюю книгу Риджиса Томаса. Могучий бестселлер, так вовремя спасший Ти от банкротства. *Посмертный*

бестселлер.

— Вы не станете этого делать. — Когда прошло первое потрясение от услышанного, я добавил уже спокойнее: — У вас все равно ничего не получится. Будет ваше слово против маминого. Слово бывшего полицейского, уволенного со службы за торговлю наркотиками. И, судя по вашему виду, еще и законченной наркоманки. Вам никто не поверит!

Лиз уже убрала телефон в карман, а теперь достала.

— Не только Тия вела аудиозапись в тот день. Вот послушай.

Она включила воспроизведение, и у меня внутри все оборвалось. Это был мой собственный голос — совсем еще детский, но все-таки мой, — и я говорил маме, что Пьюрити нашла ключ, который так долго искала, под гнилым пнем на тропинке к озеру Роанок.

Мама: «Как она поняла, под каким именно пнем?»

Пауза.

Я: «Мартин Бетанкорт пометил его крестом».

Мама: «Что она сделала с ключом?»

Пауза.

Я: «Отнесла его к Ханне Ройден. Они вместе

пошли на болото и отыскали пещеру».

Мама: «Ханна все-таки сотворила поисковый огонь? Из-за которого ее чуть не повесили как ведьму?»

Пауза.

Я: «Да. И он говорит, что Джордж Треджил тайком увязался за ними. И что, глядя на Ханну, Джордж распалился до мощной эрекции. А что это, мам?»

Мама: «Это не важ…»

Лиз выключила запись.

— Это только кусочек из всего, что у меня записано. Не весь разговор от начала и до конца, но где-то час записи точно есть. Вполне достаточно, чтобы понять, что происходит: ты пересказываешь своей маме сюжет книги, которую написала *она сама*. И главным участником этой истории получаешься *ты*, Чемпион. Джеймс Конклин, мальчик-медиум.

Я стоял сгорбившись и смотрел на нее.

— Почему вы не включили мне эту запись еще тогда? Когда мы искали Террьо?

Она посмотрела на меня как на дурачка. Наверное, я и был дурачком.

— Тогда в этом не было необходимости. Ты был славным ребенком, который хотел сделать

доброе, нужное дело. Сейчас тебе пятнадцать, ты достаточно взрослый, чтобы ерничать и говниться. Как подросток имеешь полное право, но сейчас речь не об этом. Сейчас вопрос стоит так: либо ты едешь со мной, либо я прямо сегодня звоню знакомому репортеру из «Нью-Йорк пост» и передаю ему материалы для сенсационной истории о владелице литературного агентства, которая пошла на подлог и сама написала книгу, представив ее как последний роман своего покойного клиента. И в этом ей помогал ее сын, наделенный экстрасенсорными способностями.

— Куда мы поедем?

— Пока это секрет, Чемпион. Скоро ты сам все узнаешь.

Кажется, у меня не было выбора.

— Хорошо. Но с одним условием. Не называйте меня Чемпионом, как будто я конь.

— Лады, Чемпион. — Она улыбнулась. — Шучу-шучу. Садись в машину, Джейми.

Я сел в машину.

55

— С кем из мертвых мне надо беседовать на этот раз? Кем бы он ни был и что бы он ни сообщил, вряд ли это спасет вас от тюрьмы.

— Я не собираюсь садиться в тюрьму, — сказала Лиз. — Наверняка мне не понравится, как там кормят, не говоря уже о тамошнем обществе.

Мы проехали указатель на мост Куомо, который ньюйоркцы до сих пор называют мостом Таппан-Зи. Мне это не понравилось.

— Куда мы едем?

— В Ренфилд.

Единственный известный мне Ренфилд был персонажем «Дракулы» и ел мух.

— Это где? Где-то у Тарритауна?

— Нет. Это маленький городок к северу от Нью-Палца. Часа два-три пути, так что расслабься и наслаждайся поездкой.

Я уставился на нее даже не с беспокойством, а почти с ужасом:

— Вы серьезно?! Мне надо быть дома *к ужину*!

— Похоже, сегодня Тие придется ужинать в одиночестве. — Лиз вынула из кармана пальто маленькую стеклянную бутылочку наподобие аптекарских пузырьков с каким-то беловато-желтым порошком внутри. Она отвинтила крышку одной рукой, сыпанула чуть-чуть порошка на тыльную сторону ладони — прямо на руку, державшую руль, — и быстро втянула носом. Потом завинтила крышку, по-прежнему ловко справ-

ляясь одной рукой, и убрала пузырек в карман. Все было проделано с легкостью и сноровкой, говорившей о большом опыте.

Лиз увидела мое лицо и улыбнулась. Ее глаза заблестели.

— Ты ни разу не видел, как это делается? Ты живешь как отшельник, Джейми.

Я видел, как мои приятели курят траву, и даже сам ее пробовал, но тяжелые вещества? Нет. Однажды мне предложили угоститься экстази на школьной дискотеке, но я отказался.

Она снова вытерла нос ладонью. Не самое приятное зрелище.

— Я бы тебя угостила. Я считаю, что надо делиться. Но это особая смесь моего собственного изобретения: кокаин с героином в пропорции два к одному, плюс капелька фентанила. У меня уже выработалась устойчивость. А тебе снесет крышу.

Уж не знаю, какая там у нее выработалась устойчивость. Даже мне сразу стало ясно, когда ее вштырило. Она села прямее и заговорила быстрее. Хорошо хоть машину она вела ровно и соблюдала ограничение скорости.

— Это все из-за твоей мамы. Много лет я всего лишь возила товар из пункта А — обычно от

лодочной станции на Семьдесят девятой улице либо из аэропорта Стюарт — в пункт Б, который мог находиться в любой точке города. Сперва это был в основном кокаин, но все изменилось с появлением оксиконтина. Убойная штука. Народ подсел на него конкретно, причем стремительно. В смысле, *хлобысь*, и ага. Даже если врачи не выписывали рецепты, его можно было купить на улице. Потом цены взлетели, и народ просек, что медицинские препараты вставляют не хуже и обходятся даже дешевле. Все перешли на пилюльки. Тот дядька, с которым нам надо поговорить, как раз ими и занимался.

— Тот, который уже мертвый.

Лиз нахмурилась.

— Не перебивай меня, детка. Ты спросил, я тебе отвечаю.

Вроде бы я ни о чем таком не спрашивал — спросил только, куда мы едем, — но я не стал ничего говорить. Я пытался перебороть страх. У меня даже чуть-чуть получалось, ведь все-таки это была Лиз. Но получалось и вправду только чуть-чуть, потому что это была совершенно не та Лиз, которую я знал.

— Не употребляй то, что сам продаешь. Это главная заповедь. Но когда Тия меня прогнала, я

начала понемножечку принимать. Просто чтобы отогнать депрессию. Сперва понемножку, потом помножку. И в какой-то момент стало ясно, что я уже употребляю вовсю.

— Мама выгнала вас потому, что вы принесли наркотики к нам в дом, — сказал я. — Вы сами во всем виноваты. — Наверное, мне стоило промолчать, но я просто не смог удержаться. Меня взбесило, что Лиз пыталась свалить вину за все свои беды на мою маму. Впрочем, Лиз меня вроде бы и не услышала.

— Но скажу тебе вот что, Чемпи… Джейми. Я никогда не гоняла по вене. — Она произнесла эту фразу с какой-то вызывающей гордостью. — Никогда в жизни. Пока только нюхаешь, еще есть шанс соскочить. Стоит лишь раз уколоться, и все. Пиши пропало.

— У вас кровь из носа идет.

Всего лишь тонкая струйка в желобке между носом и верхней губой.

— Да? Спасибо. — Она снова вытерла нос ладонью и на секунду повернулась ко мне. — Я все убрала?

— Ага. Смотрите на дорогу, не отвлекайтесь.

— Есть, сэр. Будет сделано, мистер Ценный Советчик, — сказала она, и в ней промелькнуло

что-то от прежней Лиз. Буквально на долю секунды. Это не разбило мне сердце, но оно все равно сжалось.

Так мы и ехали. Машин на дороге было не слишком много для второй половины буднего дня. Я думал о маме. Она еще не вернулась с работы, но скоро вернется. Сначала она не будет волноваться вообще. Потом начнет потихонечку волноваться. А затем разволнуется уже всерьез.

— Можно, я позвоню маме? Я не скажу ей, где я сейчас. Просто скажу, что со мной все в порядке.

— Да, конечно, звони.

Я достал телефон из кармана — и тут же с ним распрощался. Лиз выхватила его у меня из руки со скоростью ящерицы, охотящейся на жука. Я даже толком не понял, что происходит: Лиз открыла водительское окно и выкинула телефон на дорогу.

— Эй, вы чего? — крикнул я. — Этой мой телефон!

— Хорошо, что ты мне напомнил. — Мы уже приближались к съезду на скоростное шоссе I-87. — Я совершенно забыла. Не зря говорят, что наркота отшибает мозги. — Тут она рассмеялась.

Я ударил ее кулаком в плечо. Машина вильнула, но тут же выправилась. Кто-то нам посигналил.

Лиз опять повернулась ко мне, и теперь она уже не улыбалась. Я подумал, что, наверное, именно с таким лицом она зачитывала арестованным их права. Когда еще служила в полиции.

— Ударишь меня еще раз, Джейми, и я дам тебе сдачи. Так врежу по яйцам, что тебя точно вывернет наизнанку. Придется потом мыть машину, но старушке уже не впервой. Кто только здесь не блевал.

— Вы за рулем. У вас не получится со мной драться.

Она улыбнулась, чуть обнажив зубы.

— Хочешь проверить, получится или нет?

Я не стал проверять. Я сидел, и не рыпался, и не делал вообще ничего, даже (если вам интересно) не звал на помощь Террьо — вернее, поселившуюся в нем *тварь*, хотя по идее теперь она подчинялась моим приказам. «Я свистну — меня не заставишь ты ждать». Помните, да? Если честно, я просто о ней не подумал. Совершенно забыл, как Лиз поначалу забыла про мой телефон, и это при том, что мои-то мозги наркотой не отшибло. Хотя, наверное, я бы не стал ее звать, даже если бы вспомнил. Потому что кто знает, что было бы дальше. Вдруг она и вправду явилась бы на зов? И тогда… ну… Как бы я ни боялся Лиз Даттон, этой

твари из мертвого света я боялся гораздо сильнее. Слова профессора Беркетта накрепко врезались мне в память: *Смерть, потеря рассудка или полное уничтожение души.*

— Сам подумай, малыш. Если бы ты позвонил и сказал, что у тебя все в порядке, но ты решил прокатиться за город со своей старой подругой Лиззи Даттон, что бы на это ответила твоя мама? «Да, Джейми, конечно. Только пусть она купит тебе поесть»?

Я ничего не сказал.

— Она позвонит в полицию. Но это еще полбеды. Надо было сразу избавиться от твоего телефона, потому что она может его отследить.

У меня глаза полезли на лоб.

– *Хрена с два* она может его отследить!

Лиз опять улыбнулась, не сводя глаз с дороги. Она немного ускорилась, чтобы обогнать фуру с двойным прицепом.

— Она поставила приложение для отслеживания на твой первый телефон, который купила, когда тебе было десять. Я ей подсказала, как скрыть приложение, чтобы ты его не нашел и не взбесился.

— У меня уже два года другой телефон, — пробормотал я. Глаза защипало от слез, я сам не знал

почему. Я себя чувствовал… даже не знаю, как это назвать. Хотя нет, подождите. Кажется, знаю. *Понесшим двойной убыток*. Да, я себя чувствовал именно так: понесшим двойной убыток.

— Думаешь, она не поставила приложение для отслеживания на твой новый телефон? — Лиз издала хриплый смешок. — Ты серьезно? Ты ее единственная отрада и свет в окошке, ее маленький принц. Она будет отслеживать свою деточку и через десять лет, когда ты сам будешь женат и станешь менять подгузники своему первенцу.

— Чертова лгунья, — сказал я, но вполголоса и обращаясь к собственным коленям.

Как только мы выехали из города, Лиз нюхнула еще одну дозу своей фирменной смеси. Ее движения были такими же четкими и отработанными, как и в прошлый раз, но теперь машина чуть-чуть вильнула, и сзади опять возмущенно просигналили. Я подумал, что если так пойдет дальше, нас наверняка остановит полиция, и сначала мне показалось, что это будет здорово, кошмар закончится, но потом я засомневался. В ее нынешнем взвинченном состоянии Лиз могла попытаться уйти от погони и в итоге убить нас обоих. Я вспомнил велосипедиста, погибшего в Центральном парке. Кто-то накрыл курткой его

голову и верхнюю половину тела, чтобы уберечь прохожих от жуткого зрелища, но я-то все видел.

Лиз вновь оживилась.

— Из тебя получился бы крутой детектив, Джейми. С твоими способностями ты стал бы звездой первой величины. От тебя не ушел бы ни один убийца, потому что ты можешь говорить с жертвами.

Я и сам тоже об этом думал. Джеймс Конклин, детектив в помощь мертвым. Или, может быть, просто «для мертвых». Я так и не решил, что звучит лучше.

— Только не в Департаменте полиции Нью-Йорка, — продолжала Лиз. — Департамент полиции идет в задницу. Тебе надо открыть свое частное агентство. Я уже вижу на двери табличку с твоим именем. — Она оторвала обе руки от руля и изобразила пальцами рамочку для таблички.

Нам опять посигналили.

— Вы ведете чертову машину, вот и ведите, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал не слишком встревоженно. Получилось, наверное, неубедительно, потому что я *очень* тревожился.

— За меня не волнуйся, Чемпион. Я успела забыть о вождении больше, чем ты когда-либо узнаешь.

— У вас снова идет кровь из носа, — сказал я.

Она вытерла нос ладонью, а ладонь вытерла о толстовку. Не в первый раз, судя по виду толстовки.

— Перегородка убита в хлам, — сказала Лиз. — Я потом подлечусь. Когда завяжу с веществами.

После этого мы надолго замолчали.

56

Когда мы выехали на автостраду, Лиз опять угостилась своей фирменной смесью. Тут можно было бы написать, что я испугался уже всерьез, но этот этап был давно пройден.

— Хочешь узнать, как дошло до того, что теперь мы с тобой, Холмс и Ватсон, отправляемся в очередное приключение?

«Приключение» — отнюдь не то слово, которое выбрал бы я, но я не стал этого говорить.

— По лицу вижу, не хочешь. И это нормально. История долгая и не особенно интересная. Но скажу тебе вот что: в детстве никто не мечтает стать бомжом, школьным завхозом или продажным копом. Или работать мусорщиком в округе Уэстчестер, как муж моей сестры. — Она рассмеялась, хотя я не понял, что смешного в профессии мусорщика. — А вот что тебе *может быть* ин-

тересно. Я возила товар из пункта А в пункт Б, и мне за это платили, но та партия, которую твоя мама нашла у меня в кармане, была подарком для друга. Вот такая ирония судьбы. К тому времени наш отдел внутренних расследований уже держал меня на примете. Они не были твердо уверены, но уже подбирались вплотную. Я до смерти испугалась, что Ти меня сдаст. Вот тогда бы и надо было соскочить, но я уже не могла. — Она на секунду задумалась. — Или не захотела. Я сама толком не помню. Но мне вспоминается, что однажды сказал Чет Аткинс. Ты знаешь, кто такой Чет Аткинс?

Я покачал головой.

— Быстро же забывают великих. Погугли, когда вернешься домой. Это был выдающийся гитарист, под стать Клэптону и Нопфлеру. Он говорил, что вообще не умеет настраивать гитару. «К тому времени, когда я осознал, что настройщик из меня никакой, я был уже слишком богат, чтобы бросить». То же самое можно сказать обо мне и моей курьерской деятельности. И скажу тебе еще кое-что, раз уж нам все равно надо скоротать время в дороге. Думаешь, твоя мама была единственной, кто пострадал, когда экономика накрылась в две тысячи восьмом? Далеко не единственной. У

меня был пакет акций — хоть и тощий пакетик, зато весь мой, — и все вылетело в трубу.

Она пошла на обгон очередной фуры с двойным прицепом, не забывая включать поворотники, когда перестраивалась с одной полосы на другую. Памятуя о том, сколько она употребила наркотиков только за время поездки, я был изумлен. И благодарен. Мне не хотелось куда-то с ней ехать, но еще больше мне не хотелось вместе с ней умереть.

— Хуже всего пришлось моей сестре Бесс. Она вышла замуж за парня, который работал в одном из крупнейших инвестиционных банков. Ты, наверное, не слышал о «Беар Стернс», как не слышал о Чете Аткинсе?

Я не знал, что лучше сделать: то ли кивнуть, то ли покачать головой, — и не стал делать вообще ничего.

— Дэнни… муж моей сестры, который теперь специализируется на утилизации отходов… был всего лишь младшим клерком в «Беар Стернс», когда Бесс вышла за него замуж, но у него были хорошие перспективы. Как поется в одной старой песне, его ждало такое блестящее будущее, что впору было надеть солнцезащитные очки. Они купили дом в Такахо. Им пришлось взять

ипотеку с высокой ставкой, но все их уверяли — и я в том числе, чтоб мне провалиться, — что цена на недвижимость будет только расти. Как и фондовый рынок. Они наняли няню ребенку. Оплатили членство в местном загородном клубе. Они жили не по средствам? Да! Бесс смотрела свысока на мои жалкие семьдесят тысяч в год? Уж будь уверен. Но знаешь, что говорил мой отец?

Я подумал: *Откуда бы мне это знать?*

— Он говорил, что не надо пытаться обогнать свою тень, потому что иначе рискуешь упасть лицом в грязь. Дэнни с Бесс уже собирались построить во дворе бассейн, и тут все рухнуло. Банк «Беар Стернс» специализировался на ипотечном кредитовании, и все их ценные бумаги вмиг превратились в простые бумажки.

Лиз умолкла и надолго задумалась. Мы проехали указатель: «НЬЮ-ПАЛЦ 59, ПОКИПСИ 70, РЕНФИЛД 78». Ехать до пункта нашего назначения оставалось чуть больше часа, и при одной только мысли об этом у меня по спине побежали мурашки. Из всех фильмов ужасов, что я видел, «Пункт назначения» был в числе самых жутких. Не таким страшным, как серия фильмов «Пила», но все равно охренительно мрачным.

— «Беар Стернс», как и многие другие инвести-

ционные компании, приказал долго жить. Их акции, еще на прошлой неделе продававшиеся по сто семьдесят долларов, вдруг упали до десяти баксов за штуку. «Джей Пи Морган Чейс» скупил все по дешевке. Так сказать, подобрал осколки. Высшее руководство, понятно, не пострадало, уж они-то умеют устроиться. Пострадали простые сотрудники. Посмотри на «Ютьюбе», Джейми, как потерявшие работу сотрудники банков валом валят из офисных зданий, унося свои рухнувшие карьеры в картонных коробках. В их числе был и Дэнни Миллер. Не прошло и полугода с тех пор, как он получил членство в загородном клубе «Зеленые холмы», а ему пришлось сесть за руль зеленой мусорной машины. И это ему еще повезло. А что касается их ипотечного дома… Знаешь, что значит отрицательная разность между стоимостью обеспечения и кредитной задолженностью?

Как ни странно, но я это знал.

— Они остались должны банку больше, чем стоил сам дом.

— Молодец, Чемпи… Джейми. Садись, пять. Но это было их единственное имущество, и потом, Бесс, Дэнни и моей племяннице Франсин надо было где-то жить. Бесс говорила, что кому-то из ее

подруг пришлось поселиться в доме-автоприцепе. И кто, по-твоему, примчался на белом коне и помогал им выплачивать ипотеку за дорогущий дом с четырьмя спальнями?

— Наверное, вы.

— Именно. Вот тогда-то Бесс и перестала смотреть свысока на мои семьдесят тысяч в год. Но смогла бы я помогать сестре только с зарплаты, даже при всех сверхурочных? Нет, не смогла бы. Подрабатывая охранником в ночных клубах? Снова нет. Но я заводила знакомства, приобретала полезные связи, получала различные предложения. Определенные сферы деятельности устоят при любом кризисе. Например, ритуальные услуги. Коллекторский и ростовщический бизнес. Продажа спиртных напитков. И наркоторговля. Потому что и в добрые, и в недобрые времена людям хочется кайфа. И да, скажу честно, мне нравятся дорогие красивые вещи. И извиняться за это пристрастие я уж точно не собираюсь. Меня радуют красивые вещи, и я считаю, что заслужила хоть какую-то радость. Я помогала сестре сохранить крышу над головой, хотя Бесс гнобила меня столько лет, потому что она красивее, умнее и училась в университете, а не в муниципальном колледже, как я. И потому что она *гетеро*. — Это

слово Лиз чуть ли не прорычала.

— А что случилось? — спросил я. — Как вы потеряли работу?

— Отдел внутренних расследований подловил меня на обязательном анализе мочи, к которому я была не готова. Не то чтобы они не знали с самого начала, но меня не могли просто так выгнать со службы после моего участия в деле Террьо. Получилось бы нехорошо. Поэтому они выждали какое-то время, и это, наверное, было умно, а потом прижали меня к стенке… или думали, что прижали… и попытались перевербовать. Обвесить «жучками» и заслать, так сказать. Прямо как в «Серпико». Но есть одна старая народная мудрость: стукачи кончают свою жизнь в канаве. И они не знали, что у меня есть туз в рукаве.

— Какой туз? — спросил я.

Да, считайте меня дурачком, но я и вправду не понял, о чем она говорит.

— Ты, Джейми. Ты мой козырной туз. И уже после Террьо я знала, что когда-нибудь мне придется его разыграть.

57

Мы проехали весь Ренфилд насквозь. Видимо, большую часть тамошнего населения составля-

ли студенты, если судить по количеству баров, книжных магазинов и ресторанов быстрого питания, расположенных на единственной главной улице. Сразу за городом дорога сворачивала на запад, в горы Катскилл. Примерно через три мили Лиз свернула на площадку для пикников с видом на реку Уоллкилл и заглушила двигатель. Кроме нас, там больше никого не было. Лиз достала свой пузырек с особой смесью, секунду подумала и убрала пузырек обратно в карман. Ее пальто распахнулось, и я увидел еще больше пятен засохшей крови на серой толстовке. Мне сразу вспомнились ее слова об убитой в хлам носовой перегородке. Мысли о порошке, разъедавшем ее изнутри, были страшнее, чем любой «Пункт назначения» или «Пила», потому что это происходило на самом деле.

— Пора ввести тебя в курс дела, малыш. Тебе надо знать, чего ожидать и чего я жду от тебя. Вряд ли мы расстанемся друзьями, но, может быть, нам удастся расстаться относительно по-хорошему.

Что-то я сомневаюсь. Вот еще одна мысль, которую я не высказал вслух.

— Если хочешь понять, как все устроено в наркобизнесе, смотри «Прослушку». Там действие происходит в Балтиморе, а не в Нью-Йорке, но от

места действия суть не меняется. Это пирамида, как и любая организация, где крутятся большие деньги. В самом низу пирамиды стоят толкачи, уличные торговцы. Обычно это совсем молодые ребята. Если кто-то из них попадется, его судят как несовершеннолетнего. Сегодня ты на суде по семейным делам, завтра снова на улице. Торговцы постарше и рангом повыше работают в клубах — где меня и завербовали, — над ними стоят толстосумы, которые закупают большие партии по оптовым ценам. — Она рассмеялась, и я снова не понял, чего здесь смешного. — Еще выше стоят поставщики, младшая администрация, бухгалтера и юристы, а на самом верху — уже самые большие боссы. Все уровни пирамиды изолированы друг от друга, во всяком случае, так должно быть в идеале. Те, кто в самом низу, знают только свое непосредственное начальство. Те, кто находится посередине, знают всех, кто под ними, но из вышестоящих знают лишь тех, кто на уровень выше. Со мной было иначе. Я была за пределами пирамиды. За пределами… э… иерархии.

— Потому что вы были курьером. Как в том фильме с Джейсоном Стэйтемом.

— Да, типа того. По идее курьер должен знать только двух человек: того, у кого забирает товар

в пункте А, и того, кому отдает товар в пункте Б. Получатели в пункте Б, крупные оптовики, уже сами спускают товар вниз по уровням пирамиды вплоть до конечного пункта назначения, то есть до потребителя.

Вот опять пункт назначения. Меня явно преследовала эта фраза.

— Однако, будучи полицейским — пусть продажным, но все-таки полицейским, — я наблюдаю и делаю выводы. Я не задаю много вопросов, поскольку это опасно, но я внимательно слушаю. У меня есть… в смысле, был… доступ к базам данных Департамента полиции Нью-Йорка и Управления по борьбе с наркотиками. Было не так уж сложно отследить всю пирамиду до самого верха. Есть около дюжины крупных поставщиков, снабжающих наркотой и Нью-Йорк, и всю Новую Англию, но тот, на кого я работала, живет здесь, в Ренфилде. Или правильнее сказать, жил. Его зовут Дональд Марсден, и когда он заполнял налоговую декларацию, то в графе «Прежний род занятий» писал *застройщик*, а в графе «Нынешний род занятий» — *пенсионер*. Типа, человек вышел на пенсию, отошел от дел. И таки да, отошел.

Правильнее сказать, жил. Отошел от дел.

Кажется, повторялась история с Кеннетом Террьо.

— Мальчик все понимает, — сказала Лиз. — Поразительно. Ты не против, если я закурю? А то, знаешь ли, тянет нюхнуть, но пока все не закончится, лучше не надо. Потерплю, а потом уж побалую себя двойной дозой. Повышу себе кровяное давление, так чтобы зашкалило.

Она закурила, не дожидаясь моего разрешения. Но хотя бы открыла окно, чтобы дым выходил наружу. Хоть как-нибудь.

— Донни Марсден был известен среди коллег… среди его *банды*… как Большой Донни, и неспроста. Такой был жирный боров, прошу прощения за неполиткорректность. Куда там какие-то жалкие триста фунтов, бери все четыреста двадцать пять[12]. В общем, он сам напросился — и вчера получил. Кровоизлияние в мозг. Вышибло ему мозги без всякого пистолета.

Она глубоко затянулась и выдохнула дым в окно. На улице было еще светло, но тени уже удлинялись. Скоро начнет смеркаться.

— За неделю до его безвременной кончины я получила известие от двух моих старых контактов

---

[12] Примечания: 12
136 и 193 кг соответственно.

— ребят из пункта Б, с которыми у меня сохранились приятельские отношения. Мне сообщили, что Донни получил из Китая партию товара. *Огромную* партию, как мне сказали. Не порошок, а таблетки. Аналог оксиконтина. Большая партия для Большого Донни. Может быть, своего рода бонус. Но это только моя догадка, потому что у пирамиды на самом деле нет никакой верхушки, Джейми. На каждого босса всегда есть свой босс.

Мне вспомнился стишок, который я слышал от мамы и дяди Гарри. Как я понимаю, они его выучили еще в детстве, и дядя Гарри помнил его, даже когда позабыл многие важные вещи. *И произвел переполох тот факт, что блохи есть у блох. И обнаружил микроскоп, что на клопе бывает клоп, питающийся паразитом, на нем — другой, ad infinitum*[13]. Наверное, когда-нибудь я расскажу этот стишок своим детям. При условии, что доживу до того времени, когда у меня будут дети.

— *Таблетки, Джейми! Таблетки!* — Меня напугала ее лихорадочная восторженность. Было в ней что-то жуткое. — Легко перевозить, легко продавать! *Огромная* партия может означать две

---

[13] Примечания: 13

До бесконечности (*лат.*). Отрывок из стихотворения «Критики» Джонатана Свифта в переводе С. Маршака.

или три тысячи штук, может быть, десять тысяч. И Рико — один из моих старых знакомцев из пункта Б — говорит, что это сороковки. Знаешь, почем такие пилюльки уходят в розницу? Хотя откуда тебе знать. По восемьдесят долларов за штуку. И можно не париться и не стрематься, перевозя героин в мусорных мешках. Набил чемодан — и спокойно езжай.

Она выпустила изо рта струйку дыма и принялась наблюдать, как он плывет к ограждению с табличкой: «НЕ ПОДХОДИТЬ К КРАЮ ОБРЫВА».

— Мы заберем эти таблетки, Джейми. Ты узнаешь, где он их прячет. Мои приятели попросили взять их в долю, если я раздобуду пилюльки, и я, конечно, сказала «да», но это только моя сделка. К тому же, может быть, там и не будет десяти тысяч. Может, там будет всего восемь тысяч. Или вообще восемьсот. — Она на секунду задумалась и покачала головой. Словно спорила сама с собой. — Нет, должна быть как минимум пара тысяч. Вряд ли меньше двух. А скорее всего больше. Премия для Донни за отличную работу по снабжению нью-йоркских клиентов. Но если начнешь делиться, то для себя ничего не останется, а себя обижают только идиоты. А я, знаешь ли, не идиотка. Да, у меня есть небольшая зависимость, но это не

значит, что я идиотка. Знаешь, что я собираюсь сделать, Джейми?

Я покачал головой.

— Я уеду на Западное побережье. Исчезну отсюда навсегда. Новая одежда, новый цвет волос, новая я. Найду там кого-то, кто купит у меня окси. Возможно, я не срублю по восемьдесят за пилюльку, но все равно получу очень достойную сумму, потому что на окси есть спрос, а китайский аналог ничем не хуже оригинала. Потом я себе выправлю новые документы и обрету новую личность в дополнение к новой одежде и цвету волос. Сдамся в клинику, вылечусь от зависимости. Найду работу, может быть, подыщу что-то такое, где у меня будет возможность искупить грехи прошлого. Покаяние и искупление, как оно называется у католиков. Как тебе такой план?

Голубые мечты, подумал я.

Видимо, это отразилось у меня на лице, потому что радостная улыбка Лиз сразу скисла.

— Ты мне не веришь? Ну, ладно. Погоди и увидишь.

— Я не хочу ничего видеть, — сказал я. — Не хочу больше вас видеть вообще никогда.

Лиз подняла руку, и я вжался в сиденье, решив, что она собирается меня ударить, но она только

вздохнула и снова вытерла нос ладонью.

— И тебя можно понять. Так что давай поскорее сделаем дело. Сейчас мы поедем к нему домой — его дом последний на Ренфилд-роуд, стоит на отшибе в гордом одиночестве, — и ты спросишь, где он прячет таблетки. Скорее всего в личном сейфе. Если моя догадка верна, пусть он назовет код. Ему придется сказать тебе код, потому что мертвые не могут врать.

— Я не уверен, могут или нет, — легко соврал я, поскольку был еще жив. — Я не так много общался с мертвыми. Обычно я вообще с ними не разговариваю. Зачем бы мне с ними общаться? Они же мертвые.

— Но ведь Террьо сказал тебе, где была бомба, хотя не хотел говорить.

Возразить было нечего, но оставалась еще и другая возможность.

— А вдруг он не дома? Может быть, он сейчас там, куда увезли его тело? Или… даже не знаю… может быть, он навещает родителей во Флориде. Может быть, мертвые могут телепортироваться куда угодно.

Я думал, что эти соображения поколеблют ее решимость, но она ни капельки не огорчилась.

— Томас был дома, так?

— Это не значит, что они *все* остаются дома, Лиз!

— Я не сомневаюсь, что Марсден будет дома. — Она говорила очень уверенно. Она не понимала, что мертвые непредсказуемы. — Давай сделаем дело. А потом я исполню твое самое заветное желание. Ты никогда больше меня не увидишь.

Она произнесла это с грустью, словно я должен был ее пожалеть. Но я не чувствовал никакой жалости. Я чувствовал только страх.

58

Дорога шла в гору серией плавных S-образных поворотов. Поначалу вдоль трассы стояли отдельные дома, но их было немного, и расстояние между ними становилось все больше и больше. Придорожный лес сделался гуще, тени деревьев сливались друг с другом, и поэтому казалось, что уже наступил вечер.

— Сколько таких, как ты думаешь? — спросила Лиз.

— Э?

— Таких, как ты. Людей, которые видят мертвых.

— Откуда мне знать?

— Ты никого не встречал?

— Нет, но обычно это не тема для разговоров. В смысле, люди, как правило, не обращаются к новым знакомым с вопросом: «Слушай, а ты видишь мертвых?»

— Да, наверное. Интересно, откуда у тебя такая способность. Точно не от матери. — Она произнесла это так, будто речь шла о цвете моих глаз или о моих кудрявых волосах. — Может быть, от отца.

— Я не знаю, кто мой отец. Кем он был. И вообще. — Мне было неловко говорить об отце, может быть, потому, что мама о нем никогда не рассказывала и в принципе не желала о нем говорить.

— Ты ни разу не спрашивал?

— Конечно, я спрашивал. Она не отвечает. — Я повернулся к Лиз. — А вам она что-нибудь говорила… о нем?

— Ничего. Я тоже спрашивала, и не раз. В ответ — глухая стена. Что, кстати, совсем не похоже на Ти.

Выше по склону повороты сделались заметно круче. Река Уоллкилл осталась далеко внизу и блестела в лучах заходящего солнца. Дело близилось к вечеру. Свои часы я оставил дома, а часы на приборной панели показывали четверть девятого, то есть явно были неисправны. Доро-

га тем временем становилась все хуже и хуже. Сплошные выбоины и ухабы, так что машину изрядно трясло.

— Может быть, она была пьяная и не помнит. Или, может, ее изнасиловали, — сказала Лиз. Ничего подобного мне самому никогда в голову не приходило, я невольно отпрянул и вжался в сиденье. — И не делай такое лицо. Это только мои догадки. Ты уже достаточно взрослый, чтобы хотя бы задуматься о том, что, возможно, пришлось пережить твоей маме.

Я не стал спорить с ней, но мысленно все-таки высказал пару соображений. На самом деле я был уверен, что она несет полную хрень. Человек никогда не бывает достаточно взрослым, чтобы задуматься о том, что появился на свет в результате случайного пьяного секса с первым встречным на заднем сиденье; или о том, что какой-то урод изнасиловал его маму в темном переулке. И то, что подобные мысли пришли в голову Лиз, говорило о многом. Сразу было понятно, в кого она превратилась. Возможно, она всегда такой была.

— Может быть, ты унаследовал свой талант от папаши. Жаль, что нельзя у него спросить.

Я подумал, что если бы случайно столкнулся с отцом, то не стал бы спрашивать ни о чем. А

просто дал бы ему по морде.

— С другой стороны, может быть, твой талант возник сам по себе. Так сказать, появился из ниоткуда. Я выросла в маленьком городке в Нью-Джерси, и у нас были соседи, Джонсы. Муж, жена и пятеро детей. Жили в старом обшарпанном трейлере. И он, и она оба тупые, как пни. И четверо их детей тоже. Зато пятый был гребаным гением. В шесть лет самостоятельно научился играть на гитаре, в школе перескочил через два класса, пошел в девятый в двенадцать. Вот скажи мне, *откуда* оно взялось?

— Может быть, миссис Джонс трахалась с почтальоном, — сказал я. Похожую фразу я слышал в школе. Лиз рассмеялась.

— Ты крутой парень, Джейми. Мне бы хотелось, чтобы мы остались друзьями.

— Тогда вам, наверное, надо было вести себя по-другому, — сказал я.

59

Асфальт резко закончился, сменившись грунтовой дорогой, которая была даже лучше асфальтовой: ровная, гладкая, хорошо утрамбованная. Мы проехали мимо большого оранжевого щита с надписью: «ЧАСТНАЯ ДОРОГА. ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН».

— А если там кто-то есть? — спросил я. — Типа, телохранители?

— В таком случае им и вправду пришлось бы хранить только тело. Но тела там уже нет, и сторожа на въезде на участок тоже не будет. А больше там не было никого, кроме садовника и помощницы по хозяйству. Если ты насмотрелся боевиков и тебе представляется полный дом людей в черных костюмах и темных очках, с автоматами наперевес, охраняющих тело почившего главаря, то я тебя разочарую. Оружие было только у сторожа, и даже если Тедди все еще там, он меня знает.

— А как же жена мистера Марсдена?

— Жены у него уже нет. Сбежала пять лет назад. — Лиз щелкнула пальцами. — П-ф-ф, и нету. Ищи-свищи.

Дорога сделала очередной поворот, и впереди показалась высокая гора, поросшая хвойным лесом. Она закрыла всю западную половину неба. Солнце еще светило в долину, но уже клонилось к закату. Дорога уперлась в ворота из металлических прутьев. Запертые ворота. На одной створке висел домофон с кнопочной панелью. За воротами стоял маленький домик, видимо, будка сторожа.

Лиз заглушила мотор, достала ключ из замка зажигания и убрала в карман.

— Сиди тихо, Джейми. Скоро все закончится, не успеешь и глазом моргнуть.

Ее щеки горели, глаза блестели. Из одной ноздри потекла тоненькая струйка крови. Лиз вытерла ее рукой, выбралась из машины и подошла к домофону. Окна в машине были закрыты, и я не слышал, что говорила Лиз. Она отступила от домофона и крикнула в сторону будки сторожа (уже громче, и *теперь* я сумел разобрать слова):

— Тедди? Ты тут? Это я, Лиз. Хотела отдать дань уважения, но не знаю, куда надо ехать!

Ей никто не ответил, никто не вышел к воротам. Лиз опять подошла к домофону. Достала из заднего кармана джинсов какую-то бумажку, сверилась с ней и набрала цифровой код на панели. Створки ворот медленно разошлись в стороны. Лиз вернулась в машину и улыбнулась.

— Похоже, мы здесь одни, Джейми.

Она въехала во двор. Заасфальтированная подъездная дорожка была гладкой, как стекло. Там был еще один S-образный поворот, и как только Лиз повернула, вдоль дорожки сами собой зажглись невысокие электрические фонари. Позже я узнал, что такие фонари называются

садовыми факелами. Хотя я всегда думал, что факелы — это палки с горящей паклей вроде тех, которыми размахивают крестьяне, пришедшие громить замок в старых фильмах о чудовище Франкенштейна.

— Круть, — сказал я.

— Ага, но ты глянь на этого монстра, Джейми!

Дорога свернула еще раз, и впереди показался дом Марсдена. Он мне напомнил киношные особняки на Голливудских холмах: огромный домище, стоящий на самом краю обрыва и как бы парящий над пропастью. Сторона, обращенная к нам, была сплошь стеклянной. Я представил, как Марсден утром пил кофе и любовался рассветом. Отсюда наверняка открывался отличный вид вплоть до самого Покипси, может быть, еще дальше. Хотя, если подумать… вид на Покипси? Явно не то, за что стоило бы убиться.

— Дом, который построил героин, — ехидно произнесла Лиз. — Все по высшему разряду. Плюс «мерседес» и «порше-бокстер» в гараже. Та самая дрянь, из-за которой я лишилась работы.

У меня прямо вертелось на языке: *Вас никто не заставлял, надо было включить мозги* — так всегда говорила мне мама, когда я в чем-то косячил, — но я все-таки промолчал. Лиз была

взвинчена до предела и к тому же удолбана в хлам, и мне не хотелось, чтобы она подорвалась, как одна из бомб Подрывника.

Еще один поворот вывел нас прямо к мощеной площадке перед домом. Лиз объехала ее сбоку, и я увидел человека, стоявшего у ворот гаража, где хранились дорогие машины Марсдена (тело Большого Донни увезли в морг уж точно не в «бокстере»). Я уже открыл рот, чтобы сказать Лиз, что это, наверное, Тедди, сторож — человек был худым, так что это не мог быть Марсден, — и только тогда разглядел, что у него не было рта.

— А «бокстер» сейчас там? — спросил я, надеясь, что мой голос звучит как обычно. Я указал на гараж и на человека, стоявшего перед воротами.

Она быстро взглянула в ту сторону.

— Наверняка. Но если надеешься прокатиться или просто посмотреть, то придется тебе обломиться. Дело не ждет.

Она не видела человека у гаража. Его видел только я. И судя по окровавленной дыре на том месте, где раньше был его рот, человек умер отнюдь не естественной смертью.

Как я уже говорил, это история в жанре ужасов.

60

Лиз заглушила двигатель и вышла из машины. Она увидела, что я сижу, словно мои ноги приросли к засыпанному обертками полу, и встряхнула меня за плечо.

— Пойдем, Джейми. Сделаешь дело, и ты свободен.

Я выбрался из машины и пошел следом за Лиз к входной двери. По пути я украдкой взглянул на мертвого человека, стоявшего у входа в гараж. Он, наверное, понял, что я его вижу, потому что поднял руку. Убедившись, что Лиз на меня не смотрит, я тоже приподнял руку.

Каменные ступени вели к высокой деревянной двери с дверным молотком в виде головы льва. Лиз не стала стучать, а просто вынула из кармана бумажку и, сверившись с ней, набрала код на домофонной панели. Красный огонек сменился зеленым, и раздался щелчок открывшегося замка.

Стал бы Марсден давать свои коды простому курьеру? Что-то я сомневался. И тот знакомый, который рассказал Лиз о таблетках, тоже вряд ли знал коды на вход в дом Марсдена. Мне не понравилось, что их знала Лиз, и впервые за тот

жуткий день я подумал о Террьо… вернее, о твари, теперь поселившейся в Террьо. Я победил эту тварь в ритуале Чудь, и, может быть, она и вправду придет на мой зов, при условии, что подобные сущности в принципе держат данное слово и соблюдают договоренности. Может быть, мне еще предстоит это выяснить. Для себя я решил, что если и позову ее, то лишь в крайнем случае, когда совсем прижмет. Потому что я жутко ее боялся.

— Заходи в дом. — Лиз убрала бумажку в задний карман джинсов и сунула руку в карман пальто. Я еще раз взглянул на мертвого человека — видимо, Тедди, — стоявшего у входа в гараж. Глядя на окровавленную дыру на том месте, где раньше был его рот, я подумал о пятнах крови на серой толстовке Лиз. Может быть, это была кровь из носа.

А может быть, и нет.

— Я сказала, заходи в дом.

Это было не приглашение.

Я толкнул дверь и вошел. В доме не было ни холла, ни прихожей. Дверь вела с улицы прямо в огромную гостиную. В центре гостиной располагался углубленный участок со встроенными в стенки диванами. Позже я узнал, что такая особенность интерьера называется «уголком для

беседы», или «конференц-ямой». Вокруг углубления стояли диваны и кресла (может быть, для того, чтобы зрители могли наблюдать за участниками разговора внизу). Там была барная стойка, кажется, на колесах. На стенах висели какие-то яркие штуки. Я говорю «штуки», потому что, с моей точки зрения, это были не картины, а просто бессмысленные загогулины и кляксы, но они были в рамах, так что Марсден, наверное, считал их картинами. Прямо над конференц-ямой висела люстра, которая, судя по виду, весила не меньше пятисот фунтов[14]. Я подумал, что мне не хотелось бы под ней сидеть. В дальней части гостиной располагалась широкая двойная лестница. Такие лестницы я видел только в кино и в фирменном магазине «Эппл» на Пятой авеню.

— Ничего себе хата, скажи.

Лиз захлопнула дверь и ткнула основанием ладони в выключатели. Зажглись бра на стенах и люстра над конференц-ямой. Люстра была красивой, и ее свет был красивым, но я был не в том настроении, чтобы оценить красоту. Во мне росла неприятная уверенность, что прежде, чем ехать за мной, Лиз уже здесь побывала и застре-

---

[14] Примечания: 14
Около 230 кг.

лила Тедди.

Она не знает, что я его видел, а значит, ей не нужно меня убивать, твердил я себе, и хотя в этом был смысл, полагаться на логику было бы опрометчиво. Лиз удолбалась по самые уши и была на взводе. Я снова подумал о бомбах Подрывника.

— Вы не спросили, — сказал я.

— О чем не спросила?

— Здесь он или нет.

— Так он здесь? — Она спросила без всякого интереса, явно лишь для проформы. Я не понимал, что происходит.

— Нет, — сказал я.

Она ни капельки не огорчилась в отличие от прошлого раза, когда мы искали Террьо.

— Давай проверим второй этаж. Может, он сейчас в спальне. Вспоминает счастливые времена и всех перетраханных им баб. Их было немало после ухода Маделин. И до ухода, наверное, тоже.

— Я не хочу подниматься наверх.

— Почему? Здесь нет *привидений*, Джейми.

— Есть, если он наверху.

Лиз на секунду задумалась, затем рассмеялась. Она по-прежнему держала руку в кармане пальто.

— Пожалуй, в твоих словах есть резон. Но раз

уж мы все равно ищем именно его, то придется подняться. *Ándale, ándale*[15].

Я указал на коридор, выходивший из комнаты справа:

— Может, он в кухне?

— Решил чем-нибудь подкрепиться? Что-то я сомневаюсь. Мне кажется, он наверху. Пойдем.

Я мог бы спорить с ней дальше, мог бы вообще наотрез отказаться, но тогда она вынула бы руку из кармана, а я точно знал, что будет у нее в руке. Поэтому я послушно поднялся наверх, по правой лестнице. Перила, сделанные из матового зеленого стекла, были гладкими и прохладными. Ступени, тоже зеленые, были каменными. Всего сорок семь штук, я их считал, и, наверное, каждая стоила, как новая «киа».

На стене на верхней площадке лестницы висело огромное зеркало в позолоченной раме, высотой футов семь. Точно такое же зеркало висело и на площадке над левой лестницей. Поднимаясь, я видел свое отражение и отражение Лиз у меня за спиной.

— Ваш нос, — сказал я.

— Я вижу. — Теперь кровь текла из обеих нозд-

---

[15] Примечания: 15
Давай, пойдем, вперед, быстро (*исп.*).

рей. Лиз вытерла нос рукой, а руку вытерла о толстовку. — Это от стресса. Сосуды слабые, лопаются от волнения. Когда найдем Марсдена и он нам скажет, где окси, стресс пройдет сам собой.

А когда ты стреляла в Тедди, у тебя тоже шла кровь? — подумал я. *Или тогда обошлось без стресса?*

Лестничная площадка на втором этаже представляла собой изогнутый полукругом узкий балкончик с перилами высотой мне по пояс. Я глянул вниз, и в животе что-то оборвалось. Если отсюда свалиться — если тебя кто-то столкнет, — ты упадешь прямиком в центр конференц-ямы, и даже толстый ковер не смягчит удара о каменный пол.

— Налево, Джейми.

То есть прочь от балкона, что не могло меня не обрадовать. Мы прошли по длинному коридору, где все двери располагались слева, видимо, чтобы из окон всех комнат открывался красивый вид. Примерно посередине коридора обнаружилась единственная приоткрытая дверь, а за дверью — круглая библиотека, где все полки были заставлены книгами. Моя мама пришла бы в восторг. У единственной не занятой книжными стеллажами стены стоял диван и несколько кресел. Эта

стена была полностью стеклянной: полукруглый эркер, за которым виднелся пейзаж, уже залитый багровым закатным светом. Вдалеке я разглядел скопление огней. Видимо, это был город Ренфилд, и я отдал бы почти что угодно, лишь бы сейчас оказаться там.

Лиз не спросила, нет ли Марсдена в библиотеке. Она вообще туда не заглянула. Мы дошли до конца коридора. Лиз так и держала руку в кармане, но вторая рука оставалась свободной, и Лиз указала на самую последнюю дверь:

— Я уверена, что он там. Открывай дверь.

Я сделал, как было велено, и, конечно же, Дональд Марсден был там: лежал распластанный на огромной кровати. Даже не двуспальной, а, наверное, трехспальной, если и вовсе не четырех. Он и сам был огромным, как четыре человека средней комплекции, тут Лиз не соврала. На мой тогдашний мальчишеский взгляд, его громадная туша казалась настолько невероятной, что это могла быть галлюцинация. Хороший костюм мог бы, наверное, скрыть хоть какую-то часть жировых отложений, но Марсден был не в костюме, а в одних трусах. Гигантских «боксерах». Его необъятная дряблая грудь и рыхлые руки были исчерчены неглубокими перекрестными пореза-

ми. Лицо все в синяках, один глаз заплыл. Во рту торчала какая-то странная штука. Позже я узнал (на одном из тех сайтов, которые посещал втайне от мамы), что это был шарик-кляп. Его руки были прикованы наручниками к кроватным стойкам в изголовье. Видимо, у Лиз нашлось только две пары наручников, потому что ноги Марсдена были прикручены к стойкам кровати в изножье широким скотчем. Похоже, на каждую ногу ушло по целому рулону.

— Узри хозяина дома, — сказала Лиз.

Его здоровый глаз дернулся и моргнул. Вы скажете, что все было понятно уже по наручникам и по скотчу. И по тому, как еще кровоточили некоторые порезы. Да, я должен был догадаться. Но не догадался. Я был в шоке и не догадался. Пока он не моргнул.

— Он жив!

— Это можно исправить, — сказала Лиз, вытащила из кармана пистолет и выстрелила Марсдену в голову.

61

Кровь и мозги брызнули на стену. Я закричал, вылетел из комнаты, вниз по лестнице, пулей за дверь, мимо Тедди, вниз по склону, к дороге. Я

добежал до самого Ренфилда. И все это за секунду. А потом Лиз схватила меня в охапку.

— Спокойно, малыш. Споко…

Я ударил ее в живот и услышал, как она удивленно выдохнула. Потом она резко развернула меня, заломив руку за спину. Это было адски больно, и я опять закричал. Ноги вдруг подкосились. Вернее, это Лиз пинком сбила меня с ног, и я упал на колени, продолжая истошно орать. Она заломила мне руку так высоко, что запястье прижалось к лопатке.

— Заткнись! — рявкнула Лиз мне в ухо. Это была та же самая женщина, что когда-то ползала со мной по полу, играя в машинки, пока мама в кухне готовила соус для спагетти и слушала ретрохиты по радио. — Прекрати орать, и я тебя отпущу!

Я замолчал, и она меня отпустила. Теперь я стоял на четвереньках, смотрел на ковер и дрожал мелкой дрожью.

— Вставай, Джейми.

Мне кое-как удалось встать, но я по-прежнему смотрел в пол. Потому что мне не хотелось смотреть на толстого человека с наполовину отстреленной головой.

— Он тут?

Я смотрел в пол и молчал. Волосы падали мне на глаза. Плечо жутко болело.

– *Он тут?* Оглядись по сторонам!

Я поднял в голову, в шее что-то явственно хрустнуло. Я не смотрел на Марсдена — хотя при его габаритах он все равно попадал в поле моего зрения, — я смотрел на тумбочку у кровати. Там стояла целая батарея пузырьков с лекарствами. А еще там был большой сэндвич и бутылка минеральной воды.

– *Он тут?* — Лиз отвесила мне подзатыльник.

Я быстро огляделся. Кроме нас с Лиз и трупа толстого человека, в комнате не было никого. Теперь мне довелось повидать уже двух человек с простреленными головами. Террьо тоже выглядел жутко, но мне хотя бы не пришлось наблюдать, как он умер.

— Нет, — сказал я.

— Почему? Почему его нет? — В ее голосе слышались нотки истерики, может быть, даже отчаяния. Тогда я мало что соображал, я был слишком напуган. И только позже, вспоминая те бесконечные пять минут в спальне Марсдена, я понял, что Лиз сомневалась в моих способностях. Несмотря на Риджиса Томаса и его последнюю книгу, несмотря на бомбу Террьо, обнаруженную

в супермаркете, Лиз боялась, что я все-таки не могу видеть мертвых и она пристрелила единственного человека, который знал, где хранятся таблетки.

— Я не знаю. Я никогда не присутствовал рядом в момент смерти. Может быть… может быть, им нужно время. Я не знаю, Лиз.

— Ладно, — сказала она. — Мы подождем.

— Только не здесь, хорошо? Пожалуйста, Лиз, я не хочу на него смотреть.

— Тогда в коридоре. Если я тебя отпущу, ты будешь пай-мальчиком?

— Да.

— И не попытаешься убежать?

— Нет.

— Да уж, пожалуйста, не убегай. Не хотелось бы прострелить тебе ногу. Это будет конец твоей теннисной карьеры. Давай потихонечку, задним ходом.

Я попятился к двери, и Лиз тоже попятилась, не сводя с меня глаз, чтобы успеть меня перехватить, если я все-таки попытаюсь сбежать. Когда мы вышли в коридор, она снова велела мне оглядеться. Я послушно огляделся. Марсдена там не было, и так я ей и сказал.

— Черт. — Она на секунду умолкла, а потом

вдруг спросила: — Ты видел сэндвич на тумбочке, да?

Я кивнул. Сэндвич и бутылку воды, оставленные для человека, прикованного к кровати за обе руки и ноги.

— Марсден любил пожрать, — сказала Лиз. — Однажды я с ним обедала в ресторане. Вместо ложки и вилки ему надо было бы взять лопату. Свинья и то ест аккуратнее.

— Зачем вы оставили ему сэндвич, если он все равно не мог его съесть?

— Хотела, чтобы он на него смотрел. Просто смотрел. Весь день, пока я ездила за тобой. И поверь мне, малыш, выстрел в голову — это самое меньшее, чего он заслуживает. Ты хоть представляешь, скольких людей он убил своим… своей отравой?

А кто ему помогал? — подумал я, но, конечно же, не сказал вслух.

— Да и сколько бы он еще прожил, по-твоему? Два года? Пять лет? Я заходила в его ванную, Джейми. У него унитаз вдвое шире обычного. — Она издала звук, похожий одновременно и на смех, и на хрип отвращения. — Ладно, пойдем на балкон. Посмотрим, может быть, он внизу. Только медленно, без резких движений.

Я все равно бы не смог идти быстро, даже если бы захотел. Ноги сделались ватными, колени дрожали, как студень.

— Знаешь, как я достала код от ворот? От курьера экспресс-доставки, который обслуживал дом Марсдена. Парень крепко сидит на коксе. Я могла бы спать с его женой, если бы захотела. Он бы с радостью предоставил мне женушку, лишь бы я и дальше снабжала его порошочком. А код от дома мне назвал Тедди.

— Перед тем, как вы его убили.

— А что мне еще оставалось? — Она произнесла это так, словно я был идиотом. — Он мог меня опознать.

Я тоже могу, подумал я и снова вспомнил о твари, которая предположительно прибежит, стоит лишь мне свистнуть. Похоже, что свистнуть придется, хотя мне по-прежнему этого не хотелось. Потому что не факт, что на зов кто-то откликнется? Да, но не только поэтому. Потри волшебную лампу, и появится джинн. Отлично, я за тебя рад. Потри волшебную лампу и вызови демона — мертвосвет, — и Бог знает, что будет дальше. Бог, может, и знает, но я-то не знал.

Мы вышли на балкон с его низенькими перилами и немалой высотой. Я глянул вниз.

— Он там?

— Нет.

Ствол пистолета уперся мне в поясницу.

— Ты не врешь?

— Нет!

Лиз тяжко вздохнула.

— Все должно было быть по-другому.

— Я не знаю, как все должно было быть, Лиз. Он может быть где угодно. Например, во дворе, вместе с Те… — Я резко умолк.

Она схватила меня за плечо и развернула лицом к себе. Теперь ее верхняя губа была вся в крови — видимо, стресс оказался сильным, — но она улыбалась.

— Ты видел Тедди?

Я отвел взгляд. Что само по себе было ответом.

— Да ты ушлый малый. — Тут она рассмеялась. Действительно рассмеялась. — Если Марсден не появится здесь, тогда выйдем во двор и проверим. Но пока подождем. Нам никто не помешает. Его последняя шлюшка уехала к родственникам на Ямайку или в Барбадос, в общем, куда-то, где море и пальмы, а больше в доме никого нет. Гости бывают только по выходным, а так все дела он ведет по телефону. Когда я пришла, он лежал на кровати в одних трусах и смотрел телевизор,

какое-то судебное шоу. Боже, он мог бы хотя бы надеть пижаму, скажи.

Я ничего не сказал.

— Он говорил, что у него нет никаких таблеток, но по лицу было понятно, что это ложь. Пришлось его зафиксировать и немножко порезать. Я думала, это развяжет ему язык, и знаешь, что было? Он надо мной *посмеялся*. Сказал, что да, у него есть окси, целый вагон, но он мне не скажет, где он хранится. «С какой стати я должен тебе говорить? Все равно ты меня убьешь». Так он сказал. И тут меня осенило. Я сама поразилась, что не подумала об этом раньше. *Muy stupido*[16]. — Она ударила себя по лбу рукой с пистолетом.

— Вы подумали обо мне, — сказал я.

— Именно. Я оставила ему сэндвич и бутылку воды для созерцания, смоталась в Нью-Йорк за тобой, и пока меня не было, никто не пришел, и вот мы здесь, *но где носит его самого?*

— Он там, — сказал я.

— Что? *Где?*

Я показал пальцем. Она обернулась и, разумеется, никого не увидела, но я видел за нас обоих. Дональд Марсден, также известный как Большой

---

[16] Примечания: 16
Очень глупо (*исп.*).

Донни, стоял в дверях своей круглой библиотеки. Он был в одних необъятных боксерских трусах, от верхней части его головы почти ничего не осталось, его плечи были залиты кровью, но он смотрел на меня одним глазом, который Лиз не подбила ему в своей ярости и возмущении.

Я нерешительно поднял руку в приветствии. В ответ он тоже поднял руку.

62

— Спроси у него! — Она дышала мне прямо в лицо. Ее пальцы больно впились мне в плечо. И то и другое было неприятно, особенно дыхание.

— Отпустите меня, и спрошу.

Я медленно подошел к Марсдену. Лиз не отставала от меня ни на шаг. Я прямо чувствовал, как она *нависает*.

Я остановился шагах в пяти от Марсдена.

— Где таблетки?

Он ответил без колебаний и говорил, как все мертвые — за исключением Террьо, — словно это его не волнует. Да и с чего бы его волновали какие-то таблетки? Они ему уже не нужны: ни там, где он теперь, ни там, куда он отправится дальше. Если вообще хоть куда-то отправится.

— Часть на тумбочке у кровати, но в основном

все в аптечке. «Топамакс», «Маринокс», «Индерал», «Пепсид», «Фломакс»... — И еще где-то с полдюжины препаратов. Он перечислял их скучным, бесцветным голосом, словно зачитывал список покупок.

— Что он...

— Помолчите, — сказал я. Сейчас я был за главного, хотя понимал, что это ненадолго. А кто будет за главного, если я все-таки позову тварь, поселившуюся в Террьо? Этого я не знал. — Я задал неверный вопрос.

Я обернулся к Лиз.

— Я могу задать верный вопрос, но сначала дайте мне слово, что, когда все закончится, вы меня отпустите.

— Конечно, Джейми, я тебя отпущу, — сказала Лиз, и я понял, что она врет. Сам не знаю, как я это понял, уж точно не путем логических размышлений. Но это была не просто интуиция. Видимо, все дело в том, что Лиз отвела взгляд, когда произнесла мое имя.

Вот тогда я и понял, что свистнуть придется.

Дональд Марсден по-прежнему стоял в дверях библиотеки. Интересно, мельком подумал я, он и вправду читал эти книги, или они здесь стоят просто для показухи.

— Ей не нужны ваши лекарства, ей нужен окси. Где он?

Дальше все было так же, как с Террьо. Когда я спросил, где заложена его последняя бомба. Произносимые Марсденом слова не совсем совпадали с движениями его рта, словно он боролся с некой силой, заставлявшей его отвечать на вопрос.

— Я не хочу говорить.

То же самое сказал Террьо, слово в слово.

— Джейми! Что…

— Я просил вас помолчать! Не мешайте! — Я опять обратился к Марсдену: — Где окси?

Вынужденный отвечать на вопрос, на который ему отвечать не хотелось, Террьо выглядел так, будто ему было больно, и я думаю — точно не знаю, но *думаю*, — что именно в этот момент в него вошел мертвосвет. Марсден не проявлял никаких видимых признаков физической боли, но какие-то чувства все-таки испытал, хотя был уже мертв. Он закрыл лицо руками, как ребенок, сделавший что-то плохое, и произнес:

— В убежище.

— В каком убежище?

— Где можно укрыться, если кто-то ворвется в дом. — Марсден больше не проявлял никаких эмоций. Его голос вновь сделался скучным и мо-

нотонным. — У меня есть враги. Она тоже была врагом. Просто я об этом не знал.

— Спроси его, где убежище! — сказала Лиз.

Я уже и сам догадался, но все равно спросил. Марсден указал в библиотеку.

— Это тайная комната, — сказал я, но поскольку это был не вопрос, Марсден ничего не ответил. Я повторил с вопросительной интонацией: — Это тайная комната?

— Да.

— Покажите мне.

Он вошел в библиотеку, где уже было сумрачно. Мертвые — не призраки, не совсем призраки, но когда Марсден вошел в полутемную комнату, он и впрямь стал похож на призрака. Лиз долго шарила по стене, нащупывая выключатель, что наводило на мысль, что раньше она никогда не бывала здесь, хотя любила читать. И вообще, сколько раз она бывала в этом доме? Может быть, раз или два. Может быть, никогда. Может быть, она его знала только по фотографиям и по той информации, которую тщательно собирала, задавая осторожные вопросы бывавшим здесь людям.

Марсден указал на книжную полку. Поскольку Лиз не могла его видеть, я повторил его жест и сказал:

— Вот эта полка.

Лиз подошла и потянула за полку. У меня был бы шанс убежать, но Лиз схватила меня за руку и потащила за собой. Она была удолбана в хлам и буквально тряслась в предвкушении, но все равно не утратила своих полицейских инстинктов. Она дернула еще несколько полок свободной рукой, но ничего не произошло. Лиз чертыхнулась и обернулась ко мне.

Пока она снова не заломила мне руку, я задал Марсдену вполне очевидный вопрос:

— Есть какой-то рычаг, чтобы открыть дверь в убежище?

— Да.

— Что он говорит, Джейми? Черт возьми, что он говорит?

Она пугала меня до чертиков, но еще и бесила своими вопросами. Она забыла вытереть нос, и свежая кровь текла по ее верхней губе, придавая ей сходство с одной из вампирш в «Дракуле» Брэма Стокера. В каком-то смысле она и была вампиршей.

— Не мешайте, Лиз. — Я опять обратился к Марсдену: — Где рычаг?

— На верхней полке справа.

Я передал его слова Лиз. Она встала на цыпоч-

ки, пошарила рукой по полке, а затем раздался щелчок. Лиз опять потянула за полку, и на этот раз целая секция стеллажа открылась наружу на скрытых петлях. За ней обнаружилась стальная дверь с кодовым замком и цифровой клавиатурой, над которой горел маленький красный огонек. Лиз не пришлось мне подсказывать, о чем спрашивать дальше.

— Какой код?

Марсден снова закрыл руками глаза. Этакий детский жест, означавший: *Если я тебя не вижу, то ты тоже меня не видишь*. Сам жест был печальным и трогательным, но меня он совсем не растрогал. И даже не потому, что Марсден был наркобароном, чей товар погубил сотни, если не тысячи человек и пристрастил к наркоте еще многие тысячи. Просто мне хватало своих проблем.

— Какой… код? — произнес я с нажимом на каждое слово, как тогда с Террьо. Сейчас все было иначе, но суть осталась той же.

Марсден назвал код. Не мог не назвать.

— Семьдесят три, шестьсот двенадцать, — сказал я Лиз.

Она набрала цифры на клавиатуре, по-прежнему крепко держа меня за руку. Я почти ожидал

глухого удара и шипения, с каким открываются шлюзы космических кораблей в фантастических фильмах, но единственным, что изменилось, был красный огонек, который стал зеленым. На двери не было ручки, поэтому Лиз просто толкнула ее, и дверь открылась. В комнате было темно, как в заднице у черной кошки.

— Спроси у него, где выключатель.

Я спросил, и Марсден сказал:

— Выключателя нет. — Он вновь убрал руки от лица. Его голос уже начинал удаляться и затихать. Помню, тогда я подумал, что, может быть, он уходит так быстро, потому что его убили, то есть смерть наступила не от естественных причин и не в результате несчастного случая. Позже я изменил свое мнение. Я думаю, он торопился уйти, пока мы не нашли то, что хранилось в его убежище.

— Попробуйте просто войти, — сказал я.

По-прежнему держа меня за руку, она осторожно ступила в темноту, и под потолком зажглась лампа. Комната была обставлена по-спартански. В дальнем углу стояли холодный шкаф (у меня в голове явственно прозвучал голос профессора Беркетта), портативная электроплита и микроволновка. Слева и справа от двери тянулись

полки, заставленные дешевыми консервами вроде тушенки, ветчины и сардин в масле. На полу стояли холщовые мешки, тоже набитые едой (позже я узнал, что это были армейские сухие пайки, так называемые ИРП, индивидуальные рационы питания), и упаковки бутылок с водой и пивом. На одной из нижних полок имелся стационарный телефунгус. В центре комнаты располагался простой деревянный стол. На столе — компьютер, принтер, какая-то толстая папка и закрывающийся на молнию футляр для бритвенных принадлежностей.

— Где окси?

Я спросил у Марсдена.

— Он говорит, в несессере, что бы это ни значило.

Лиз схватила футляр для бритвенных принадлежностей, открыла молнию и высыпала все его содержимое на стол. Из футляра выпало несколько аптечных пузырьков и два-три маленьких свертка, замотанных в пищевую пленку. Не сказать, чтобы залежи сокровищ. Лиз закричала:

— Это *что* за хрень?

Но я ее не слушал. Я открыл папку, лежавшую рядом с компьютером — просто так, от нечего делать, — и застыл в потрясении. Поначалу я даже

не понял, на что смотрю. Вернее, понял, конечно, но не желал верить своим глазам. Теперь я знал, почему Марсден не хотел, чтобы мы заходили в его убежище, и почему он даже мертвый чувствовал стыд. Это не было связано с наркотой. Помню, я еще подумал, что шарик-кляп во рту женщины на фотографии мог быть тем же самым, что был в его собственном рту. Если так, то справедливость все-таки существует.

— Лиз, — сказал я. У меня онемели губы, словно от новокаина у стоматолога.

— Это все? — вопила она. — *Не смей* говорить мне, что это все! — Она открыла один пузырек и вывалила его содержимое на стол. Там было, наверное, дюжины две таблеток. — И это даже не окси, а гребаный *«Дарвонс»*!

Она отпустила меня, и я мог бы попытаться сбежать, но я даже не думал о бегстве. Я забыл обо всем, в том числе и о Террьо, которого собирался позвать.

— Лиз, — сказал я еще раз.

Она не обратила внимания. Она открывала все пузырьки, один за другим. Таблетки были самые разные, и их было не так уж и много. Лиз прищурилась, глядя на горстку голубых таблеток.

— Да, это окси, но тут нет даже дюжины! Спроси

у него, где остальные!

— Лиз, посмотри. — Голос был мой, но он доносился словно откуда-то издалека.

— Я сказала, спроси у него… — Она обернулась и резко умолкла, увидев фотографию, на которую смотрел я.

Это был глянцевый снимок поверх тонкой стопки других глянцевых снимков. Трое людей: двое мужчин и женщина. Одним из мужчин был Марсден. Полностью голый, даже без трусов. Второй мужчина на снимке тоже был голым. Они делали всякое с женщиной с кляпом во рту. Не хочу говорить, что именно они с ней делали, скажу только, что у Марсдена в руках была паяльная лампа, а у второго мужчины — вилка для мяса с двумя острыми длинными зубчиками.

— Черт, — прошептала Лиз. — Вот же *черт*. — Она быстро просмотрела все остальные фотографии. Даже не буду рассказывать, что на них было. Потом Лиз захлопнула папку. — Это она.

— Кто?

— Мадди. Его жена. Получается, она все-таки не сбежала.

Марсден так и стоял в библиотеке, но стоял спиной к нам. Его затылок был разворочен, как левая половина головы Терьо, но я этого даже

не замечал. В мире есть вещи похуже пулевых ранений, в тот вечер я это понял.

— Они пытали ее до смерти, — сказал я.

— Да, и при этом им было весело. Видел их улыбочки? Тебе все еще жалко, что я его застрелила?

— Вы его застрелили не из-за того, что он сделал со своей женой. Вы об этом не знали. Вы его застрелили из-за таблеток.

Лиз пожала плечами, словно это не важно, и для нее, может быть, так и было. Она выглянула из убежища в библиотеку и в коридор за распахнутой дверью библиотеки.

— Он все еще здесь?

— Да. В дверях.

— Сначала он говорил, что у него нет таблеток, но я знала, что это ложь. Потом он сказал, что их много. Он сказал, *много*!

— Может быть, он соврал. Он тогда не был мертвым и мог соврать.

— Но он сказал тебе, что они в убежище! Тогда он уже был мертвый!

— Но он не сказал, сколько их тут. — Я спросил у Марсдена: — Это все, что у вас есть?

— Это все. — Его голос звучал уже совсем тихо.

— Вы ей сказали, что у вас их много!

Он пожал окровавленными плечами.

— Я рассудил так: пока она думает, что у меня есть то, что ей нужно, она не станет меня убивать.

— Но те сведения, что ей передали о большой частной партии…

— Это просто пурга, — сказал он. — В этом бизнесе много пурги. Люди что только ни говорят, просто чтобы слышать собственный голос.

Когда я передал его слова Лиз, она покачала головой, не веря услышанному. Она *не хотела* верить, потому что иначе ей пришлось бы признать, что ее планы насчет Западного побережья накрылись. Ей пришлось бы признать, что ее развели.

— Он где-то их прячет, — настойчиво проговорила она. — Он точно их прячет. Спроси еще раз, где все остальное.

Я хотел ей сказать, что если бы было что-то еще, Марсден уже давно бы мне рассказал. Но потом — наверное, потому, что те жуткие снимки так сильно шарахнули мне по мозгам, что мозги сразу проснулись, — у меня появилась идея. Может быть, мне удастся обмануть Лиз, потому что она явно хотела обмануться. Если все получится, я, возможно, сумею спастись, не вызывая демона.

Лиз схватила меня за плечо и встряхнула.

— Я сказала, спроси у него!

Я послушно спросил:

— Где вы прячете все остальное, мистер Марсден?

— Я же сказал, больше ничего нет. — Его голос был уже еле слышен. — Я держал дома запас для Марии, но она сейчас на Багамах. В Бимини.

— Ну вот. Это уже ближе к истине. — Я указал на стеллаж, где стояли консервы: — Видите банки со спагетти на верхней полке? — Лиз не могла их не видеть, их было штук тридцать, не меньше. Большой Донни, кажется, уважал марку «Франко-Американ». — Он говорит, что спрятал их в банках. Не окси, а что-то другое.

Она могла бы снова схватить меня за руку и потащить за собой, но я надеялся на ее нетерпение. И не ошибся. Лиз бросилась к стеллажу. Я дождался, когда она встанет на цыпочки и потянется к верхней полке, а затем пулей вылетел из убежища. По-хорошему надо было бы захлопнуть дверь, но я что-то не сообразил. Марсден стоял у меня на пути и выглядел плотным и твердым, но я пробежал прямо сквозь него. На секунду меня охватил обжигающий холод, во рту появился маслянистый привкус, словно я съел кусок пеперони. А потом я уже был в коридоре и мчался

к лестнице.

У меня за спиной раздался грохот упавших консервных банок.

— Джейми, вернись! Вернись, я сказала!

Лиз побежала за мной. Я ее слышал. Уже у лестницы я обернулся, и очень зря. Я споткнулся и грохнулся. Других вариантов не оставалось: я сложил губы, чтобы свистнуть, но вместо свиста получился какой-то судорожный вздох. Видимо, из-за сухости во рту и в горле. Поэтому я закричал:

– ТЕРРЬО!

Я пополз вниз по лестнице, волосы падали на глаза, и я почти ничего не видел, а потом Лиз схватила меня за лодыжку.

– ТЕРРЬО, НА ПОМОЩЬ! УБЕРИ ЕЕ ОТ МЕНЯ!

Внезапно все вокруг — не только балкончик и лестница, но и все пространство над нижней гостиной и конференц-ямой — наполнилось белым светом. Я как раз обернулся к Лиз, когда это произошло, и мне пришлось зажмуриться, чтобы свет меня не ослепил. Он лился из высокого зеркала над лестницей, и из зеркала на другой стороне балкона лился поток точно такого же света.

Лиз ослабила хватку. Я вцепился в край ближайшей ступеньки, оттолкнулся со всей силы

и поехал вниз на животе, как ребенок на самой ухабистой в мире горке. Где-то на четверти спуска я остановился. У меня за спиной истошно вопила Лиз. Я обернулся, глядя из-под приподнятого локтя. Из-за своего положения головой вниз я видел Лиз вверх ногами. Она стояла перед зеркалом. Не знаю, что она там разглядела, и хорошо, что не знаю, иначе мне бы, наверное, снились кошмары до конца жизни. Мне хватило одного света — этого ослепительно-яркого бесцветного света, лившегося из зеркал подобно солнечной вспышке.

Мертвосвет.

А потом я увидел — я *думаю*, что увидел, — как из зеркала высунулась рука, схватила Лиз за шею и резко дернула на себя. Лиз ударилась о зеркальную поверхность, и я услышал треск бьющегося стекла. Лиз продолжала истошно вопить.

Весь свет в доме погас.

На улице еще не окончательно стемнело, поэтому в помещении не наступила кромешная тьма, но близко к тому. Гостиная внизу превратилась в колодец сумрака. У меня за спиной, на вершине лестницы, продолжала кричать Лиз. Я кое-как поднялся, цепляясь за гладкие стеклянные перила, и умудрился спуститься вниз, ни разу не

грохнувшись.

Лиз перестала кричать и вдруг рассмеялась. Я обернулся и увидел, как она мчится вниз по ступенькам — просто темная фигура, хохочущая, точно Джокер в комиксах о Бэтмене. Она бежала слишком быстро и не смотрела под ноги. Ее шатало из стороны в сторону, она то и дело билась о перила и оглядывалась на зеркало, в котором тускнел и гас свет, как нить в старых лампах накаливания, когда их выключали.

– Лиз, осторожнее!

Я выкрикнул предупреждение, хотя единственным моим желанием в тот момент было сбежать от нее — и как можно скорее. Видимо, просто сработал инстинкт. Впрочем, предостережение не помогло. Лиз споткнулась, упала вперед, ударилась о ступеньки, перекувырнулась, снова ударилась, перекувырнулась еще раз и покатилась вниз. Она еще продолжала смеяться, когда ударилась в первый раз, но после первого же кувырка перестала. Умолкла так резко, словно выключили радио. Она лежала у подножия лестницы лицом вверх: голова как-то странно вывернута вбок, нос свернут на сторону, одна рука запрокинута за шею, пустые глаза таращатся в темноту.

— Лиз?

Тишина.

— Лиз, вы в порядке?

Глупый вопрос. И вообще, почему меня это заботило? Я скажу почему. Я хотел, чтобы она была живой, потому что у меня за спиной было что-то гораздо страшнее любой Лиз Даттон. Я его не слышал, но знал: оно здесь.

Я встал рядом с ней на колени и поднес ладонь к ее окровавленному рту, но не почувствовал на коже дыхания. Ее глаза не моргали. Она была мертва. Я поднялся на ноги, обернулся и увидел именно то, чего ожидал: Лиз, стоявшую передо мной в ее расстегнутом полупальто и испачканной кровью толстовке. Она на меня не смотрела. Она смотрела на что-то поверх моего плеча. Потом медленно подняла руку и указала пальцем. Даже в этот кошмарный момент я не смог обойтись без литературных сравнений и подумал, что Лиз напомнила мне Духа Будущих Святок, когда он указывал на могилу Скруджа.

Кеннет Террьо — то, что еще от него оставалось, — спускался по лестнице.

63

Он был похож на обугленное полено, внутри которого по-прежнему полыхало пламя. Я просто не знаю, как еще описать. Он был весь черный, но его кожа растрескалась, и из трещин лился ослепительно-яркий свет. Мертвосвет. Он исходил из ноздрей Террьо, из глаз, из ушей. Когда Террьо открыл рот, свет хлынул и оттуда тоже.

Террьо ухмыльнулся и поднял руки.

— Давай сразимся еще раз и поглядим, кто победит. Ты теперь мой должник, раз уж я спас тебя от нее.

Раскрыв мне объятия, он быстро спускался по лестнице, готовый к сцене великого воссоединения. Все инстинкты кричали, что надо бежать без оглядки от этого ужаса, но что-то глубже инстинктов велело мне оставаться на месте. Если я попытаюсь сбежать, тварь, поселившаяся в Террьо, быстро догонит меня и схватит, стиснет в кольце обожженных рук, и это будет конец всему. На этот раз она победит в ритуале, и я стану ее рабом и буду вынужден приходить на ее зов. Она завладеет мною живым, как завладела мертвым Террьо, и это будет гораздо страшнее.

— Стой, — сказал я, и обожженная оболочка

Террьо замерла у подножия лестницы. Его протянутые вперед руки были менее чем в футе от меня.

— Уходи. Между нами все кончено. Навсегда.

— Между нами никогда ничего не закончится, — сказала тварь, поселившаяся в Террьо, и добавила еще одно слово, от которого у меня по спине побежали мурашки, а волосы на затылке зашевелились: — *Чемпион*.

— Поживем — увидим, — сказал я. Слова были смелыми, но голос у меня заметно дрожал.

Тварь по-прежнему тянула ко мне руки, ее обожженные пальцы в сочившихся светом трещинах были в нескольких дюймах от моей шеи.

— Если ты действительно хочешь избавиться от меня навсегда, сразись со мной снова. Мы проведем ритуал еще раз, и так будет честнее, потому что сейчас я готов к битве.

Это было до жути заманчиво, не спрашивайте почему, и все же та часть меня, что стоит за пределами самолюбия и лежит глубже инстинктов, взяла верх. Можно победить демона единожды — с Божьей помощью, или благодаря собственной смелости, или на чистом везении, или по всем этим причинам, вместе взятым, — но не дважды. Такое под силу разве что святым, а может быть, и

вообще никому.

— Уходи.

Теперь уже я указал пальцем, как последний явившийся Скруджу Дух. Указал на дверь.

Тварь растянула в ухмылке обожженные, черные губы Террьо.

— Ты не можешь прогнать меня, Джейми. Ты до сих пор не понял? Мы накрепко связаны друг с другом. О последствиях ты не подумал. А они есть.

Я повторил: «Уходи» — в третий раз. Единственное короткое слово, что я сумел выжать из горла, которое вдруг сжалось настолько, что, казалось, в него не пройдет даже иголка.

Тело Террьо качнулось, словно тварь, поселившаяся внутри, приготовилась совершить рывок, схватить меня, сжать в своих жутких объятиях, но она на меня не набросилась. Не стала бросаться. Может быть, не смогла.

Лиз отшатнулась, когда тварь прошла мимо. Я думал, она пройдет прямо сквозь дверь — как я сам прошел сквозь Марсдена, — но кем бы она ни была, она не была призраком. Она повернула дверную ручку, от чего кожа у нее на руке растрескалась еще больше, и еще больше света пролилось наружу. Дверь распахнулась.

Тварь обернулась ко мне.
— Свистни — тебя не заставлю я ждать.
С тем она и ушла.

64

У меня подкашивались ноги, и лестница была рядом, но я уж точно не собирался сидеть на ступеньках возле распростертого на полу изломанного тела Лиз Даттон. Кое-как доковыляв до конференц-ямы, я упал в одно из кресел, стоявших по верхнему краю. Наклонил голову и разрыдался. Это были слезы истерики, слезы ужаса, но также — хотя я точно не помню — и слезы радости. Я был жив. Я сидел в темном доме в конце частной дороги, в компании с двумя трупами и двумя остаточными мертвецами (Марсден смотрел на меня с балкона), но я был жив.

— С тремя, — произнес я вслух. — С тремя трупами и тремя мертвецами. Не забываем о Тедди.

Я расхохотался, но тут же вспомнил, что точно так же Лиз хохотала перед самой смертью, и заставил себя замолчать. Я пытался понять, что мне делать. Решил, что прежде всего надо встать и закрыть эту чертову входную дверь. Было мало приятного в том, что на меня глядели с двух разных сторон два неупокоенных мертвеца, но я уже

привык к тому, что мертвые на меня смотрят, поскольку знают, что я их вижу. Меня больше пугала мысль, что где-то снаружи бродит Террьо с его растрескавшейся кожей, из-под которой бьет мертвый свет. Я велел ему уходить, и он ушел… но вдруг он вернется?

Я прошел мимо Лиз и закрыл дверь. Возвращаясь обратно, я спросил у нее, что мне делать. Ответа я не ожидал, но она мне ответила:

— Позвони матери.

Я подумал о телефоне в убежище, но не вернулся бы в эту комнату даже за миллион долларов.

— Лиз, у вас есть телефон?

— Да. — Ее голос звучал безучастно, как это обычно бывает у мертвых. Но не у всех; в той же миссис Беркетт оставалось достаточно жизни, чтобы критически высказаться насчет художественных достоинств моей индейки. И Большой Донни пытался скрыть свои порнографические фотографии с пытками.

— Где он?

— В кармане пальто.

Я подошел к ее телу и запустил руку в правый карман пальто. Мои пальцы коснулись рукояти пистолета, из которого Лиз застрелила Дональда Марсдена, и я тут же отдернул руку, словно

обжегшись. Телефон лежал в левом кармане. Я включил его и спросил:

— Какой тут пароль?

— Двадцать шесть, шестьдесят пять.

Я вбил пароль, набрал код Нью-Йорка и три первые цифры маминого мобильного номера, но потом передумал и набрал другой номер.

— Служба спасения. Что у вас произошло?

— Я сейчас в доме с двумя мертвецами. Один был убит, а вторая упала с лестницы.

— Это шутка, сынок?

— Если бы. Женщина, которая упала с лестницы, похитила меня и привезла сюда.

— Где ты находишься? — Теперь голос женщины в трубке звучал деловито и заинтересованно.

— Дом стоит в конце частной дороги в пригороде Ренфилда, мэм. Я не знаю, в скольких милях от города и есть ли у дома номер. — И тут я все-таки сообразил сказать то, что надо было сказать в самом начале: — Это дом Дональда Марсдена. Его убила та женщина. Которая упала с лестницы. Ее зовут Лиз Даттон. Элизабет.

Сотрудница Службы спасения спросила, все ли со мной хорошо, и велела сидеть спокойно и ждать полицию, которая уже едет. Я сел спокойно и позвонил маме. Этот разговор продолжался

гораздо дольше и был местами невнятным, потому что мы оба рыдали. Я рассказал ей почти все, умолчав только о Террьо и мертвосвете. Мама поверила бы мне, но мне не хотелось ее пугать. Пусть хотя бы кого-то из нас не терзают кошмары. Я просто сказал, что Лиз за мной погналась, оступилась на лестнице и сломала шею.

Во время нашего разговора Дональд Марсден спустился по лестнице и встал у стены. Один мертвый с отстреленной макушкой, другая — со свернутой шеей. Та еще парочка. Я сразу предупредил, что это будет история в жанре ужасов, но если по правде, эти двое не так уж сильно меня пугали, потому что самый кошмарный ужас ушел. И наверное, уже не вернется. Если я его не позову. Если я позову, он придет.

Надо лишь свистнуть.

Через пятнадцать бесконечно долгих минут вдали послышались полицейские сирены. Через двадцать пять минут в окнах заметались отсветы красных и синих мигалок. На вызов прибыл настоящий отряд, не меньше полудюжины полицейских. Сначала они были лишь темными силуэтами в дверном проеме, загородившими последние отблески гаснущего света дня, если он еще не погас окончательно. Один из полицейских

спросил, где тут чертовы выключатели. Другой сказал: «Вроде нашел» — и чертыхнулся, когда свет не включился.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул третий. — Все, кто есть, назовите себя!

Я встал и поднял руки, хотя сомневался, что они меня видели. Разве что уловили движение в темноте.

— Я здесь! Стою с поднятыми руками! Свет не работает! Это я звонил в Службу спасения!

Включились фонарики. Перекрывавшие друг друга лучи заметались по комнате и сосредоточились в одной точке, на мне. Кто-то из полицейских шагнул вперед. Вернее, шагнула. Это была женщина. Она обогнула Лиз, наверняка даже не понимая, что заставило ее отступить в сторону. Сначала она держалась за кобуру с пистолетом, но, увидев меня, убрала руку. Что не могло не обрадовать.

Она опустилась на одно колено.

— Ты один в доме, сынок?

Я посмотрел на Лиз. Посмотрел на Марсдена, державшегося подальше от женщины, которая его убила. Даже Тедди пришел и встал в дверях, то ли привлеченный поднявшейся суматохой, то ли просто так. Три неприкаянных мертвых балбеса.

Я сказал:
— Да, я здесь один.

65

Женщина-полицейский приобняла меня за плечи и вывела на улицу. Меня начало трясти. Она, наверное, подумала, что я замерз — ближе к ночи на улице стало прохладно, — но я дрожал не от холода. Женщина сняла куртку и набросила мне на плечи, только это, конечно, не помогло. Я просунул руки в слишком длинные для меня рукава и плотнее закутался в куртку. Она была тяжелой, потому что в карманах лежали всякие полицейские штуки, но это было даже неплохо. Тяжесть была приятной.

Во дворе перед домом стояли три полицейских патрульных автомобиля: два — по бокам от машины Лиз, и один — сразу за ней. Вскоре после того, как мы вышли, подъехал еще один автомобиль: внедорожник с надписью «НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ РЕНФИЛДА» на боку. Я подумал, что у местных пьяниц и лихачей сегодня вечером будет праздник, потому что почти вся полиция города собралась здесь.

Из дома вышел еще один полицейский и подошел к нам.

— Что здесь случилось, сынок?

Прежде чем я успел ответить, женщина-полицейский прижала палец к моим губам. Я не возмутился; на самом деле это было даже приятно.

— Не надо вопросов, Дуайт. Мальчик в шоке. Ему надо к врачу.

Крупный, дородный мужчина в белой рубашке и с полицейским жетоном на шее — начальник местной полиции, как я понял, — выбрался из внедорожника. Как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу.

— Отвези его в клинику, Кэролайн. Пусть его там осмотрят. Есть подтвержденные случаи смерти?

— Под лестницей лежит тело. Вроде бы женщина. Не могу подтвердить, точно ли она мертва, но судя по ее свернутой шее…

— Она точно мертва, — сказал я и расплакался.

— Поезжай, Кэролайн, — сказал начальник полиции. — И не обязательно ехать в окружную больницу. Вези его в «МедНау», это ближе. Пока я не приеду — никаких вопросов. И пока не приедет кто-то из взрослых, кто за него отвечает. Вы уже выяснили его имя?

— Еще нет, — сказала Кэролайн. — Тут полный

дурдом. В доме нет электричества.

Начальник полиции наклонился ко мне, уперев руки в колени, и я почувствовал себя пятилетним мальчишкой.

— Как тебя звать, сынок?

Вот тебе и «никаких вопросов», подумал я.

— Джейми Конклин. Моя мама уже едет сюда. Ее зовут Тия Конклин. Я ей уже позвонил.

— Ясно. — Он обернулся к Дуайту: — Почему в доме нет света? Во всех домах по дороге сюда электричество есть.

— Не знаю, шеф.

— Свет отрубился, когда она гналась за мной по лестнице, — сказал я. — Наверное, поэтому она и упала.

Было видно, что он хотел спросить у меня что-то еще, но не стал спрашивать, а просто велел Кэролайн ехать. Мы с ней сели в машину, и когда она выехала с мощеного дворика на изогнутую подъездную дорожку, я ощупал карманы джинсов и нашел телефон Лиз, хотя и не помнил, чтобы клал его к себе в карман.

— Можно, я позвоню маме и скажу, что мы едем в клинику?

— Да, конечно.

Уже включив телефон, я сообразил, что если

Кэролайн узнает, что я звоню с телефона Лиз, у меня могут возникнуть проблемы. Она наверняка спросит, откуда я знаю пароль на телефоне погибшей женщины, и что я ей отвечу? Впрочем, она ни о чем не спросила.

Мама сказала, что она уже едет. На «Убере» (что, наверное, стоило целое состояние, поэтому хорошо, что агентство опять приносило прибыль). Она сказала, что скоро приедет, и спросила, точно ли у меня все хорошо. Я сказал, да. Меня везут в клинику в Ренфилде, но просто чтобы меня осмотрели на всякий случай. Мама велела не отвечать ни на какие вопросы, пока она не приедет ко мне, и я сказал, что не буду.

— Я позвоню Монти Гришэму, — сказала она. — Он сам не занимается такими делами, но у него есть знакомые адвокаты.

— Мне не нужен адвокат, мам. — Когда я это сказал, Кэролайн быстро глянула на меня. — Я ничего не сделал.

— Если Лиз кого-то убила и ты при этом присутствовал, тебе понадобится адвокат. Будет расследование… дознание… наверняка подключится пресса… и все такое. Это я виновата. Я привела эту суку в наш дом. — Она на секунду умолкла и сказала, как плюнула: — Эту чертову *Лиз*.

— Сначала она была нормальной. — Это была правда, но я вдруг осознал, что ужасно устал. — Ладно, мам, скоро увидимся.

Я завершил звонок и спросил у Кэролайн, долго ли ехать до клиники. Она ответила, что минут двадцать. Я оглянулся на заднее сиденье, внезапно уверившись, что там будет Лиз. Или — что гораздо страшнее — Террьо. Но никого там не было.

— Мы здесь только вдвоем, Джейми, — сказала Кэролайн. — Не волнуйся.

— Я не волнуюсь, — ответил я, хотя была одна вещь, из-за которой мне следовало бы волноваться, и слава богу, что я о ней вспомнил, иначе нам с мамой грозили бы крупные неприятности. Я прислонился головой к оконному стеклу и отвернулся от Кэролайн. — Я, наверное, немного посплю.

— Да, тебе не повредит. — В ее голосе слышалась улыбка.

Я и вправду чуть-чуть подремал. Но сначала включил телефон Лиз, прикрывая его своим телом, и стер запись, где пересказывал маме сюжет «Тайны Роанока». Если в полиции у меня отберут телефон и выяснят, что он не мой, я что-нибудь придумаю. Или просто скажу, что не помню, как

он у меня оказался. Так будет проще и безопаснее. Но нельзя, чтобы кто-то нашел эту запись.

Ни в коем случае.

66

Начальник ренфилдской полиции и еще двое полицейских приехали в клинику примерно через час после нас с Кэролайн. С ними был человек в штатском, который представился окружным прокурором. Врач осмотрел меня и сказал, что со мной все в порядке: немного повышенное давление, но с учетом того, через что я прошел, это неудивительно. Он заявил, что уже завтра утром давление придет в норму и что я «обычный здоровый подросток». Да, обычный здоровый подросток, который общается с мертвыми, но я, конечно, не стал этого говорить.

Мы с полицейскими и прокурором уселись в комнате отдыха для сотрудников клиники и стали ждать мою маму. Как только она приехала, начались вопросы. Мы с мамой заночевали в ренфилдском мотеле «Стардаст», и следующим утром вопросы продолжились. Мама сама сказала полицейским, что она состояла в близких отношениях с Элизабет Даттон, пока не узнала, что Лиз занимается наркоторговлей. Я расска-

зал, как Лиз подловила меня после тренировки, силком усадила в машину и привезла в Ренфилд, где собиралась ограбить дом мистера Марсдена, надеясь добыть крупную партию окси. Под конец он сказал, где хранятся таблетки, и Лиз его застрелила: то ли потому, что таблеток в той комнате оказалось гораздо меньше, чем она ожидала, то ли потому, что там обнаружилось кое-что другое. Те фотографии.

— Я одного не понимаю, — сказала Кэролайн, когда я отдал ей куртку, которую не снимал очень долго. Мама одарила Кэролайн взглядом волчицы, готовой броситься на защиту своего детеныша, но та этого не заметила. Она смотрела на меня. — Она его связала…

— Она сказала, что *зафиксировала*. Употребила именно это слово. Наверное, потому, что раньше служила в полиции.

— Ладно, она его зафиксировала. И если судить по тому, что она говорила тебе — и что мы обнаружили наверху, — она его пытала. Но не слишком сильно.

— Давайте короче, — сказала мама. — Моему сыну сегодня пришлось пережить немало ужасов, и он совершенно измучен.

Кэролайн пропустила ее замечание мимо ушей.

Она по-прежнему смотрела на меня, причем очень пристально.

— Она могла бы пытать его дальше, пока не получит желаемого, но она бросила его в доме, помчалась в Нью-Йорк, похитила тебя и привезла в Ренфилд. Зачем?

— Я не знаю.

— Вы с ней ехали два часа, и она ничего не сказала?

— Сказала только, что рада меня видеть.

Я не помнил, чтобы она что-то такое сказала, так что формально это была ложь, но по сути, наверное, нет. Я вспомнил все вечера в нашей гостиной, когда мы втроем с мамой и Лиз смотрели «Теорию большого взрыва» и смеялись до слез. Вспомнил и разрыдался. На этом вечерний допрос завершился.

Уже в мотеле, когда мы вошли в номер, мама заперла дверь на замок и сказала:

— Если спросят еще раз, скажи, что, может, она собиралась взять тебя с собой, когда поедет на запад. Скажешь?

— Скажу.

У меня даже мелькнула мысль, что, возможно, Лиз что-то такое и задумывала. Это была не лучшая тема для размышлений, но все-таки лучше,

чем то, что я думал (и думаю до сих пор): что она собиралась меня убить.

В ту ночь я спал не в своем смежном номере. Я спал на диване в номере у мамы. Мне снилось, что я иду по пустынной проселочной дороге под тонким серпом луны. *Не свисти, не свисти*, твердил я себе, но все равно начал насвистывать. Не смог удержаться. Я насвистывал битловскую «Let It Be». Я очень четко это запомнил. Где-то на шестой-восьмой ноте у меня за спиной раздались шаги.

Я проснулся, зажимая руками рот. Словно пытался заглушить крик. Я до сих пор иногда так просыпаюсь — и боюсь вовсе не крика. Я боюсь, что проснусь со свистом на губах и мертвосвет, эта тварь, будет рядом.

Протягивая руки для объятий.

67

Есть много минусов быть подростком. Смотрите сами: прыщи, муки выбора, что надеть в школу, чтобы тебя не засмеяли, совершенно загадочные девчонки — и это лишь три позиции из бесконечного списка. Но после поездки в дом Дональда Марсдена (после моего похищения, если уж откровенно) я выяснил, что есть также

и плюсы.

Например, в ходе следствия мне не пришлось проходить через строй репортеров и телекамер, потому что я был не обязан давать показания лично. Я давал показания под видеозапись, причем с одной стороны от меня сидел адвокат, которого мне нашел Монти Гришэм, а с другой — мама. Пресса знала, кто я такой, но мое имя не упоминалось ни в каких СМИ, потому что меня защищало волшебное слово «несовершеннолетний». Ребята в школе узнали (ребята в школе почти всегда все узнают), но меня никто не изводил. Наоборот, меня зауважали. Мне уже не приходилось мучительно соображать, как заговорить с девчонками, потому что девчонки сами подходили ко мне и заводили разговоры.

И самое главное: у меня не возникло проблем из-за якобы моего телефона, который на самом деле был телефоном Лиз. Его у меня все равно уже не было. Мама выкинула его в мусоросжигатель, bon voyage, и велела мне говорить, что я его потерял, если кто-нибудь спросит. Но никто не спросил. А что касается вопроса, почему Лиз вернулась в Нью-Йорк и забрала меня с собой, полиция самостоятельно пришла к выводу, еще в самом начале предложенному моей мамой:

Лиз собиралась уехать на запад и хотела, чтобы с ней был ребенок. Возможно, она рассудила, что женщина, путешествующая с ребенком, привлечет меньше внимания. Почему-то никто не рассматривал возможность, что я попытаюсь сбежать или хотя бы позвать на помощь, когда мы остановимся на заправке или в придорожной закусочной где-нибудь в Пенсильвании, Индиане или Монтане. Разумеется, я бы такого не сделал. Я был бы послушной и смирной жертвой похищения, как Элизабет Смарт. Потому что я еще ребенок.

Дело Марсдена получило широкую огласку в прессе. На протяжении целой недели о нем писали во всех газетах, особенно в бульварных изданиях, отчасти по той причине, что Марсден был «наркобароном», но в основном из-за фотографий, найденных в его доме. Как ни странно, Лиз оказалась чуть ли не героем. «БЫВШАЯ СОТРУДНИЦА ПОЛИЦИИ ПОГИБЛА СРАЗУ ПОСЛЕ ТОГО, КАК УБИЛА ПОРНОГРАФА-ИЗВРАЩЕНЦА», — трубила «Дейли ньюс». Нигде не упоминалось, что Лиз выгнали из полиции из-за положительного результата теста на наркотики и подтвердившихся подозрений отдела внутренних расследований, зато упоминалась ее роль в обнаружении послед-

ней бомбы Подрывника, которую удалось найти и обезвредить, прежде чем пострадали люди. Видимо, кто-то из репортеров «Нью-Йорк пост» побывал в доме Марсдена («Тараканы проникнут повсюду», — сказала мама), или, может быть, у них в архиве нашлись фотографии дома, потому что одна из статей вышла под заголовком: «В ДОМЕ УЖАСОВ У БОЛЬШОГО ДОННИ». Мама расхохоталась, когда это увидела, и сказала, что в редакции «Нью-Йорк пост» разбираются в грамматических построениях фраз не лучше, чем в американской политике.

— Вполне можно было обойтись без «у», — пояснила она.

Ладно, мама. Как скажешь.

68

Вскоре другие новости вытеснили Большого Донни с его домом ужасов с первых полос газет, и моя слава в школе сошла на нет. Как там Лиз говорила о Чете Аткинсе? Все забывается очень быстро. Я снова столкнулся с проблемой, как заговорить с девчонками, потому что они уже не стремились подловить меня в коридоре — с широко распахнутыми глазами, подведенными тушью, и блестящими губами бантиком — и

заговорить со мной первыми. Я играл в теннис и попробовался на роль в школьном спектакле. В итоге я получил роль всего с двумя репликами, но я вложил в них всю душу. Я играл в видеоигры с друзьями. Водил в кино Мэри Лу Стейн, и мы с ней целовались. Это было волшебно.

Теперь включаем режим монтажа и листаем страницы календаря. Наступил 2016 год, потом 2017-й. Иногда мне снился тот сон о пустынной проселочной дороге, и я просыпался, зажимая руками рот, с единственной мыслью: *Я свистел или нет? Господи Боже, я свистел или нет?* Но такое случалось все реже и реже. Иногда я видел мертвых, но не слишком часто, и они были совсем не страшными. Однажды мама спросила, вижу я их или нет, и я сказал, что уже почти нет. Мне не хотелось ее волновать. Потому что я понимал, что она тоже пережила трудные времена.

— Может, ты и вовсе все это перерастешь, — сказала она.

— Может быть, — кивнул я.

И вот мы подходим к 2018 году. Наш герой Джейми Конклин теперь выше шести футов ростом, может отращивать бородку (которая жутко бесила маму), его приняли в Принстонский университет, и он уже почти взрослый, чтобы

голосовать. А к ноябрьским выборам станет уже *совсем* взрослым, без всяких «почти».

Я сидел у себя в комнате, готовился к выпускным экзаменам, и тут зазвонил телефон. Это была мама. Она снова звонила из «Убера». Сказала, что едет в Тенафлай, где был санаторий, куда она перевела дядю Гарри.

— У него опять пневмония, — сказала она. — И у меня есть предчувствие, что на этот раз он не выкарабкается, Джейми. Мне позвонили, просили приехать, а они просят приехать только в самых серьезных случаях. — Она помолчала и добавила: — Надо готовиться к худшему.

— Я сейчас тоже приеду.

— Тебе вовсе не обязательно ехать.

Подтекст был такой: по-настоящему я его никогда и не знал. По крайней мере, не знал его тем умным парнем, который строил карьеру для себя и своей сестры в жестоком мире нью-йоркского книгоиздания. Это и вправду жестокий мир. Теперь, когда я тоже работал в мамином агентстве — всего лишь несколько часов в неделю и в основном перебирал бумажки, — я понял, что это такое. И да, я действительно почти не помнил того дядю Гарри, каким он был до болезни, но я решил ехать вовсе не из-за него.

— Я приеду на автобусе.

Это было несложно. Собственно, именно так мы обычно и ездили в Нью-Джерси, когда у нас не было денег на «Убер» и «Лифт».

— У тебя же экзамены… Тебе надо готовиться…

— Книги — это уникальная портативная магия. Я где-то это прочел. Возьму учебники с собой. В общем, жди меня там.

— Возможно, придется остаться на ночь, — сказала она. — Ты уверен, что хочешь приехать?

Я сказал, что уверен.

Я точно не знаю, где именно я находился, когда дядя Гарри скончался. Может быть, уже в Нью-Джерси. Может быть, на мосту над Гудзоном. Может быть, в эти минуты я все еще видел «Янки-стэдиум» из заляпанного птичьим пометом автобусного окна. Мама ждала меня во дворе санатория — последнего дядиного санатория, — сидя на лавочке в тени под деревом. Глаза у нее были сухими, но она курила сигарету, хотя давно бросила курить. Она крепко меня обняла, и я так же крепко обнял ее в ответ. Я чувствовал сладкий запах ее духов, старый добрый аромат «Ла ви эст бель», который всегда возвращал меня в детство. К тому мальчику, которой считал офигенной свою зеленую индейку из отпечатка руки. Мне да-

же не пришлось спрашивать, мама сказала сама:

— Буквально за десять минут до моего приезда.

— Как ты?

— Да вроде нормально. Конечно, мне грустно, но я рада, что все уже позади. Он и так прожил гораздо дольше, чем обычно живут с таким диагнозом. Знаешь, я тут сидела и вспоминала «Три в воздух, шесть в землю»[17]. Знаешь такую игру?

— Вроде да.

— Другие мальчишки не хотели меня принимать, потому что я девочка, но Гарри сказал, что если меня не возьмут в игру, то он тоже не будет играть. А он был популярным у нас во дворе. Всегда был заводилой. Так что я стала, как говорится, единственной девушкой в мужском клубе.

— Ты хорошо играла?

— Я играла отлично, — сказала мама и рассмеялась. Затем вытерла пальцем уголок глаза. Она все-таки плакала. — Слушай, мне нужно поговорить с миссис Акерман, это директор, и подписать документы. А потом еще надо будет сходить в его комнату, может быть, забрать что-то из вещей. Даже не представляю, что бы мне

---

[17] Примечания: 17

Подвижная игра, очень облегченный, «дворовый» вариант бейсбола.

вдруг захотелось забрать.

Я ощутил легкий укол тревоги.

— Он же не?..

— Нет, милый. Его уже перевезли в местный морг. Завтра я буду решать вопрос об отправке тела в Нью-Йорк и… и все остальные вопросы. Последние приготовления. — Она секунду помедлила. — Джейми?

Я посмотрел на нее.

— Ты… ты его видишь?

Я улыбнулся.

— Нет, ма.

Она взяла меня за подбородок.

— Сколько раз я просила не называть меня так? Кто говорит «ма-а-а»?

— Глупые маленькие телята, — сказал я и добавил: — Да-да-да.

Это ее рассмешило.

— Подожди меня здесь. Я скоро вернусь.

Она вошла в здание санатория, и я обернулся к дяде Гарри, который стоял в десяти футах от меня. Он все время был здесь, одетый в пижаму, в которой умер.

— Привет, дядя Гарри, — сказал я.

Он не ответил. Но он смотрел на меня.

— У тебя все еще Альцгеймер?

— Нет.

— Значит, теперь все в порядке?

В его взгляде мелькнула едва заметная смешинка.

— Наверное, да. Если быть мертвым подпадает под определение «все в порядке».

— Она будет по тебе скучать, дядя Гарри.

Он не ответил. Впрочем, я и не ждал никакого ответа, потому что это был не вопрос. Но вопрос у меня все-таки был. Может быть, дядя Гарри не знал ответа, но, как говорится, если не спросишь, то и не получишь.

— Ты знаешь, кто мой отец?

— Да.

— И кто же он? Кто?

— Это я, — сказал дядя Гарри.

69

Я уже почти закончил (я помню, как думал, что тридцать страниц — это много!), но еще не совсем, так что вы уж, пожалуйста, дочитайте до самого конца.

Мои дедушка с бабушкой — как оказалось, мои *единственные* дедушка с бабушкой — погибли по пути на рождественскую вечеринку. Какой-то пьяный козел, уже крепко отметивший

Рождество, вылетел на встречную полосу на четырехполосном шоссе и врезался в них лоб в лоб. Сам пьяный выжил, как это часто бывает. Когда моему дяде (и, как оказалось, отцу) позвонили с печальными новостями, он был в Нью-Йорке, где носился с одной рождественской вечеринки на другую, обхаживая издателей, редакторов и писателей. Дядя Гарри (мой папа!) тогда только-только открыл литагентство и находился в положении человека, заблудившегося в чаще леса и пытавшегося разжечь костер из крошечной кучки тоненьких прутиков.

Он приехал домой в Арколу — маленький городок в Иллинойсе — на похороны родителей. После похорон были поминки, проходившие в доме у Конклинов. Собралось много народу: Лестера и Норму любили все. Кто-то принес еду, кто-то — выпивку, так сказать, крестную мать многих нежданных детей. Тия Конклин, в то время — вчерашняя студентка, не так давно поступившая на свою первую работу в бухгалтерской фирме, явно выпила лишнего. Ее брат тоже выпил лишнего. Вот такие дела.

И вот гости уходят, Гарри ищет сестру и заходит к ней в комнату. Она лежит в постели в одном белье и плачет навзрыд. Он ложится с ней ря-

дом и обнимает. Просто чтобы утешить, вы же понимаете, но одно утешение влечет за собой другое. Всего лишь раз, но и одного раза бывает достаточно, и ровно через полтора месяца — Гарри уже вернулся в Нью-Йорк — ему позвонила сестра. Вскоре после того звонка моя беременная мама перебралась в Нью-Йорк и стала работать в агентстве у брата.

Выстояло бы литагентство «Конклин» в жесткой конкурентной борьбе, если бы там не работала мама, или крошечный костерок, разведенный из листьев и прутиков моим дядей/отцом, испустил бы тонкую струйку белесого дыма и затух бы еще до того, как он успел бы подбросить в огонь первое более-менее крупное полено? Сложно сказать. Когда костер разгорелся, я спал в колыбельке и писался в памперсы. Но мама была хороша в своем деле, это я знаю точно. В противном случае агентство не выстояло бы позже, когда обрушился финансовый рынок.

Вот что я вам скажу: существует немало дурацких мифов о детях, родившихся от инцеста, особенно когда речь идет об отце с дочерью или о брате с сестрой. Да, могут быть медицинские проблемы, и да, шансы, что будут проблемы, при инцесте чуть выше, но расхожее мнение,

что большинство таких детей рождается с умственными отклонениями, с одним глазом или патологической косолапостью, — это все-таки полный бред. Я выяснил, что среди наиболее частых дефектов у детей, рожденных от кровосмесительных связей, встречаются сросшиеся пальцы на руках или ногах. У меня есть два шрама на левой руке, на среднем и безымянном пальцах. Шрамы остались от операции по разделению пальцев, которую мне сделали еще во младенчестве. Когда я впервые спросил у мамы об этих шрамах — мне тогда было года четыре, — она сказала, что доктора провели операцию еще до того, как нас с ней выписали из роддома. «Чик-чик, и готово», — сказала она.

И конечно же, у меня есть еще одна врожденная особенность, которая может быть связана с тем, что когда-то давным-давно, в сильном подпитии и сильном горе, мои родители сблизились чуточку больше, чем положено брату с сестрой. Или, может быть, моя способность видеть мертвых никак не связана с обстоятельствами моего рождения. У людей с полным отсутствием слуха может родиться музыкальный гений; у не знающих грамоты — великий писатель. Иногда талант возникает из ниоткуда, или так кажется.

Хотя погодите секунду.

Все, что я только что рассказал, — это лишь мои домыслы.

Я не знаю, как именно Тия и Генри стали родителями непоседливого мальчугана по имени Джеймс Ли Конклин, потому что не стал выспрашивать у дяди Гарри подробности. Он бы мне рассказал — мертвые не врут, как мы уже установили, — но я не хотел знать. После тех его слов — *Это я* — я отвернулся и направился в здание санатория искать маму. Он не пошел за мной следом, и я его больше не видел. Я думал, что он покажется на панихиде или на кладбище, когда мы будем его хоронить, но он так и не появился.

По дороге домой (на автобусе, как в прежние времена) мама спросила, все ли со мной хорошо. Я сказал, что все хорошо и я просто пытаюсь свыкнуться с мыслью, что дяди Гарри больше нет.

— Ощущения как в детстве, когда выпадает молочный зуб. Остается дыра, и ты постоянно трогаешь ее языком. Только дыра не во рту, а внутри.

— Понимаю, — сказала мама, обнимая меня. — Я себя чувствую так же. Но мне не грустно. Я не думала, что буду грустить, и я не грущу. Потому что на самом деле он ушел уже очень давно.

Мне было приятно, что она меня обняла. Я любил маму и люблю до сих пор, но в тот день я ей соврал, и не только тем, что не ответил на вопрос. Ощущения были совсем не такими, как бывает, когда выпадает зуб; наоборот, от того, что я выяснил, у меня словно вырос еще один зуб, и для него не было места во рту.

Некоторые факты подтверждают историю, которую я только что рассказал. Лестер и Норма Конклин действительно погибли в автомобильной аварии, устроенной пьяным водителем. Они действительно ехали на рождественскую вечеринку. Гарри действительно приезжал в Иллинойс на похороны; я нашел заметку в арколской «Рекорд геральд», где было сказано, что он произнес надгробную речь. В начале следующего года Тия Конклин действительно уволилась с работы и уехала в Нью-Йорк помогать брату в литературном агентстве. А через девять месяцев после похорон в нью-йоркской больнице Ленокс-Хилл родился я, Джеймс Ли Конклин.

Так что ага-ага, да-да-да, все могло быть именно так, как я и рассказал. В моей истории все складывается очень даже логично. Но все могло быть по-другому, причем так, как мне бы совсем не понравилось. Например, изнасилование на-

пившейся до бесчувствия молодой женщины. Изнасилование, совершенное ее собственным старшим братом, которому спьяну хотелось секса. Собственно, я потому и не стал ничего спрашивать: я не хотел знать. Возникает ли у меня мысль, что, возможно, они обсуждали аборт? Иногда возникает. Беспокоит ли меня, что я мог унаследовать от дяди/отца не только ямочки на щеках и склонность к ранней седине, которая уже начала появляться в моих черных волосах в нежном двадцатидвухлетнем возрасте? Или, если уж говорить начистоту, беспокоит ли меня, что я могу сойти с ума во все еще нежном возрасте тридцати, тридцати пяти или сорока лет? Да. Конечно, беспокоит. Судя по информации из Интернета, у моего дяди-отца была наследственная болезнь Альцгеймера с ранним началом. Она дожидается своего часа в генах PSEN1 и PSEN2, и существуют специальные тесты для ее выявления: плюешь в пробирку и ждешь результат. Я, наверное, сделаю этот тест.

Позже.

Кстати, вот что забавно: я перечитываю все написанное с начала и вижу, что под конец стал писать лучше. Я не пытаюсь сказать, что достиг уровня Фолкнера или Апдайка; я всего-навсего го-

ворю, что мои навыки улучшаются с практикой, и мне кажется, так происходит почти в любом деле. Остается надеяться, что я буду сильнее и лучше во многом другом, когда снова встречусь с той тварью, что захватила Террьо. Потому что мы с ней еще встретимся. Она не показывалась с того вечера в доме Марсдена, когда то, что Лиз Даттон увидела в зеркале, свело ее с ума, но она затаилась и ждет. Я это чувствую. Я это знаю, на самом деле, хотя по-прежнему не имею понятия, что это за тварь.

Но это не важно. Я не собираюсь отравлять себе жизнь, раздумывая над вопросом, грозит ли мне сумасшествие в среднем возрасте, и не собираюсь отравлять себе жизнь, дрожа под довлеющей надо мной тенью какой-то твари. Она и так мне испортила столько дней. Тот факт, что я родился в результате инцеста, кажется до смешного незначительным по сравнению с обугленным телом Террьо с мертвосветом, бьющим из трещин в коже.

Я много читал за все годы, что прошли с того дня, когда эта тварь попыталась вызвать меня на повторный бой по ритуалу Чудь, и нашел немало странных поверий и жутких легенд — о которых не упоминалось ни в саге о Роаноке Риджиса

Томаса, ни в «Дракуле» Стокера. Среди них было много рассказов о демонах, завладевавших живыми людьми, но мне пока не попадалось ни одной истории о демонах, способных завладевать мертвыми. Ближе всего были истории о злонамеренных призраках, но это все-таки совсем не то. Поэтому я совершенно не представляю, с чем имею дело. Единственное, что я знаю наверняка: когда-нибудь нам придется сразиться. Я свистну, тварь прибежит на мой свист, и вместо того чтобы ритуально кусать друг друга за языки, мы сольемся в объятиях, а потом… что ж. Потом мы увидим.

Да, мы увидим.

Но позже.